

ISSN 2687-0126

# PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

**Дискурс  
профессиональной  
коммуникации**

VOLUME 6 ISSUE 2  
2024

### **Editor-in-Chief**

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

### **Editorial Board**

Biljana Marić

University of Belgrade, Serbia

Aleksandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Dragana Popovic

University of Novi Sad, Serbia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoriya L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Oleg A. Radchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

**The Founder:** MGIMO University

**Address:** 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

*Professional Discourse & Communication* is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

*PDC* specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

**Главный редактор**

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

**Редакционная коллегия**

Биляна Мариц

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, филологический факультет, Белградский университет, Сербия

Анисимова Александра Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, Московский университет имени М.В. Ломоносова

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Ереванский государственный университет, Армения

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор кафедры «Английский язык в сфере филологии и искусств», Санкт-Петербургский государственный университет.

Клюканов Игорь Ангелевич

доктор филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный член Российской академии естественных наук, профессор Пекинского университета иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка №4, МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета, Хельсинки университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет

Синекопова Галина Васильевна	кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США
Драгана Попович	доктор филологических наук, доцент кафедры славистики, философский факультет, Новисадский университет, Сербия
Чекулай Игорь Владимирович	доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

**Учредитель:** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**Адрес:** 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

## Contents

<b>Introduction to Volume 6 Issue 2</b> .....	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko	

### Original article

<b>Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of “English Grammar in Use” by Raymond Murphy</b> .....	10
by Ekaterina V. Kopshukova, Natalya V. Panina	

<b>Contemporary American Political Discourse: a Study of Content, Structure, and Formation Features</b> .....	35
by Nikita A. Bystrov	

<b>The “Friend–Foe” Opposition in Modern Ironic Political Discourse</b> .....	49
by Anna A. Gornostaeva	

<b>Basic Communicative Strategies and Tactics of Russian and Armenian Medical Media Discourse</b> .....	62
by Merri M. Petrosyan	

<b>Word Formation and Semantic Features of Composites in Verbal Word-Forming Nests With the Base Word ‘Lyubit’/‘Lieben’ in Russian and German</b> .....	82
by Natalia A. Krupnova	

<b>The Structure and Typology of Yemsa Relative Clauses: An Empirical Study</b> .....	99
by Mitike Asrat, Girma Mengistu, Endalew Assefa	

<b>Using Group Discussions to Hone 21st-Century Skills in Teaching Political English</b> .....	121
by Aida S. Rodomanchenko, Ksenia A. Vertlib	

<b>Mastering English Economic Discourse: Strategies for Russian-Speaking Economics Students</b> .....	139
by Olga B. Andreeva, Elena V. Pronina	

### Conference report

<b>Exploring the Impact of Neurolinguistic Research on Foreign Language Education: Insights from the MGIMO University Round Table Event (Moscow, April 20, 2024)</b> .....	155
by Vasily M. Glushak	

## Содержание

<b>Слово главного редактора</b> .....	7
Храмченко Д.С.	
Оригинальные статьи	
<b>Динамика формирования полимодальных компонентов в англоязычном образовательном дискурсе (на материале учебника по грамматике “English Grammar in Use” Р. Мерфи)</b> .....	10
Копшукова Е.В., Панина Н.В.	
<b>Основные особенности американского политического дискурса: содержание, структура, специфика формирования</b> .....	35
Быстров Н.А.	
<b>Оппозиция «свой-чужой» в современном ироническом политическом дискурсе</b> .....	49
Горностаева А.А.	
<b>Основные коммуникативные стратегии и тактики медицинского медиадискурса (на материале русского и армянского языков)</b> .....	62
Петросян М.М.	
<b>Словообразовательные и семантические особенности композитов в составе глагольных словообразовательных гнезд с вершинами <i>любить / lieben</i> в русском и немецком языках</b> .....	82
Крупнова Н.А.	
<b>Структура и типология относительных придаточных предложений в языке йемса</b> .....	99
Асрат М., Менгисту Г., Ассефа Э.	
<b>Использование командных дискуссий для развития компетенций XXI века в рамках курса «Политический английский»</b> .....	121
Родоманченко А.С., Вертлиб К.А.	
<b>Освоение англоязычного институционального дискурса экономики русскоязычными студентами</b> .....	139
Андреева О.Б., Пронина Е.В.	
Новости научной жизни	
<b>Обзор круглого стола, посвященного роли нейролингвистических исследований в иноязычном образовании (Москва, МГИМО МИД России, 20.04.2024)</b> .....	155
Глушак В.М.	

## INTRODUCTION TO VOLUME 6 ISSUE 2

by Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko

Welcome to the latest edition of “*Professional Discourse & Communication*,” an international peer-reviewed journal dedicated to examining the evolving characteristics of professional verbal interaction. In Volume 6 Issue 2, we continue our commitment to providing cutting-edge research and meaningful discussions on the theoretical and practical aspects of professional discourse.

This issue presents a collection of research studies that investigate dynamic properties of language and professional discourse across different communicative situations, cultural perspectives, and occupational areas. The articles encompass a wide range of topics, from the analysis of multimodal components in educational materials to the exploration of communicative strategies in medical and political spheres.

Ekaterina Kopshukova and Natalya Panina’s opening article “*Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: The Case of ‘English Grammar in Use’ by Raymond Murphy*” offers a comprehensive multimodal discourse analysis of Raymond Murphy’s renowned English grammar textbook. The authors examine the evolution of verbal and visual components in five editions of the textbook, highlighting the pragmatic functions of graphic elements, typography, and color in enhancing learner engagement and information conveyance. The study explores a unique interconnection between advertising and educational discourse and increasing emphasis on personalizing educational content. By avoiding academic jargon and focusing on practical language use, Murphy’s textbook sets a standard, blending traditional and innovative approaches to meet the developing needs of language learners. The article’s findings contribute significantly to understanding the synergetic potential of educational materials and their impact on language learning and teaching methodologies.

Shifting to political discourse, Nikita Bystrov’s “*Contemporary American Political Discourse: A Study of Content, Structure, and Formation Features*” dissects the defining characteristics of contemporary American political discourse, revealing the impact of socio-cultural factors on language use. Through an in-depth analysis of speeches and journalistic articles, the research illuminates key features that distinguish American political discourse from political communication in other English-speaking countries. This article not only enriches the field of political discourse studies but also delivers a linguacultural perspective that deepens our understanding of American society and its worldview, presenting a framework for future research in this area. Furthermore, the results of this analysis are particularly valuable for professionals engaged in political communication, reflecting the broader implications for the linguistics of professional discourse.

Anna Gornostaeva’s “*The ‘Friend–Foe’ Opposition in Modern Ironic Political Discourse*” explores the pervasive role of irony in modern political communication, elucidating how ironic images and the “friend vs. foe” opposition are strategically employed to achieve political objectives. This work sheds light on the theatrical aspects of political discourse and its connection to Anglo-Saxon cultural values. By dissecting ironic images into

situational and emotional types, the author offers a chance to glimpse the real intentions and preferences of professional politicians, paving the way for a deeper understanding of political discourse in general.

In the field of medical communication, Merri Petrosyan's "*Basic Communicative Strategies and Tactics of Russian and Armenian Medical Media Discourse*" examines the strategic planning and tactical execution of communicative intentions typical of Russian and Armenian medical blogging. By analyzing a substantial corpus, the research unveils the dual nature of medical media discourse, balancing the dissemination of vital health information with commercial marketing interests and speech manipulation.

Natalia Krupnova's article, "*Word Formation and Semantic Features of Composites in Verbal Word-Forming Nests with the Base Word 'lyubit' / 'lieben' in Russian and German*," provides an in-depth comparative analysis of the word formation and semantic characteristics of composites centered around the verbs 'to love' in Russian and German. Through meticulous analysis of empirical data, the author reveals unique linguistic phenomena, such as the presence of fusion in Russian composites and the absence of reduplication in German. The findings also prove the integral role of these composites in professional lexicons in various fields, such as psychology and biology, and their capacity to reflect cultural concepts inherent to Russian and German speakers, contributing significantly to the knowledge of professional and cross-cultural communication.

Venturing into lesser-studied linguistic territories, Mitike Asrat, Girma Mengistu, and Endalew Assefa's "*The Structure and Typology of Yemsa Relative Clauses: An Empirical Study*" unravels the composition and characteristics of relative clauses in Yemsa, an underexplored Omotic language. This research significantly advances our knowledge of syntax in Yemsa and the Omotic language family, providing crucial data for comparative syntactic studies and aiding in the development of educational materials. The findings also show the importance of relative clauses in professional and cultural communication within the Yemsa-speaking community, thereby enriching the broader field of linguistic research and education.

Aida Rodomanchenko and Ksenia Vertlib's article "*Using Group Discussions to Hone 21st-Century Skills in Teaching Political English*" explores innovative teaching methods designed to cultivate essential 21<sup>st</sup>-century skills in undergraduate students of political English. Their research highlights the effectiveness of debate formats and 'discussion brackets' in enhancing critical thinking, creativity, collaboration, and communication abilities, aligning with the global educational shift towards incorporating these competencies into curricula.

The article "*Mastering English Economic Discourse: Strategies for Russian-Speaking Economics Students*" by Olga Andreeva and Elena Pronina is dedicated to the complexities of acquiring professional economic discourse for undergraduate economics students. Recognizing that economic discourse encompasses a vast array of genre, stylistic, and pragmatic elements, the study identifies effective strategies to facilitate this learning process. The authors argue that translating economic texts, editing machine-translated content, summarizing in English, and engaging in discussions are pivotal methods for students to master the foreign language of economics. These activities help students to not only comprehend but actively participate in professional economic discourse, transforming their acquired

knowledge into practical communicative skills. The results suggest that prioritizing these strategies significantly enhances students' ability to integrate into the English-speaking economic community, making economic discourse a powerful tool for professional expertise.

Lastly, in the "Conference Report" section, Vasily Glushak overviews the main discussions presented at the round table on neurolinguistic research issues in the field of language education held in April 2024 at MGIMO University.

The editorial team would like to express their gratitude to the authors who have contributed to this issue, as well as to the reviewers who have generously given their time and expertise to help maintain the high standards of the journal. We hope that readers will find the selected articles to be thought-provoking, engaging, and informative, and we look forward to receiving your feedback and suggestions for future issues. Thank you for your continued support of "Professional Discourse & Communication."



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-10-34>

## ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИМОДАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА ПО ГРАММАТИКЕ “ENGLISH GRAMMAR IN USE” Р. МЕРФИ)

***Е.В. Копцукова***

*Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева  
(Самара, Россия)  
kopshukova.ev@ssau.ru*

***Н.В. Панина***

*Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева  
(Самара, Россия)  
panina.nv@ssau.ru*

**Аннотация:** Цель настоящей статьи заключается в выявлении лингвистических особенностей образовательного дискурса в терминах структурного, описательного, семантического и когнитивно-прагматического видов анализа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявить тенденции репрезентации языковых компонентов в современных учебных пособиях по грамматике в эпоху становления коммуникативно-прагматического подхода в образовательном дискурсе. Внимание авторов сосредоточено на лингвосинергичном потенциале англоязычного учебника по грамматике “English Grammar in Use” Рэймонда Мерфи, проявляемом в изменениях определенных дискурсивных маркеров во всех пяти изданиях. Таким образом, новизну настоящего исследования составляет комплексный подход к анализу исследуемого материала с применением метода мультимодального дискурс-анализа. В статье наглядно представлены примеры различий вербальной и визуальной составляющих (графические элементы, капитализация букв, курсив, шрифт, цвет), которые имеют прагматический потенциал и выполняют аттрактивную, административную, информативную и иные функции. Совместно с этим авторы раскрывают наличие интерференции рекламного и образовательного дискурсов и обращают внимание читателя на малоформатный характер текстов в учебнике-самоучителе с его ярко выраженной гипертекстовой структурой, которая актуализируется внутренней системой лингвистических указателей, заменяющих присутствие учителя, выполняя тем самым директивную функцию. В ходе проведенного диахронического анализа коммуникативных ситуаций, представленных в практической части изучаемого учебного пособия, прослеживается динамика употребления междометий разной функциональной направленности от первого и до последнего изданий. Особая значимость употребления междометий в пособии по грамматике объясняется необходимостью формирования соответствующего эмоционально-

экспрессивного фона высказывания, который способен ускорить процесс освоения того или иного грамматического явления с учетом особенностей функционирования грамматических конструкций в реальной коммуникации. Авторы пособия отмечают, что в своём стремлении создать коммуникативную ситуацию, наиболее приближенную к естественной, и попытке избежать употребления лингвистических терминов для объяснения грамматических правил, составитель руководствуется принципом доступности, представляя сложный грамматический материал в наиболее простой форме для широкой аудитории. В связи с этим, в статье делается вывод о весомой роли личностно-ориентированного компонента в новых изданиях исследуемого пособия помимо ведущей статусной ориентации, предполагаемой в образовательном дискурсе.

**Ключевые слова:** образовательный дискурс, гипертекст, концепт, междометия, лингвосинергетика.

**Для цитирования:** Копшукова, Е.В., Панина, Н.В. (2024). Динамика формирования полимодальных компонентов в англоязычном образовательном дискурсе (на материале учебника по грамматике “English Grammar in Use” Р. Мерфи). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(2), 10–34. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-10-34>

## 1. ВВЕДЕНИЕ

Маловероятно, что среди квалифицированных преподавателей по английскому языку найдется хоть один человек, кто на своих занятиях не использовал учебное пособие *English Grammar in Use*, которое составлено Рэймондом Мерфи (*Raymond Murphy*), британским преподавателем английского как иностранного, и предназначено для учащихся с уровнем владения английским языком B1 (*Intermediate*) и B2 (*Upper-Intermediate*). Начав преподавать в Германии в 1980 году, впервые автор опубликовал свой труд в 1985 году, предложив свои рукописи, а именно – 30 уроков, напечатанных на печатной машинке, одному из самых авторитетных издательств *Cambridge University Press*. И уже на протяжении 39 лет этот учебник по грамматике по-прежнему пользуется всемирным спросом и популярностью, не покидая рейтинги рекомендуемых пособий по изучению английского языка и уверенно входя в десятку лучших.

За весь этот период времени в свет вышли четыре новых издания: второе – в 1994 г., третье – в 2004 г., четвертое – в 2012 г. и пятое – в 2019 г. Получается, что каждая новая редакция требовалась всего лишь примерно один раз в десять лет, что является редкостью в условиях современного рынка образовательных услуг, когда новые улучшенные издания могут предлагаться уже через два-три года. Среди многих учителей часто возникают дискуссии о том, насколько оправданными являются регулярные переиздания одних и тех же учебных материалов, так как, с одной стороны, внесенные изменения не всегда являются логичными и существенными. С другой стороны, они вносят значительные неудобства в организацию образовательного процесса, потому что у учащихся на руках оказываются пособия разных изданий, в которых присутствуют различия как структурного, так и содержательного характера.

В своих интервью Рэймонд Мерфи уточняет, что за столь длительный срок существования своего учебника-самоучителя, он тоже внес большое, по его мнению, количество изменений и поправок. Работа над совершенствованием пособия велась поэтапно, и изменения,

как лингвистические, так и экстралингвистические, были внесены в каждую из редакций учебника-справочника. В большинстве случаев это были небольшие поправки и дополнения, доработки в оформлении и внешнем дизайне. А в целом, основная суть и общий принцип работы с пособием оставались всегда прежними.

Отметим, что, по мнению Е.В. Пономаренко, изучение дискурса является важным средством отражения мыслительных, психических и чувственных процессов, которые всецело свойственны человеку (Пономаренко, 2004). Вслед за профессором, мы полагаем, что образовательный дискурс позволяет изучить процесс языковой деятельности через социальный контекст использования языка в учебной среде. Поэтому для того, чтобы расширить наши представления о системе смыслов англоязычного образовательного дискурса, стоит внимательнее исследовать поведенческие модели, свойственные коммуникантам, изучающим английский язык как иностранный, и представителям англоязычного общества с целью выявления системы лингвистических маркеров, которые встречаются в их речевом выражении, в нашем случае – в малоформатных текстах (МФТ) объяснений, примеров и заданий в учебнике по грамматике *English Grammar in Use* (Копшукова, 2013).

Нам представляется интересным и важным с позиций научного осмысления проследить динамику изменений лингвокогнитивных характеристик во всех пяти изданиях изучаемого нами пособия, так как подобное исследование образовательного дискурса углубит наши знания об эволюции мировоззрения англоязычного социума на жизненно-практическом уровне с учетом познавательного, ценностно-нормативного, эмоционально-волевого и практического компонентов (Радугин, 1997, с.13).

## 2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы можем с уверенностью утверждать, что изучение дискурса, а в частности дискурса профессиональной коммуникации, остается одним из актуальных вопросов, который по сей день порождает дискуссии и новые точки зрения. Многие исследователи приходят к выводам на основе результатов языковой деятельности, полученных по итогам изучения социально-культурных практик, вписанных в определенный социальный контекст. В фокусе нашего внимания особое значение будут иметь полимодальные особенности дискурса в образовательной среде.

Новизна настоящего исследования состоит в использовании такой научно-методической схемы, которая заключается в комплексном подходе к анализу исследуемого материала в соответствии с логикой последовательного и поэтапного применения целого ряда методов и подходов. Научная значимость статьи заключается в выводах о весомой роли личностного компонента в новых изданиях исследуемого учебного пособия помимо статусной ориентации, которая предполагается в качестве ведущей в образовательном дискурсе. Данный вывод был сделан на основании примеров, в которых динамика изменений детерминирована субъективными предпочтениями составителя пособия, и выбором языковых средств для объяснения грамматических правил, основанном на личном опыте преподавания Рэймонда Мерфи. Мы полагаем, что наше исследование обладает практической ценностью, так как полученные выводы и результаты могут быть приняты к сведению при составлении отечественных российских грамматических пособий по английскому языку, что является несомненно трудоемким процессом, требующим пристального внимания ко всем деталям в совокупности – как к языковому наполнению, так и к пониманию особенностей композиционного строя в целом.

В современных исследованиях используется несколько терминов, описывающих одинаковые или, по крайней мере, схожие проявления дискурса в образовательной среде. Так, в работах Е.Ю. Дьяковой (Дьякова, 2011), В.И. Карасика (Карасик, 2004), Н.А. Коминой (Комина, 2004) используется понятие «учебного и организационно-учебного дискурса», а исследователи Ю.Е. Чубарова (Чубарова, 2008), С.А. Герасимова (Герасимова, 2011), Н.В. Иноземцева (Иноземцева, 2010) оперируют терминами «учебно-научного» и «учебно-дидактического дискурса». Л. М. Бузинова (Бузинова, 2017) и М.А. Сухомлинова (Сухомлинова, 2018), к примеру, предпочитают термин «академический дискурс», а И.К. Кириллова (Кириллова, 2010) и А.С. Роботова (Роботова, 2023) – «педагогический дискурс», Е.А. Кожемякин и Е.А. Кротков (Кожемякин, Кротков, 2009) – «образовательно-педагогический дискурс» или «дискурс образования». Одной из причин такого обилия терминологии, которая не позволяет установить четкие границы между данными дискурсивными подтипами статусно-ориентированного общения, является интертекстуальность «потому, что именно этот феномен зачастую стирает грани между различными типами дискурса, делая их практически неразграничиваемыми» (Чекулай, Прохорова, 2019, с. 30).

Тем не менее, в настоящей статье мы будем опираться на понятие «образовательный дискурс» вслед за Е.В. Добреньковой (Добренькова, 2007) и А.А. Харьковской (Харьковская, 2015). С нашей точки зрения, этот вариант наиболее полно описывает тот тип среды, в которую погружен материал нашего исследования. К примеру, мы можем обнаружить существенную разницу в языке справочного пособия по грамматике и учебника: первый не относится ко второму, но при этом они оба присутствуют в среде образования.

При определении онтологического статуса различных видов статусно-ориентированного дискурса мы придерживаемся точки зрения И.В. Чекулай и О.Н. Прохоровой о том, что дискурс присущ всему языковому коллективу в лице отдельных индивидов, а статусно-ориентированный дискурс «независимо от того, какое терминологическое звучание придаётся ему тем или иным исследователем», принадлежит «коллективу, объединённому некоторой общественно значимой деятельностью» (Чекулай, Прохорова, 2019, с. 26), в нашем исследовании речь идет о принадлежности к образовательной сфере. Автор учебного пособия по английской грамматике *English Grammar in Use*, Рэймонд Мерфи является специалистом в сфере преподавания английского языка как иностранного, а его труд предназначен обучающимся, которые планируют стать эрудированными членами англоязычного сообщества, а значит должны овладеть основами коммуникации на английском языке, чтобы успешно поддерживать грамотный диалог и в будущем быть способными обеспечивать взаимопонимание с субъектами англоязычной социокультуры. Именно поэтому, в заданиях и примерах с грамматическими правилами встречается определенный набор языковых и социокультурных кодов, таких как прецедентные феномены, междометия, концепты. Познакомившись в процессе обучения с приведенными образцами социальной практики в разнообразных ситуативных контекстах, ученики смогут воспроизводить и транслировать собственные социокультурные ценности, они научатся реализовывать свои когнитивные и коммуникативные потребности, что приведет к созданию новых моделей социального опыта.

Исходя из вышесказанного, мы относим учебное пособие по английской грамматике *English Grammar in Use* к образовательному дискурсу, который является видом статусно-ориентированного дискурса (институционального общения) и предлагаем рассматривать его как регламентируемую историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и смысловоспроизводящую деятельность, которая направлена на трансляцию и регуляцию определенных навыков, умений и знаний, а также ценностей и моделей

поведения с помощью когнитивных и коммуникативных средств, которые располагаются по определенному шаблону, состоят из тематически запрашиваемых текстов, находящихся в тесной взаимосвязи с заданием и широким разнообразием паралингвистических средств (Копшукова, 2013).

В процессе научного осмысления нельзя недооценивать важную роль анализа не только вербальных, но и невербальных маркеров лингвистической организации исследуемого текстового материала в учебном пособии, так как даже наличие особенностей композиционного строя в целом служит очевидным доказательством реализации определенного прагматического потенциала в образовательном дискурсе, а именно: паравербальное сопровождение весьма эффективно для выполнения аттрактивной, смысловыделительной, эстетической, экспрессивной, информативной, директивной, организационно-ориентировочной и иллюстративной функций (Копшукова, 2013).

Исследование изменений лингвокогнитивных компонентов, принадлежащих к образовательному дискурсу, является актуальным и обоснованным, так как они представляются нам в качестве (относительно) самостоятельных иерархических знаковых систем, которым свойственны определенный набор функций, законов жизнедеятельности и «манера» поведения, а это «предполагает анализ саморазвития общей смысловой системы рассматриваемого фрагмента дискурса» (Пономаренко, 2004, с.4).

Мы можем утверждать, что данное исследование носит антропоцентрическую направленность, так как человек по-прежнему является вершиной в современной научной гуманитарной парадигме и в процессе дискурсивной профессиональной коммуникации становится производителем и получателем определенной текстовой информации.

### 3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В ходе нашего исследования мы анализируем языковые компоненты, которые обладают свойствами текстологического, лингвопрагматического, когнитивного и лингвосинергетического характера, что предполагает применение структурного, описательного, семантического, когнитивно-прагматического видов анализа, а также мультимодального дискурс-анализа. Сочетание этих подходов вместе с диахроническим позволит провести комплексный разбор лингвистического материала, с целью получить выводы о вербальном наполнении и паравербальном сопровождении аутентичного учебника-самоучителя по грамматике английского языка *English Grammar in Use* Рэймонда Мерфи.

Особая значимость нашей работы заключается в объеме исследовательского материала. В рамках данной статьи мы намерены рассмотреть и сопоставить пять изданий учебного пособия *English Grammar in Use* Рэймонда Мерфи, первое объемом 267 страниц, а остальные – более 300 страниц каждое, с целью описать общие тенденции, а также проанализировать произошедшие изменения лингвокогнитивных характеристик учебника и выявить возможные закономерности, свойственные образовательному дискурсу.

### 4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

#### 4.1. Композиционные особенности

Учебник по грамматике *English Grammar in Use* Рэймонда Мерфи во всех своих изданиях представляет собой полностью завершённый продукт и отличается целостностью композиционного строя, который всегда сохранялся неизменным по своей философии создания:

каждый новый грамматический урок основной части учебника предлагается на одном развороте, где слева всегда структурировано расположены объяснения с примерами, а с правой стороны – упражнения для отработки этих правил.

Тем не менее, отдельные элементы композиции постепенно усовершенствовались, например, введение (*Introduction*) в первом издании выполняет определенно административную, информативную и директивную функции для того, чтобы стало понятным, как устроено пособие и как с ним работать, но начиная со второго издания сразу после выходных данных добавлен раздел с благодарностью ко всем, кто оказал содействие и поддержку на разных этапах работы над книгой (*Thanks*). К пятому изданию этот раздел значительно сократился только до двух имен и традиционного для всех изданий первого обобщающего абзаца с обращением ко всем студентам и коллегам, а также сотрудникам школы в Оксфорде, где были написаны первые рукописи. После раздела с благодарностями следует введение, которое переименовали в инструкцию по работе с учебником для учащегося (*TO THE STUDENT*) и учителя (*TO THE TEACHER*).

В этих разделах главные изменения заключаются в том, что обучающимся предлагается информация о новых возможностях использования учебника с цифровыми носителями, например:

- *There are also 1,700 test questions <...>. The CD Rom can also be bought separately* (Murphy, 2004). Важно отметить, что внушительные количественные данные, сказуемое в страдательном залоге можно рассматривать как маркеры информации рекламного характера.
- *An online version of English Grammar in Use is also available* (Murphy, 2012).
- *An ebook version of English Grammar in Use is also available to buy* (Murphy, 2019).

Таким образом, в раздел инструкций постепенно проникает информация рекламного характера, что может служить ярким примером интерференции рекламного и образовательного дискурсов (Шевченко, 2008).

Раздел инструкции для учителя (*TO THE TEACHER*) во втором и третьем изданиях в самом конце был дополнен информационной таблицей о внесенных правках и изменениях в новое издание по сравнению с предыдущим, но в четвертом и пятом изданиях этот информационный блок отсутствует, скорее всего из-за того, что существенных как количественных, так и качественных изменений уже не производилось.

После инструкций следует основная часть учебника, в которой грамматические уроки сгруппированы, и каждая группа имеет свой подзаголовок. Четвертое и пятое издания полностью идентичны по количеству групп и подзаголовков, но стоит обратиться к более ранним изданиям, чтобы проследить, какие изменения произошли. Нагляднее результаты сравнения представлены в таблице ниже.

Таблица 1. Сравнение наименований грамматических групп в учебнике  
*English Grammar in Use* в разных изданиях

	<i>1st edition 1985</i>	<i>2nd edition 1994</i>	<i>3d edition 2004</i>	<i>4th edition 2012</i>	<i>5th edition 2019</i>
1	<b>Tenses</b>	<b>Present and past</b>	Present and past	Present and past	Present and past
2	<b>Modal verbs</b>	<b>Present perfect and past</b>	Present perfect and past	Present perfect and past	Present perfect and past
3	<b>Conditionals</b>	<b>Future</b>	Future	Future	Future
4	Passive	<b>Modals</b>	Modals	Modals	Modals
5	Reported speech	<b>Conditionals and 'wish'</b>	<b>if and wish</b>	if and wish	if and wish

6	<i>Questions</i>	Passive	Passive	Passive	Passive
7	<i>-ing and the infinitive</i>	Reported speech	Reported speech	Reported speech	Reported speech
8	<i>Articles</i>	<i>Questions and auxiliary verbs</i>	Questions and auxiliary verbs	Questions and auxiliary verbs	Questions and auxiliary verbs
9	Relative clauses	<i>-ing and the infinitive</i>	<i>-ing and the infinitive</i>	<i>-ing and to ...</i>	<i>-ing and to ...</i>
10	Adjectives and adverbs	<i>Articles and nouns</i>	Articles and nouns	Articles and nouns	Articles and nouns
11	<i>Word order</i>	<b>Pronouns and determiners</b>	Pronouns and determiners	Pronouns and determiners	Pronouns and determiners
12	Prepositions	Relative clauses	Relative clauses	Relative clauses	Relative clauses
13		Adjectives and adverbs	Adjectives and adverbs	Adjectives and adverbs	Adjectives and adverbs
14		<b>Conjunctions and prepositions</b>	Conjunctions and prepositions	Conjunctions and prepositions	Conjunctions and prepositions
15		Prepositions	Prepositions	Prepositions	Prepositions
16			<b>Phrasal verbs</b>	Phrasal verbs	Phrasal verbs

Итак, из представленной таблицы мы видим, что по сравнению с первым изданием количество групп увеличилось на 4 единицы – с 12 до 16. Самое большое количество правок было внесено во втором издании: 1) группа времен была поделена на три (вместо Tenses стало три отдельные группы – *Present and past*, *Present perfect and past*, *Future*), 2) добавлены две подгруппы *Pronouns and determiners* и *Conjunctions and prepositions*, 3) убрана группа *Word order* (её переместили в группу *Adjectives and adverbs*), 4) переименованы четыре группы, например, *Articles* на *Articles and nouns*, *Conditionals* на *Conditionals and 'wish'*. И если переименование *Modal verbs* на *Modals* можно рассматривать как упрощение, в связи с тем, что был опущен лингвистический термин *Verbs*, то одновременно с этим изменение названия группы *Questions* на *Questions and auxiliary verbs* сложно определить как правку, которая позволяет облегчить понимание иноязычной терминологии. Параллельно с появлением новых групп с весьма сложными для обучающегося терминологическими названиями – *Conjunctions*, *determiners*, автор всё же стремится минимизировать применение лингвистической терминологии, совершая следующие замены *Conditionals* and *'wish'* на *if and wish*, а также *-ing and the infinitive* на *-ing and to ...*. В третьем издании появляется отдельная группа *Phrasal Verbs*, в которой количество уроков увеличилось до девяти по сравнению со вторым изданием, где этой теме был отведен всего один урок.

За основной частью с грамматическими уроками следует раздел с приложениями, который во втором издании увеличился на три темы (*Modal verbs*, *The future*, *American English*) и составил блок из семи приложений в общей сложности вместо четырех, как было в первом издании, и также список неправильных глаголов переместили в самое первое приложение как более важный по приоритету блок информативно-справочного характера.

По сравнению с первым изданием, начиная со второго, учебник значительно совершенствуется и пополняется разделом с дополнительными упражнениями (*Additional exercises*), диагностическим тестом с выбором правильного варианта ответа из двух, трех или четырех предложенных (*Study Guide*), а также разделом с ответами для самопроверки к упражнениям в уроках (*Key to Exercises*), к дополнительным упражнениям (*Key to Additional exercises*) и к диагностическому тесту (*Key to Study guide*). В заключении публикуется алфавитный указатель с номерами уроков, в которых можно найти необходимое слово. Общая численность страниц учебника увеличивалась в связи с добавлением в группы новых грамматических уроков и заданий в раздел с дополнительными упражнениями, составив 267 страниц

и 124 урока в первом издании за 1985 год, 350 страниц и 136 уроков во втором издании за 1994 год, 379 страниц и 145 уроков в третьем издании за 2004 год, 380 страниц и 145 уроков в четвертом и пятом изданиях за 2012 год и 2019 год соответственно.

Нумерация тем грамматических уроков совпадает только в третьем, четвертом и пятом изданиях, второе и третье издания подвергались значительным изменениям относительно первого издания и друг друга. Для нашего исследования наибольший интерес представляет сравнительный анализ названий грамматических уроков. Сопоставив их во всех пяти изданиях, мы вывели следующие закономерности, которые представим в таблице:

Таблица 2. Сравнение названий уроков в учебнике *English Grammar in Use* в разных изданиях

	<i>1st edition 1985</i>	<i>2nd edition 1994</i>	<i>3d edition 2004</i>	<i>4th edition 2012</i>	<i>5th edition 2019</i>
1	Present continuous ( <b>I am doing</b> ) and <i>simple present</i> ( <b>I do</b> )	Present continuous and <i>present simple</i> 1 (I am doing and I do)	Present continuous and present simple 1 (I am doing and I do)	Present continuous and present simple 1 (I am doing and I do)	Present continuous and present simple 1 (I am doing and I do)
2	<i>Tag questions</i>	Question tags ( <b>do you? isn't it?</b> etc.)	Question tags ( <b>do you? isn't it?</b> etc.)	Question tags ( <b>do you? isn't it?</b> etc.)	Question tags ( <b>do you? isn't it?</b> etc.)
3	Passive 1	Passive 1 ( <i>is done / was done</i> )	Passive 1 ( <b>is done / was done</b> )	Passive 1 (is done / was done)	Passive 1 ( <b>is done / was done</b> )
4	Reported speech 1	Reported speech 1 (He said that ...)	Reported speech 1 (He said that ...)	Reported speech 1 (He said that ...)	Reported speech 1 ( <i>he</i> said that ...)
5	Comparison (2)	Comparison (2)	Comparison 2 (much better / any better / better and better / the sooner the better)	Comparison 2 (much better / any better / <i>better and better / the sooner the better</i> )	Comparative 2 (much better / any better etc.)
6	have to and must	Must and <i>have to</i>	Have to and must	Have to and must	have to and must
7	have and have got	Have and have got	<i>Have got</i> and <i>have</i>	Have and have got	have and have got
8	As if	As if	As if / <i>as though / like</i>	<i>Like / as if / as though</i>	like as if
9	Will (1)	Will/shall (1)	Will/shall <i>I</i>	Will <i>and</i> shall 1	will and shall 1
10	Should	Should ( <i>I</i> )	Should <i>I</i>	Should 1	should 1
11	May ( <i>have</i> ) and might ( <i>have</i> )	<b>May</b> and <b>might</b> ( <i>I</i> )	<b>May</b> and <b>might</b> 1	<b>May</b> and <b>might</b> 1	<b>may</b> and <b>might</b> 1
12	-	The (4) (The giraffe / the telephone / the piano etc.; the + adjective)	The 4 (the giraffe / the telephone / the + adjective)	The 4 (the giraffe / the telephone / the + adjective)	the 4 (the giraffe / the telephone / the <i>old</i> etc.)
13	-	Noun + noun (a tennis ball / a headache etc.)	Noun + noun (a tennis ball / a headache)	Noun + noun (a tennis ball / a headache)	Noun + noun ( <i>a bus driver / a headache</i> )
14	Verb + preposition + -ing	Verb + preposition + -ing (succeed in -ing / accuse somebody of -ing etc.)	Verb + preposition + -ing (succeed in -ing / accuse somebody of -ing etc.)	Verb + preposition + -ing (succeed in -ing / <i>accuse somebody of -ing</i> etc.)	Verb + preposition + -ing (succeed in -ing / <i>insist on -ing</i> etc.)
15	Will <i>or</i> going to?	I will <i>and</i> I'm going to	I will and I'm going to	I will and I'm going to	I will and I'm going to
16	Singular <i>or</i> plural?	Singular <i>and</i> plural	Singular and plural	Singular and plural	Singular and plural
17	... 's ( <i>apostrophe s</i> ) and ... of...	- 's ( <b>your girl's</b> name) and <b>of</b> ... (the name <b>of the book</b> )	- 's ( <b>your sister's</b> name) and <b>of</b> ... (the name <b>of the book</b> )	- 's ( <b>your sister's</b> name) and <b>of</b> ... (the name <b>of the book</b> )	- 's ( <b>your sister's</b> name) and <b>of</b> ... (the name <b>of the book</b> )
18	If and wish <i>sentences</i> ( <i>past</i> )	If I had known ... I wish I had known	If I had known ... I wish I had known	If I had known ... I wish I had known	if I had known ... I wish I had known
19	Adjectives: Word order (a <b>nice new</b> house)	Adjectives: <i>word order</i> (a <b>nice new</b> house) <i>Adjectives after verbs</i> (You look <b>tired</b> )	Adjectives: a <b>nice new</b> house, you look <b>tired</b>	Adjectives: a <b>nice new</b> house, you look <b>tired</b>	Adjectives: a <b>nice new</b> house, you look <b>tired</b>

20	When and If sentences (When I do... / If I do ...)	When I do / When I've done When and if	When I do / When I've done When and if	When I do / When I've done <i>When</i> and <i>if</i>	<b>when I do</b> and <b>when I've done</b> <i>if</i> and <i>when</i>
21	Verb + infinitive	Verb + <b>to</b> ... ( <b>decide to</b> ... / <b>forget to</b> ... etc.)	Verb + <b>to</b> ... ( <b>decide to</b> ... / <b>forget to</b> ... etc.)	Verb + <b>to</b> ... ( <b>decide to</b> ... / <b>forget to</b> ... etc.)	Verb + <b>to</b> ... ( <b>decide to</b> ... / <b>forget to</b> ... etc.)
22	Verb + object + infinitive	Verb (+ object) + <b>to</b> ... ( <b>I want (you) to do</b> etc.)	Verb (+ object) + <b>to</b> ... ( <b>I want you to</b> ... etc.)	Verb (+ object) + <b>to</b> ... ( <b>I want you to</b> ... etc.)	Verb (+ object) + <b>to</b> ... ( <b>I want you to</b> ...)
23	-ing clauses – “Feeling tired, I went to bed early.”	<b>-ing</b> clauses ( <b>Feeling tired</b> , I went to bed early.)	<b>-ing</b> clauses ( <b>Feeling tired</b> , I went to bed early.)	<b>-ing</b> clauses ( <b>Feeling tired</b> , I went to bed early.)	<b>-ing</b> clauses ( <i>He hurt his knee <b>playing</b> football.</i> )
24	-	Phrasal verbs ( <b>get up, break down, fill in</b> , etc.)	Phrasal verbs 1 Introduction	Phrasal verbs 1 General points	Phrasal verbs 1 Introduction

В названиях грамматических уроков разных изданий учебника встречаются следующие изменения:

- 1) слова меняются местами, и это является следствием перемены в общенаучной парадигме названий, например – *simple present* на *present simple*, *Tag questions* на *Question tags*;
- 2) слова меняются местами только в одном из изданий без определенных на то оснований, например – **have to** and **must** или **Must** and **have to**, **Have** and **have got** или **Have got** and **have**, **When** and **if** или **if** and **when**, *As if / as though / like* или **Like / as if / as though**;
- 3) названия часто отличаются пунктуационными знаками:
  - во втором издании пункты одной и той же грамматической темы всегда ставятся в скобки – *Will/shall (1)*, *Should (1)*, а в более поздних изданиях скобки опускаются – *Will/shall 1*, *Should 1*;
  - косая черта заменяется на союз или опускается, а между лексическими единицами увеличивается ширина пробела, особенно типично для пятого издания – *Like / as if / as though* (Murphy, 2012) и *like as if* (Murphy, 2019), *Will/shall 1* (Murphy, 2004) и *Will and shall 1* (Murphy, 2012);
  - вопросительный тип предложения сменяется утвердительным, и вместе с этим заменяется союз – *Will or going to?* (Murphy, 1985) и *I will and I'm going to* (Murphy, 1994), *Singular or plural?* (Murphy, 1985) и *Singular and plural* (Murphy, 1994);
  - примеры в кавычках заменяются на скобки – *-ing clauses – “Feeling tired, I went to bed early.”* (Murphy, 1985) и **-ing** clauses (**Feeling tired**, I went to bed early.) (Murphy, 1994);
- 4) сокращается количество примеров – *The (4) (The giraffe / the telephone / the piano etc.; the + adjective)* (Murphy, 1994) и *The 4 (the giraffe / the telephone / the + adjective)* (Murphy, 2004), *Comparison 2 (much better / any better / better and better / the sooner the better)* (Murphy, 2012) и *Comparative 2 (much better / any better etc.)* (Murphy, 2019);
- 5) заменяется лексическая единица в примере – *Noun + noun (a tennis ball / a headache)* (Murphy, 2012) и *Noun + noun (a bus driver / a headache)* (Murphy, 2019), *Verb + preposition + -ing (succeed in -ing / accuse somebody of -ing etc.)* (Murphy, 2012) и *Verb + preposition + -ing (succeed in -ing / insist on -ing etc.)* (Murphy, 2019), *-’s (your girl’s name) and of ... (the name of the book)* (Murphy, 1994) и *-’s (your sister’s name) and of ... (the name of the book)* (Murphy, 2012);
- 6) заменяется пример – **-ing** clauses (**Feeling tired**, I went to bed early.) (Murphy, 2012) и **-ing** clauses (*He hurt his knee **playing** football.*) (Murphy, 2019);

7) присутствуют орфографические отличия, так, в пятом издании названия уроков в большом количестве примеров написано с маленькой буквы, по сравнению с более ранними изданиями;

С целью упростить восприятие названия грамматической темы предлагаются подобные изменения:

8) лексические единицы заменяются на цифровое обозначение – *May (have) and might (have)* (Murphy, 1985) на *May and might (1)* (Murphy, 1994);

9) лексические единицы заменяются на другие, кажущиеся более подходящими – *Phrasal verbs 1 Introduction* (Murphy, 2004) меняется на *Phrasal verbs 1 General points* (Murphy, 2012), но потом возвращается прежнее название *Phrasal verbs 1 Introduction* (Murphy, 2019);

10) лингвистический термин заменяется на конкретный пример – *The 4 (the giraffe / the telephone / the + adjective)* (Murphy, 2012) и *the 4 (the giraffe / the telephone / the old etc.)* (Murphy, 2019), ... 's (*apostrophe s*) and ... of... (Murphy, 1985) и - 's (*your girl's name*) and of ... (*the name of the book*) (Murphy, 1994), *If and wish sentences (past)* (Murphy, 1985) и *If I had known ... I wish I had known* (Murphy, 1994), *Verb + infinitive* (Murphy, 1985) и *Verb + to ... (decide to ... / forget to ... etc.)* (Murphy, 1994);

11) лингвистический термин опускается и остается только пример использования грамматического правила – *Adjectives: word order (a nice new house) Adjectives after verbs (You look tired)* (Murphy, 1994) и *Adjectives: a nice new house, you look tired* (Murphy, 2004), *When and If sentences (When I do... / If I do ...)* (Murphy, 1985) и *When I do / When I've done* (Murphy, 1994);

12) лингвистический термин дополняется примером использования грамматического правила в скобках – *Tag questions* (Murphy, 1985) и *Question tags (do you? isn't it? etc.)* (Murphy, 1994), *Reported speech 1* (Murphy, 1985) и *Reported speech (1) (He said that ...)* (Murphy, 1994).

Таким образом, проанализировав все отличия в названиях грамматических уроков, мы можем прийти к выводу, что многие из них являются субъективным предпочтением автора или издательской редакции, так как существенно информативного разногласия или ошибок нет. Тем не менее, очевидным является стремление автора заменять термины на примеры употребления грамматических правил.

Очень важной особенностью исследуемого нами учебника-самоучителя является то, что он не требует прочтения с начала и до конца. Любой обучающийся может воспользоваться диагностическим тестом в конце пособия, чтобы выявить имеющиеся пробелы, уделив внимание тем главам, которые нужны для устранения проблем. Более того, во всем учебном пособии мы можем увидеть предусмотренную автором-составителем целую сеть определенных дискурсивных маркеров, которыми оформлена внутренняя система лингвистических указателей для успешной навигации по книге (Рязанцева, 2008) и которые становятся источником когезии и когерентности, обеспечивая формальную и смысловую связность учебника-самоучителя, имеющего очевидную гипертекстовую структуру, которая является наиболее успешной для нелинейного и многомерного формата представления информации (знаний) в обучающей среде (Войтович, 2011, с.134).

Если мы обратимся к исследованию внутренней системы указателей, представленных в учебнике по грамматике *English Grammar in Use*, то обнаружим следующие примеры уже в первом и втором изданиях учебного пособия: *For questions see also Unit 47* (Murphy, 1985); *IF YOU ARE NOT SURE WHICH UNITS YOU NEED TO STUDY, USE THE STUDY GUIDE ON PAGE 301* (Murphy, 1994); *Present continuous for the future → UNIT 19* (Murphy, 1994);

See Unit 2 for more information (Murphy, 1994); IF YOU ARE NOT SURE WHICH IS RIGHT STUDY UNIT ... (Murphy, 1994). В условиях отсутствия учителя при самостоятельном обучении представленные выше комментарии являются необходимыми, так как они выполняют директивную и коммуникативную функции во время работы учащегося с этим пособием.

Мы можем прийти к выводу, что Рэймонд Мерфи предложил всему миру пособие, которое определенно обладает гипертекстовым стратегическим потенциалом, так как учащийся самостоятельно способен выбрать собственный алгоритм расшифровки или интерпретации предложенной в учебнике по грамматике информации, заложенной составителем. Именно поэтому мы можем судить о возможной эволюции и динамике изменений данного пособия, если перевести его в электронный формат, добавив интерактивности и мультимедийности, доступных в режиме on-line.

#### 4.2. Экстралингвистические характеристики пособия

Далее мы обратимся к экстралингвистическим характеристикам учебного пособия Рэймонда Мерфи *English Grammar in Use* в разных изданиях, при анализе которых наибольшее значение для нас представляют изменения общего внешнего вида и внутреннего оформления, такие как шрифт и цвет, наличие изображений и дополнительных элементов, расположение текста на странице, его членение на абзацы и тематические уроки с заданиями.

Обращаясь к визуальной составляющей, первое, что стоит отметить, это изначально черно-белый вариант типографии, который с развитием методов печати, материалов, технологий и технических средств сменился двухцветным изданием, а затем перешёл в четырехцветную печать для получения полноцветных и красочных иллюстраций.

Для начала проследим изменение обложки учебника. Несмотря на сохранение цветовой палитры, а именно наличие однотонного фона синего цвета, мы видим разницу в плане расположения текста, использованного шрифта, а также предлагаемой текстовой информации. Неизменными на обложке учебника остаются следующие информационные блоки – заглавие, описание назначения книги и её целевой аудитории, имя и фамилия автора, издательство. Тем не менее, с каждым новым изданием мы можем проследить следующие изменения:

1) пополнение заголовка уточняющим прилагательным – **English** Grammar in Use (Murphy, 1994);

2) опущение имен и фамилий соавтора и консультанта – with Roann Altman; Consultant: William E. Rutherford (Murphy, 1985);

3) опущение герба/логотипа издательства, начиная с третьего издания;

4) добавление всегда заметного номера издания – SECOND EDITION (заглавными буквами) (Murphy, 1994), **THIRD** EDITION (заглавными буквами, номер выделен жирным шрифтом, слова размещены друг под другом) (Murphy, 2004), Fourth Edition (выделен желтым цветом на темно-синем фоне) (Murphy, 2012), Fifth Edition (выделен белым цветом на светло-синем фоне) (Murphy, 2019);

5) замена текста описания назначения и целевой аудитории – REFERENCE AND PRACTICE FOR INTERMEDIATE STUDENTS OF ENGLISH (Murphy, 1985), а стало *A self-study reference and practice book for intermediate students of English* (убран курсив, но помещено на более темный фон, отдельной прямоугольной формы) (Murphy, 2004), A self-study reference and practice book for intermediate *learners* of English (белым цветом на синем фоне, отличным от

желтого заголовка) (Murphy, 2012), A self-study reference and practice book for intermediate learners of English (одинаковым с заголовком белым цветом на светло-синем фоне, но очень мелким шрифтом) (Murphy, 2019);

6) появление информации о версии издания и комплектации, о наличии ответов и дополнительных технических возможностей – WITH ANSWERS (Murphy, 1994), with answers, CD-ROM INCLUDED (неполное предложение) (Murphy, 2004), with answers and CD-ROM (однородный член предложения) (Murphy, 2012), with answers (заметно в отдельном желтом прямоугольнике) (Murphy, 2019);

7) вставка рекламного блока – New (описательное прилагательное крупным шрифтом красного цвета на желтом фоне, напечатанное в правом нижнем углу по диагонали) (Murphy, 2004), The world's best-selling grammar book (словосочетание с прилагательным превосходной степени и существительным в притяжательном падеже, шрифтом красного цвета на желтом фоне, напечатанное в правом верхнем углу по диагонали) (Murphy, 2012), Experience Better Learning (побудительное предложение с глаголом в повелительном наклонении и с прилагательным в сравнительной степени на фоне геометрических фигур с разной интенсивностью цвета заливки голубого оттенка, все слова написаны в столбик одно под другим в правом нижнем углу) (Murphy, 2019).

Обратим внимание, что в издании 1985 года в первоначальном заглавии *GRAMMAR in use* используется заглавные и строчные буквы, выделенные курсивным шрифтом, чтобы сделать акцент на содержание книги, на то, что она именно по грамматике. В последующих изданиях на обложке такой прием больше не используется, а проводится работа с цветом фона и букв, размером шрифта и расположением текстовых блоков, а именно – выше или ниже, справа или слева, сверху или снизу в зависимости от степени значимости информации. На примере вышеописанных изменений мы можем наглядно проследить усилия издателей, направленные на то, чтобы придать учебнику более привлекательный вид. В целом, такие графические элементы, как капитализация букв, курсив, жирный шрифт и подбор цвета, выполняют важную для коммуникации аттрактивную функцию.

Интересно отметить, что внешнее оформление обложки учебника при всех изменениях остается максимально однотипным, весьма лаконичным, сдержанным и академичным по своему дизайну, а вот объем текстовой информации пусть незначительно, но увеличивается в связи с появлением рекламного блока и уточнением формулировки в блоке с описанием назначения книги и её целевой аудитории.

С приобретением цветового оформления изучаемый материал становится визуально более структурированным и соответственно более понятным для изучения. Небольшие диалоги, расположенные на полях страниц, оживают и становятся более привлекательными для учеников, помогая им быстрее усвоить различные возможности применения изучаемых грамматических конструкций в реальной жизни. Также нельзя не отметить эволюцию дополнительных элементов. Например, в третьем, четвертом и пятом изданиях многие грамматические правила представлены в виде полноценных таблиц, в то время как в первых двух версиях для этого используется обычная черно-белая рамка. Кроме того, кружки перед примерами, присутствующие во втором издании, в последующих версиях заменяются полными квадратами. Данное изменение кажется достаточно незначительным, но, тем не менее, весьма сильно влияет на расставление акцентов при ознакомлении с материалом. Таким образом, за счет этого изменения фокус внимания быстро сдвигается с примеров на основное грамматическое правило и наоборот, что в контексте образовательного дискурса может оказать огромное влияние на восприятие информации и дальнейший прогресс обучающегося.

### 4.3. Прецедентные феномены

В своем исследовании мы не могли обойти стороной изучение особенностей употребления прецедентных феноменов в учебнике по грамматике *English Grammar in Use*, так как они являются особыми языковыми единицами в процессе коммуникации, которые вербализованы и позволяют учащимся обратиться к известным и значимым фактам, причем как в познавательном, так и эмоциональном отношениях. Больше всего в пособии можно обнаружить прецедентных имен, особенно топонимов: 1) названия рек, морей, океанов и каналов – *the Amazon river, the River Nile, the Mediterranean, the Pacific ocean, the Atlantic ocean, the Panama Canal*, 2) названия стран и городов – *Spain, India, Italy, Mexico, Cuba, San Francisco, New York, London, Bristol, Manchester, Madrid*, а также названия отелей (*the Hilton Hotel*), культурно-спортивных мероприятий (*the Olympic Games*), и улиц (*Hill Street, Baker Street*).

Но наше внимание привлекло не возможное обилие или разнообразие употребления прецедентных феноменов, которое свойственно образовательному дискурсу с познавательной точки зрения, а то, что из издания в издание автор просто заменяет в тех же заданиях и примерах одни прецедентные имена на другие, особенно это прослеживается на примере имен собственных, причем женские персонажи могут быть заменены на мужские и наоборот, или полная форма имени на короткую:

My parents (live) in **Winnipeg** (Murphy, 1985); My parents (live) in **Bristol** (Murphy, 1994); My parents (live) in **Manchester** (Murphy, 2012);

**Ron** is in **San Francisco** now (Murphy, 1985); **Ron** is in **London** at the moment (Murphy, 1994); **Rachel** is in **London** right now (Murphy, 2004); **Rachel** is in **New York** right now (Murphy, 2012);

**George** is a vegetarian (Murphy, 1985); **Sarah** is a vegetarian (Murphy, 2019);

I think **Paul and Ann** have had an argument (Murphy, 1994); **Paul and Sally** have had an argument (Murphy, 2004); **Paul and Sarah** have had an argument (Murphy, 2012);

“Where is **Peggy**?” “She’s taking a bath.” (not she takes) (Murphy, 1985); “Where’s **Margaret**?” “**She**’s having a bath.” (not ‘she has a bath’) (Murphy, 1994); “Where’s **Mark**?” “**He**’s having a shower.” (not He has a shower) (Murphy, 2004);

**Catherine** wants to work in Italy (Murphy, 1994); **Kate** wants to work in Italy (Murphy, 2004).

В целом, среди имен собственных встречаются самые популярные и хорошо знакомые в англоязычной культуре, что исключает пособие Рэймонда Мерфи из участников процесса «денационализации» и «кросс-культурности», которое заметно в современном населении Великобритании. В свою очередь, используемые в пособии прецедентные феномены немногочисленны, очень просты и необходимы автору, прежде всего, для имитации самых типичных ситуаций социально-бытовой сферы.

### 4.4. Динамика функционирования лингвокогнитивных компонентов

Похожая ситуация происходит и с лингвокогнитивными компонентами в пособии *English Grammar in Use*. Особый интерес для нашей статьи представляет возможность проследить динамику замены одних концептов на другие в тех же заданиях, так как концепты, обладая высокой степенью национально-культурной специфики, всегда становятся важными компонентами англоязычной культуры. Безусловно, что в антропоцентрической парадигме основополагающим является концептуальное поле «человек», а базовые концепты, которые входят в его состав, связаны с жизнедеятельностью человека, в исследуемом нами пособии это

концепты «жилье», «работа», «транспорт», «питание», «здоровье», «спорт», «образование», а также концепты, отражающие сферу обитания человека в социуме, – «семья», «коммуникация», «путешествие», «досуг», которые актуализируются преимущественно прецедентными феноменами и нарицательными именами существительными.

Примечательным является тот факт, что в результате нашего исследования мы выявили концепты в первом издании, которые в последующих версиях пособия были полностью исключены, а именно – это концепты «религия/вера» – Are you believing in *God*? (в задании на поиск ошибки) (Murphy, 1985) и «политика» – I... (not/belong) to *a political party* (Murphy, 1985), что может служить попыткой автора избежать дискуссий на эти острые темы.

Есть концепты, которые потеряли свою актуальность в условиях современности, такие как телефонная будка «looking for *a phone booth*» (Murphy, 1985), и были заменены «looking for *a person*» (Murphy, 1994). В образовательном дискурсе концептам свойственно быстро появляться, исчезать или видоизменяться, так как они находятся в непрерывном движении, подобно живому организму, откликаясь на социальные изменения в обществе.

Но в большинстве своем базовые концепты в той или иной степени сохраняются и проявляются в следующих примерах:

- «семья» - «работа» - «профессия» - A: What (your *father* / do)? B: He's a *teacher*, but he ... (not/work) right now (Murphy, 1985); 'What (your *brother* / do)?' 'He's an *architect*' (Murphy, 2012); 'What (your *father* / do)?' 'He's an *architect*' (Murphy, 2019). Профессию учителя полностью заменили на архитектора, а вот вопрос о брате не устроил автора, и в пятом издании снова возвращают изначальный концепт «отец». И подобные примеры носят не единственный характер, когда в пятом издании автор возвращается к концептам более ранних версий учебника.

- «пропажа» - I've lost my *key* again (Murphy, 1994); I've lost my *pen* again (Murphy, 2004); I've lost my *phone* again (Murphy, 2012); I've lost my *keys* again (Murphy, 2019). Автор предлагает разные варианты концептов, комментируя в своем интервью, что пример с потерей телефона был бы странным для изучающих английский по пособиям первого и второго издания, так как в помещениях были распространены стационарные телефоны, которые невозможно было бы потерять.

Следующим аспектом, заслуживающим отдельного внимания в данной статье, выступает наблюдающееся изменение тенденций в обучении грамматике. Согласно утверждению О.В. Александровой, несмотря на консервативность грамматики, в настоящее время в ее изучении отмечается доминирование функционально-прагматического подхода, что проявляется в осознании исследователями «необходимости соединения знания о структуре языка с его непосредственным использованием» (Александрова, 2014, с. 21). Подобный подход предполагает, что любое высказывание связано с контекстом, с той коммуникативной ситуацией, в которой оно употребляется.

#### 4.5. Средства реализации коммуникативной компетенции

В связи с этим, перейдем к вопросу о средствах реализации коммуникативной компетенции в рамках анализируемого учебника по грамматике, поскольку в эпоху стремительного развития коммуникативного подхода наблюдается необходимость погружения обучающихся в коммуникативную среду, максимально приближенную к реальным условиям общения. Подобная потребность продиктована требованиями современных работодателей, среди которых особое место занимает умение вести коммуникацию, являющуюся одним

из основных *soft skills*, которыми должен обладать профессионал любой сферы деятельности. В условиях международного сотрудничества коммуникацию необходимо осуществлять на английском языке, что предполагает как освоение языковой компетенции, так и умение создавать условия, способствующие эффективной коммуникации в целом и достижению коммуникативного результата в частности. По мнению Т.А. Дмитренко, в иноязычной подготовке конкурентоспособного специалиста особое значение имеет «формирование его межкультурной компетенции, которая предполагает соблюдение социальных норм и правил речевого поведения, типичного для представителей иноязычной культуры» (Дмитренко, 2021, с. 79).

Из этого следует, что запросы на обучение языку, возникающие в профессиональном дискурсивном пространстве, оказывают влияние на функционирование компонентов образовательного дискурса. Согласно утверждению А.А. Габец, подобное взаимодействие дискурсов представляет собой естественный процесс, поскольку «дискурс – открытая нелинейная система, подверженная влиянию извне, которая незамедлительно реагирует на события в окружающем мире» (Габец, 2021, с. 111).

Тем самым в современные учебные пособия по грамматике необходимо включать упражнения в формате коммуникативных ситуаций, обладающих соответствующими эмотивными, фатическими, конативными и хезитационными средствами. К числу конститутивных элементов, характерных для живой речи, относятся восклицания, эмоционально-оценочная лексика, а также междометия, с помощью которых создается наиболее приближенная к реальной коммуникативная ситуация.

Эмоционально-экспрессивный аспект коммуникации является неотъемлемым индикатором отношения коммуникантов друг к другу и к предмету разговора. Атмосфера, порождаемая в ходе разговора между собеседниками, во многом оказывает воздействие на эффективность коммуникации. Среди средств, благоприятствующих ведению коммуникации, особое место занимают междометия. По словам Н.В. Кравчук, умение распознавать и вербализовать междометия в речи позволяет успешно ориентироваться в сложном взаимодействии лингвистических и экстралингвистических средств, обеспечивающих адекватное понимание между коммуникантами» (Кравчук, 2015, с. 30).

Посредством употребления междометий формируется соответствующий эмоционально-экспрессивный фон высказывания, который при изучении грамматики способен ускорить процесс освоения того или иного грамматического явления. В зависимости от функциональной направленности Н. В. Панина и О. О. Амерханова выделяют следующие группы междометий: эмотивные, конативные, хезитационные и фатические (Panina & Amerkhanova, 2018, p. 89). Из представленных групп в нашем эмпирическом материале зарегистрированы следующие междометия: эмотивные – ‘Oh’, ‘Ow’, ‘Damn’, ‘Darn’, конативное междометие ‘Shh’ и хезитационное междометие ‘Well’. Наибольшая репрезентативность эмотивных междометий отмечена в тех разделах учебника по грамматике, в которых определяющее значение при выборе грамматической конструкции имеет выражение эмоций, указание на спонтанность принятого решения в момент речи и на совершенность действия к моменту речи. Проиллюстрируем вышесказанное на следующих примерах. Так, междометие *Oh* может выступать в качестве вспомогательного элемента при осмыслении условия употребления времени *Present Continuous* для выражения раздражения:

A: Look! You've made the same mistake again.

B: **Oh** no, not again! *I'm always making the same mistake* (Murphy, 1994; 2004; 2012; 2019).

Вместе с этим наиболее показательным в нашем эмпирическом материале является использование междометия *Oh* в разделах, посвященных правилам использования *Future Simple*, одним из условий употребления которого является принятие решения в момент речи:

**Oh**, I left the door open. *I'll go and shut it* (Murphy, 1985; 1994; 2004; 2012; 2019).

При виде междометия в данном случае перед обучающимися визуализируется живой разговор, обладающий всеми свойственными ему характеристиками, среди которых – спонтанность принятия решения.

Тем самым несмотря на то, что междометия используются в анализируемом учебном пособии как для выражения положительных, так и отрицательных эмоций, в качественном составе они не представлены широким разнообразием. Это можно объяснить тем, что составители пособия использовали в основном амбивалентное междометие '*Oh*', которое служит для выражения разных эмоций. Подобную приверженность междометию '*Oh*' можно наглядно проследить на следующих примерах, в которых для оформления одной и той же ситуации используются разные междометия. Так, в более ранних изданиях отмечены междометия '*Darn*' и '*Damn*', выражающие злость, в то время как в пятом издании данные междометия сменяет междометие '*Oh*', которое несколько снижает степень эмоционального накала до раздражения и досады:

Tom: **Darn** it! The car *won't start* (Murphy, 1985).

LIZ: **Damn**! The car *won't start* (Murphy, 1994; 2004; 2012).

Lisa: **Oh**, no! The car *won't start* (Murphy, 2019).

В связи с этим можно сделать предположение о том, что таким образом нивелируется категоричность эмоциональных реакций собеседников.

С целью демонстрации неподготовленной речи в некоторых изданиях пособия также отмечено конативное междометие '*Shh*' и его графический вариант '*Shhh*', призывающие к соблюдению тишины в момент речи:

- **Shhh!** Don't make so much noise. You *ll wake everybody up* (Murphy, 1994).

- **Shh!** Don't make so much noise. You *ll wake everybody up* (Murphy, 2004).

- **Shh!** My mother is asleep. I don't want to *wake her up* (Murphy, 2019).

При этом во втором и третьем изданиях (первый и второй примеры соответственно) за междометием следует предложение, дублирующее посыл данной единицы: *Don't make so much noise*; а в пятом издании (третий пример) междометие '*Shh*' используется в качестве самостоятельного средства, призывающего к действию. В этом случае в пособии прослеживается эволюция использования междометий, когда междометие перестает быть только вспомогательным элементом.

За счет использования в упражнениях эмотивных междометий степень эмоционально-экспрессивной окраски высказывания усиливается. В представленных ниже примерах эмотивные междометия используются с целью указания на соотнесение действия с моментом речи. Если в примере с междометием '*Oh*' присутствует маркер времени *Present Perfect* ('*just*'), то во втором примере междометие '*Ow*', выражающее мгновенную острую боль, снова выступает в качестве автономного средства, свидетельствующего о только что произошедшем инциденте.

- **Oh**, I've *just realised*. I haven't got any money (Murphy, 1994; 2004; 2012).

- **Ow!** I've *cut* my finger (Murphy, 1985; 1994; 2004; 2012; 2019).

Что касается hesitant междометий, то в нашем эмпирическом материале представлено одно междометие этой группы '*Well*', использование которого выражает неуверенность коммуниканта в исходе обсуждаемого действия. В связи с этим междометие '*Well*',

как правило, находится в начале условных предложений, выступающих в качестве ответных (реактивных) реплик в диалогических единствах:

A: What shall we do tomorrow?

B: *Well*, if it is a nice day, we can go to the beach (Murphy, 1994; 2004; 2012; 2019).

Междометие '*Well*' также используется в разделах, посвященных модальным глаголам, в начале реактивных реплик, в которых модальные глаголы выражают отсутствие обязательства для выполнения действия или соблюдения какого-либо условия:

A: What sort of house do you want to buy? Something big?

B: *Well*, it *needn't* be big – that's not so important. But it must have a nice garden – that's essential (Murphy, 1994; 2004; 2012; 2019).

Фатические междометия не зарегистрированы в анализируемом учебном пособии по грамматике, что объясняется их природой. Они служат лишь для установления контакта, в связи с чем не способствуют лучшему пониманию условий функционирования той или иной грамматической конструкции.

Результаты анализа показали, что в анализируемом учебном пособии представлены все функциональные типы междометий (см. выше), кроме фатических. При этом особую ценность при представлении коммуникативной ситуации составляют эмотивные междометия, обладающие амбивалентным потенциалом и оформляющие соответствующий эмоционально-экспрессивный фон высказывания.

Однако отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что междометия зарегистрированы не только в практической части, но и в теоретическом блоке, то есть авторы пособия стремятся к минимизации лексических средств посредством замены предложений, которые носят описательный характер, на междометие: *Ow! I've burnt myself* (Murphy, 1994; 2004; 2012; 2019).

Таким образом, погружение обучающегося в разные коммуникативные ситуации, оформленные характерными для живой речи элементами, а именно междометиями, позволяет сформировать у него не только знания о грамматических нормах языка, но и понимание особенностей функционирования грамматических конструкций в реальной коммуникации. Результаты проведенного анализа подтверждают утверждение О. В. Александровой о том, что изучение грамматики сегодня не замыкается на самой себе, а служит развитию наших знаний обо всем богатстве возможностей языка в целом, во всех разнообразных его проявлениях (Александрова, 2014, с. 21). Это свидетельствует о том, что учебное пособие *English Grammar in Use* отвечает требованиям времени и запросам современного общества.

Для нас важен тот факт, что предлагаемое исследование имеет перспективы в силу возможного увеличения исследовательского материала, который не вошел в данную статью, но несомненно представляется весьма любопытным для дальнейшего научного осмысления. Серия *English Grammar in Use* Рэймонда Мерфи помимо британской версии имеет американское издание, которое составлено с учетом норм грамматики, лексики, правописания и стилистики в американском варианте английского языка. Более того, существуют издания для Италии, Германии, Франции с иным содержательным наполнением, а также двуязычные версии этого же учебника (для России, Турции, Японии и других стран) для того, чтобы упростить и сделать более доступным для понимания англоязычные грамматические правила в британском варианте английского языка. Появление всё новых и новых изданий продиктовано, в большей степени, нуждами людей определенной языковой группы и, прежде всего, на начальном уровне обучения английскому.

Также стоит обратить пристальное внимание на исследование компьютерно-опосредованной коммуникации в электронном варианте обучения. Учебное пособие *English Grammar in Use* существует в своей цифровой версии для электронных книг (*Ebooks*) и мобильного приложения. Прежде всего, новый формат представления информации посредством специализированных программных продуктов требует изучения с точки зрения формата гипертекстовых структур, так как в компьютерной и мобильной версиях учебника весь учебный материал представлен нелинейно, а многие задания заменены, чтобы работа с ними была максимально автоматизирована для удобства подсчетов баллов.

## 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении нашей статьи нам хотелось бы подвести итоги проведенного исследования, остановившись на самых значимых наблюдениях.

Во-первых, мы исследовали тенденцию к упрощению выражения мысли, отметив, что, подходя к организации, оформлению и содержанию учебного материала не только со стороны учителя, но и с точки зрения обучающегося, автор избегает чрезмерной обобщенности и академичности во всех их проявлениях. Его взгляды на изучение языка представляют весьма большое значение с точки зрения лингвистики, и теоретической грамматики, и педагогики. Любопытно, что в своих интервью Рэймонд Мерфи говорит о грамматике и языке не как об академических аспектах. Он предпочитает представлять язык простым и схематичным образом, чтобы объяснить, дать пример и возможность повторить выученное. В связи с этим мы можем говорить об учебном пособии *English Grammar in Use* как о примере пособия, относящегося к статусно-ориентированному дискурсу институционального общения, с одной стороны, но которое помимо статусной ориентации испытывает огромное влияние личностно-ориентированного компонента, с другой стороны.

Во-вторых, мы в полной мере убедились в том, что Рэймонд Мерфи считает нецелесообразным использование метаязыка английской грамматики, который является характерным для большинства учебных пособий. Вот почему автор предпочитает заменять лингвистические термины, избегает многословности в объяснениях, а это на 100% соответствует принципу экономии речевых средств. В современных условиях в процессе коммуникации важно сохранять максимальное количество информации, но быть крайне лаконичным, в этом проявляется эволюция языка. Тем не менее, избегая простых лингвистических терминов, автор очень часто предлагает иные, порой более сложные лексические единицы и грамматические конструкции, что вызывает вопрос о целесообразности подобных изменений в новых изданиях исследуемого пособия.

В-третьих, автор исключает социально острые для восприятия концепты, например, «религия/вера», «политика», и стремится заменять все концепты, которые утратили свою былую актуальность и становятся непонятными современнику. Но вместе с тем, во многих предложениях из заданий и примеров заменяются только имена собственные или незначительные по количественному составу и разнообразию прецедентные феномены, не влияющие на восприятие концептов, предназначенных, прежде всего, для имитации самых типичных ситуаций социально-бытовой сферы. Более того, интересным является наблюдение о том, что часть концептов в последнем издании возвращены из более ранних версий учебника. В связи с этим вновь возникает вопрос о необходимости подобных замен. В том числе, когда в упражнениях одни и те же предложения, для чего в новом издании их меняют местами.

Выводы, к которым мы пришли, приводят нас к мысли о том, что в условиях современного рынка образовательных услуг, данное учебное пособие становится не только предметом для осуществления продаж и покупок, но и, с лингвистической точки зрения, площадкой для взаимодействия образовательного и рекламного дискурсов, то есть примером интерференции дискурсов. А принимая во внимание точку зрения, что учебник по грамматике *English Grammar in Use* Рэймонда Мерфи, изначально выстроенный по принципу гипертекстовой структуры, обладает высоким лингвосинергичным потенциалом, который реализуется в активном использовании вербальных маркеров и паравербальных средств для погружения текстового пространства этой книги в цифровой виртуальный мир, то исследуемый нами самоучитель приобретет характеристики и Интернет дискурса. Поэтому отметим активную тенденцию современного англоязычного образовательного дискурса с присущими ему элементами интерактивности и диалогичности к цифровизации, что, в свою очередь, приводит к более значимой роли невербальных средств в связи с очевидной мультимодальной направленностью и визуализированностью исследуемого нами типа дискурса.

Таким образом, изучив влияние данных тенденций, мы сделали вывод, что все изменения в исследуемом учебнике в той или иной степени способствовали его актуализации, что в конечном итоге помогло ему удержать лидирующие позиции на рынке образовательной литературы. Это свидетельствует о соответствии требованиям, как структурным, так и содержательным, высоком качестве предлагаемого материала, продуманности и структуре, четкости и сжатости изложения материала, понятности и доступности для целевой аудитории, актуальности информации, наличии конкретных примеров и заданий, систематическом представлении материала, оригинальности подхода, правильном оформлении. Каждое новое издание вносило свой неповторимый вклад в формирование и становление образовательного дискурса, который определенно был бы совершенно иным без вклада Рэймонда Мерфи.

### **Конфликт интересов**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

## **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Александрова О.В. Формирование концептуальной картины мира на основании изучения лексико-грамматической системы языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 19-27.
2. Бузинова Л.М. Академический дискурс и его место в дискурсологии // Лексикография и коммуникация – 2017: материалы III междунар. науч. конф., Белгород, 27-28 апреля 2017 г. / под ред. А.П. Седых. Белгород, 2017. С. 123-126.
3. Войтович И.К. Дидактические аспекты электронного обучения. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011.
4. Габец А.А. Интердискурсивность как ингерентное свойство институционального дискурса (на примере образовательного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 107–113. doi: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-107-113

5. Герасимова С.А. Коммуникативный потенциал методической записки как жанра учебно-дидактического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Московский городской педагогический университет. Москва, 2011.
6. Дмитренко Т.А. Инновационные тренды в системе языкового образования в XXI веке // Дискурс профессиональной коммуникации. 2021. Т. 3. № 4. С. 73-83. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-73-83>
7. Добренькова Е.В. Социальная морфология образовательного дискурса: теоретико-методологический анализ: дис. ... доктора социологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2007.
8. Дьякова Е.Ю. Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования: дис. ... канд. филол. наук. Воронежский государственный университет. Воронеж, 2011.
9. Иноземцева Н.В. Системные характеристики заголовков англоязычных статей по методической проблематике: дис. ... канд. филол. наук. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Самара, 2010.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
11. Кириллова И.К. Лингвосемиотика англоязычного университетского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2010.
12. Кротков Е.А., Кожемякин Е.А. Дискурс толерантности [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-tolerantnosti> (дата обращения: 27.09.2023).
13. Комина Н.А. Организационный дискурс в учебной ситуации: Семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2004.
14. Копшукова Е.В. Демоверсии сертифицированных экзаменационных материалов по английскому языку: когнитивно-прагматические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Самара, 2013.
15. Кравчук Н.В. Междометия в современном англоязычном образовательном дискурсе: на материале учебного пособия Dellar H., Walkley A. «OUTCOMES», UK: Heinle, Cengage Learning EMEA, 2010 // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4 (126). С. 30-37. doi:10.18287/2542-0445-2015-21-4-30-37
16. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка): Монография. М.: МГУ – ПА ФСБ РФ, 2004.
17. Радугин А.А. Философия: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Центр, 1997.
18. Роботова А.С. Современный педагогический дискурс [Электронный ресурс] // Вестник Герценовского университета. 2008. №12. С. 19-25. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-pedagogicheskiy-diskurs> (дата обращения: 05.10.2023).
19. Рязанцева Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
20. Сухомлинова М.А. Современный англоязычный академический дискурс. Генезис и жанровая специфика. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный Университет, 2018.
21. Харьковская А.А. Англоязычный образовательный дискурс: современные тенденции // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: Сборник научных трудов к 15-летию кафедры английского языка № 5 МГИМО / под ред. Л.К. Раицкой. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 177-181.

22. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. К проблеме онтологии и терминологии статусноориентированных типов дискурса в современной лингвистической дискурсологии // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 1. С. 21-35. doi: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-21-35.

23. Чубарова Ю.Е. Функционально-структурные особенности и просодические средства выражения дискурсивных элементов англоязычного учебно-научного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева. Саранск, 2008.

24. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов. Самара: СамГУПС, 2008.

25. Panina N.V., Amerkhanova O.O. Interjections in the speech of British royal family members // Training, Language and Culture. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 84-96. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.6

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ВЫБОРКИ

1. Murphy R. Grammar in Use. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985.
2. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994.
3. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.
4. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012.
5. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019.

### REFERENCES

1. Aleksandrova, O.V. (2014). Formirovanie kontseptual'noi kartiny mira na osnove izucheniia leksiko-grammaticheskoi sistemy iazyka [Forming of conceptual world-view on the basis of lexical and grammatical system of language study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication]*, 3, 19–27 (in Russian).

2. Buzinova, L.M. (2017). Akademicheskij diskurs i ego mesto v diskursologii [Academic discourse and its place in discourse studies]. In A.P. Sedyh (Ed.), *Leksikografiya i kommunikaciya – 2017: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Lexicography and communication – 2017: Proceedings of the Second international scientific conference]*, 27-28 April, 2017 (pp. 123-126). Belgorod: NIU BelGU [Belgorod: Belgorod State National Research University] (in Russian).

3. Chekulai, I.V., & Prokhorova, O.N. (2019). K probleme ontologii i terminologii statusnoorientirovannyh tipov diskursa v sovremennoj lingvisticheskoj diskursologii [On the problem of ontology and terminology of statusoriented types of discourse in modern linguistic discourology]. *Diskurs professionalnoj kommunikacii [Professional Discourse and Communication]*, 1(1), 21-35 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-21-35>

4. Chubarova, Yu.E. (2008). *Funkcionalno-strukturnye osobennosti i prosodicheskie sredstva vyrazheniya diskursivnyh elementov angloyazychnogo uchebno-nauchnogo diskursa [Functional and structural features and prosodic means of expressing discursive elements of English educational and scientific discourse]* [Candidate's thesis, Ogarev Mordovia State University]. Saransk, Russia (in Russian).

5. Dmitrenko, T.A. (2021). Innovative Trends in the System of Language Education in the XXIst Century. *Professional Discourse & Communication*, 3(4), 73-83. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-73-83>.
6. Dobrenkova, E.V. (2007). *Socialnaya morfologiya obrazovatel'nogo diskursa: teoretiko-metodologicheskij analiz [Social morphology of educational discourse: theoretical and methodological analysis]* [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Russia (in Russian).
7. Dyakova, E.Yu. (2011). *Polikodovyy tekst v britanskom reklamnom diskurse sfery obrazovaniya [Polycode text in British advertising discourse in the education sector]* [Candidate's thesis, Voronezh State University]. Voronezh, Russia (in Russian).
8. Gabets, A.A. (2021). Interdiskursivnost' kak ingerentnoe svoystvo institutsional'nogo diskursa (na primere obrazovatel'nogo diskursa) [Interdiscourse as an inherent characteristic of institutional discourse (on the example of educational discourse)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]*, 27, 4, 107–113. doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-107-113> (in Russian).
9. Gerasimova, S.A. (2011). *Kommunikativnyj potencial metodicheskoy zapiski kak zhanra uchebno-didakticheskogo diskursa [Communicative potential of a methodological note as a genre of educational and didactic discourse]* [Candidate's thesis, Moscow City University]. Moscow, Russia (in Russian).
10. Inozemceva, N.V. (2010). *Sistemnye kharakteristiki zagolovkov angloyazychnyh statej po metodicheskoy problematike [System characteristics of headings of English-language articles on methodological issues]* [Candidate's thesis, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities]. Samara, Russia (in Russian).
11. Karasik, V.I. (2004). *Yazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]*. Moscow: Gnosis (in Russian).
12. Kharkovskaya, A.A. (2015). Angloyazychnyj obrazovatelnyj diskurs: sovremennye tendencii [English-language educational discourse: modern trends]. In L.K. Raitskaya (Ed.), *Professionalnaya kommunikaciya i multikompetentnost: sb. nauch. tr. [Professional communication and multicompetence: collection of scientific papers devoted to the 15th anniversary of the Department of the English language №5, MGIMO]* (pp. 177-181). Moscow: MGIMO (in Russian).
13. Kirillova, I.K. (2010). *Lingvosemiotika angloyazychnogo universitetskogo diskursa [Linguosemiotics of the English-language university discourse]* [Candidate's thesis, Volgograd State University]. Volgograd, Russia (in Russian).
14. Komina, N.A. (2004). *Organizacionnyj diskurs v uchebnoj situacii: Semanticheskij i pragmaticheskij aspekty [Organizational discourse in a learning situation: Semantic and pragmatic aspects]* [Doctoral dissertation, Tver State University]. Tver, Russia (in Russian).
15. Kopshukova, E.V. (2013). *Demoversii sertifikirovannykh ekzamenacionnykh materialov po anglijskomu yazyku: kognitivno-pragmaticheskie aspekty [Demo versions of certified examination materials in the English language: cognitive-pragmatic aspects]* [Candidate's thesis, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities]. Samara, Russia (in Russian).
16. Krotkov, E.A., & Kozhemyakin, E.A. (2013). Diskurs tolerantnosti [Discourse of tolerance]. *Diskurs-Pi [Discourse-P]*, 10(3), 137-138 (in Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-tolerantnosti>

17. Kravchuk, N.V. (2015). *Mezhdometiya v sovremennom angloyazychnom obrazovatelnom diskurse: na materiale uchebnogo posobiya Dellar H., Walkley A. «OUTCOMES»*, UK: Heinle, Cengage Learning EMEA, 2010 [Interjections in modern English educational discourse: based on the material of student's textbook Dellar H., Walkley A. «Outcomes», UK: Heinle, Cengage learning EMEA, 2010]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Samara State University]*, 4(126), 30-37 (in Russian). doi:10.18287/2542-0445-2015-21-4-30-37

18. Panina, N.V., & Amerkhanova, O.O. (2018). Interjections in the speech of British royal family members. *Training, Language and Culture*, 2(4), 84-96. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.6

19. Ponomarenko, E.V. (2004). *Funktsional'naya sistemnost' diskursa (na materiale angliiskogo yazyka) [Functional consistency of discourse (based on the English language)]*. Moscow (in Russian).

20. Radugin, A.A. (1997). *Filosofiya: kurs lekcij. 2-e izd., pererab. i dop. [Philosophy: course of lectures. 2nd ed., revised]*. Moscow: Tsentr (in Russian).

21. Robotova, A.S. (2008). *Sovremennyy pedagogicheskij diskurs [Modern pedagogical discourse]*. *Vestnik Gercenovskogo universiteta [Bulletin of the Herzen University]*, 12, 19-25 (in Russian). <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-pedagogicheskij-diskurs>

22. Ryazanceva, T.I. (2008). *Teoriya i praktika raboty s gipertekstom (na materiale angliiskogo yazyka): ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Theory and practice of working with hypertext (based on the English language): textbook]*. Moskva: Izdatelskij centr «Akademiya» [Moscow: Publishing center «Academy»] (in Russian).

23. Shevchenko, V.D. (2008). *Vvedenie v teoriyu interferencii diskursov [Introduction to the theory of discourse interference]*. Samara: SamGUPS [Samara: Samara State Transport University] (in Russian).

24. Sukhomlinova, M.A. (2018). *Sovremennyy angloyazychnyy akademicheskij diskurs. Genesis i zhanrovaya specifika [Contemporary English-language academic discourse. Genesis and genre specificity]*. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj Federalnyj Universitet [Rostov-on-Don: Southern Federal University] (in Russian).

25. Vojtovich, I.K. (2011). *Didakticheskie aspekty elektronnoy obucheniya [Didactic aspects of e-learning: textbook]*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet [Izhevsk: Udmurt University] (in Russian).

## LIST OF SAMPLE SOURCES

1. Murphy, R. (1985). *Grammar in Use*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
2. Murphy, R. (1994). *English Grammar in Use*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
3. Murphy, R. (2004). *English Grammar in Use*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
4. Murphy, R. (2012). *English Grammar in Use*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
5. Murphy, R. (2019). *English Grammar in Use*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

**Об авторах:**

**Копшукова Екатерина Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). Область научных интересов: филологические науки, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, лингвосинергетика.

ORCID: 0009-0005-8283-1223.

**Панина Наталья Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). Область научных интересов: филологические науки, дискурс-анализ, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвистика текста. ORCID: 0000-0002-5749-7244.

**Получено:** 30 января 2024 г.

**Принято к публикации:** 11 марта 2024 г.

**DYNAMICS OF MULTIMODAL COMPONENTS  
IN ENGLISH EDUCATIONAL DISCOURSE:  
THE CASE OF “ENGLISH GRAMMAR IN USE”  
BY RAYMOND MURPHY**

***Ekaterina V. Kopshukova***

*Samara National Research University*

*(Samara, Russia)*

*kopshukova.ev@ssau.ru*

***Natalya V. Panina***

*Samara National Research University*

*(Samara, Russia)*

*panina.nv@ssau.ru*

**Abstract:** This article aims to identify the linguistic features of English-language educational discourse in terms of structural, descriptive, semantic, and cognitive-pragmatic analyses. The relevance of the study stems from the need to identify trends in the representation of language components in modern grammar textbooks within the communicative-pragmatic paradigm of educational discourse. The authors focus on the linguosynergetic potential of the English grammar textbook “English Grammar in Use” by

Raymond Murphy, manifested in changes of certain discourse markers in all five editions. Employing a multimodal discourse analysis methodology, this research scrutinizes the verbal and visual disparities—encompassing graphic elements, letter capitalization, italics, font, and color—that hold pragmatic value and fulfill various roles, from engagement to information conveyance. The authors also investigate the interference of advertising and educational discourses and the small-format nature of texts in this self-study textbook, whose hypertext structure and internal navigational system serve as a surrogate for teacher guidance, thereby performing a directive function. A diachronic analysis of communicative scenarios within the textbook’s exercises reveals the dynamic utilization of interjections, underscoring their importance in creating an emotive-expressive backdrop that facilitates the acquisition of grammatical phenomena, reflective of their real-world application. Thus, in an attempt to represent the features of natural communication and to avoid the use of linguistic terms, the author of the textbook presents complex grammatical material in the most accessible form for a wide audience. Consequently, the study highlights the textbook’s increasing emphasis on the personality-bound component, complementing the traditionally dominant status-oriented approach in educational discourse.

**Keywords:** educational discourse, hypertext, concept, interjections, synergetic linguistics.

**How to cite this article:** Kopshukova, E.V., Panina, N.V. (2024). Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of “English Grammar in Use” by Raymond Murphy. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 10–34 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-10-34>

***About the authors:***

**Ekaterina V. Kopshukova**, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the English Philology Department at Samara National Research University (Samara, Russia). Research interests cover linguistics, discourse analysis, cognitive linguistics, linguosynergetics.

ORCID: 0009-0005-8283-1223.

**Natalya V. Panina**, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the English Philology Department at Samara National Research University (Samara, Russia). Research interests cover linguistics, discourse analysis, pragmalinguistics, communicative linguistics, text linguistics.

ORCID: 0000-0002-5749-7244.

***Received:*** January 30, 2024.

***Accepted:*** March 11, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48>

## CONTEMPORARY AMERICAN POLITICAL DISCOURSE: A STUDY OF CONTENT, STRUCTURE, AND FORMATION FEATURES

*Nikita A. Bystrov*

*Lomonosov Moscow State University*

*(Moscow, Russia)*

*nikbyst.notabene@yandex.ru*

**Abstract:** This paper examines the defining characteristics of contemporary American political discourse, aiming to identify, analyze, and classify these traits in terms of content, structure, and formative features. The analysis draws upon a corpus of speeches by American politicians during the 2016 and 2020 Presidential Elections, as well as journalistic articles, to illustrate the distinctive elements of American political discourse. Understanding a nation's political discourse necessitates examining the idiosyncrasies of its political culture. Therefore, this study foregrounds the cultural underpinnings of modern American politics, exploring the interrelationships between American political discourse and the nation's political history and culture. Employing discourse analysis, linguacultural analysis, and comparative analysis, the paper delineates the characteristics of modern American politics, including societal heterogeneity, the imperative of political correctness, a pronounced degree of religiosity, an individualistic political culture, and the dramatized nature of political contention. These cultural traits manifest in four salient features of contemporary American political discourse: a syntactic orientation in speech production, the employment of nicknames and sobriquets, the fluidity of political concepts, and the contentious exchanges between the two predominant parties, which engender linguistic divergences. While some features may be present in other national discourses, the unique combination and intensity in the American context accentuate their presence. This paper contributes to political discourse studies by examining political discourse through a linguacultural lens, thereby enhancing understanding of American society and its worldview. It underscores the pivotal cultural attributes of American politics, correlates them with political discourse, and presents concrete examples from speeches of current American politicians and contemporary media, laying the groundwork for future research into American political discourse from a linguacultural standpoint.

**Keywords:** American political discourse studies, discourse analysis, political public speaking, linguaculturology, linguacultural analysis, political concepts, professional communication.

**How to cite this article:** Bystrov, N.A. (2024). Contemporary American Political Discourse: a Study of Content, Structure, and Formation Features. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 35–48. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48>

## 1. INTRODUCTION

Political language is well-known for being extremely explicit. Indeed, the more eloquent the style is, the more effective and persuasive the speech is. However, experienced politicians are used to hiding their real thoughts and intentions behind big words. Thus, political discourse, if studied properly, can provide linguists with valuable and diverse material.

As English has been adopted as a lingua franca for world politics and diplomacy, English-speaking political discourse has a massive impact on the political discourses of other countries. Among all English-speaking countries, the United States of America should be mentioned as the most powerful politically and culturally. Speeches of American politicians are broadcast worldwide influencing both American citizens and people across the globe when it comes to external affairs and forming political and social agenda in the world. Therefore, the correct response to contemporary challenges depends largely on the accuracy of decoding and understanding messages sent by American politicians.

Modern linguistics has developed a wide scope of works concerning political discourse in general, and American political discourse in particular. These subjects have been thoroughly studied by both Russian and foreign researchers.

However, many works on the matter pay little attention to the linguacultural aspects of American political discourse. Various features of American political discourse are strongly connected to the peculiarities of the country's political culture. Indeed, American political culture heavily influences the way how American politicians communicate with each other and the nation. Therefore, a proper understanding of American political discourse requires detailed linguacultural analysis.

The paper aims to identify the basic peculiarities of American political discourse and to discover connections between them and a specific character of American political culture. For this purpose, methods of discourse analysis, linguacultural analysis, and comparative analysis are applied.

The research may contribute to American political discourse studies providing analysis from a linguacultural perspective. The paper attempts to display how national political culture and history correlate to American political discourse and predetermine its formation. Understanding this correlation is crucial when analyzing different aspects of American politics and political discourse.

## 2. THEORETICAL GROUNDING

### 2.1. Political discourse and its definition

The central notion of the presented article is “political discourse.” Nevertheless, it is worth mentioning that many definitions of discourse itself may derive from its polysemantic nature and a variety of existing approaches (Beaugrande, 1997).

To begin with, the role of context needs to be highlighted. It is believed that text cannot exist in isolation from context and can be artificially separated from it only for research purposes. Therefore, discourse is “text and context together, interacting in a way which is perceived as meaningful and unified by the participants” (Cook, 1992, p. 4). In analyzing discourse, a researcher should pay meticulous attention to the socio-cultural context (Stubbs, 1983). It is important to consider this type when analyzing political discourse.

In terms of Critical Discourse Analysis discourse can be described as “a form of social prac-

tice” (Fairclough, 2010, p. 7) or semiosis, meaning including not only words but also pictures, symbols, gestures, facial expressions, etc. Thus, discourse both shapes verbal and non-verbal contexts and is shaped by them. They are mutually constitutive.

Political discourse is created by all participants of political practices, hence not only actors (i.e., politicians) but also different groups and classes acting politically should be considered. From this perspective, Van Dijk (1997) offers a contextual definition of political discourse. According to it, discourse should be understood “in terms of special events or practices of which the aims, goals or functions are maybe not exclusively but at least primarily political” (van Dijk, 1997, p. 15). The researcher suggests focusing on the following three aspects: participant, nature, and the context of sundry political practices (Op. cit.).

Defining political discourse might also be a complicated task. Its complexity stems from the fact that the term “politics” might be interpreted differently. For example, there is an idea that there are two types of political discourse: discourse of politicians and discourse of response (Plotnikova, 2005). On the one hand, the discourse of politicians is institutional and involves politics in its narrow sense, i.e., it is a purely professional sphere. On the other hand, the discourse of response is a public response to the discourse of politicians, and, therefore, politics is taken in its much broader sense and has a non-professional nature. Besides, there are three levels of political discourse: “discourse used by professional politicians, discourse used in the field of politics, and discourse related to any notions of power, conflict, and control” (Ji, 2019, p. 19).

## 2.2. Features of political public speaking

Political discourse and its characteristics are greatly influenced by the peculiarities of political public speaking. By its nature, oratory is the unity and struggle of opposites. The antinomy between the spontaneous nature of oral speech and the conventionality of written speech manifests itself in political public speaking (Baranova, 2008).

This antinomy was noticed much earlier in the USSR. Soviet linguists defined oratory as a special type of written speech that always imitates oral speech (Peshkovsky, 1959). However, they pointed out that a good orator should be capable of both coping with the wild nature of colloquial speech and properly targeting written speech.

Another feature of political oratory is its extreme subjectivity. Commonly, such subjectivity is ideologically motivated causing a phenomenon called ideological polysemy. The nature of ideological polysemy derives from the ability of some words, collocations and even phrases to be interpreted differently. In some cases, the difference can be dramatic, e.g. in various types of discourse, the word “nationalist” can be either the description of a patriot or a narrow-minded person who believes that his or her nation is better than others. Some researchers name it a structure-forming feature of political discourse (Mukhortov, 2014). To understand it, one may look at the earlier Soviet history and remember the use of “Trotskyist”, a word used to deface political opponents without giving proper argumentation, or the “McCarthy era” in the United States when everyone suspected of having left-wing or even communist sympathies could be fired, expelled, ostracized, imprisoned or even executed (e.g. the Rosenberg case).

Another example may be of interest. Ex-President D. Trump criticized Dr. Anthony Fauci, the Chief Medical Advisor to the President during the pandemic. Also, he kept calling him “a democrat” even though Dr. Fauci is not affiliated with any political party. Once, he said: “He’s a nice guy, so I keep him around. Right? We’ll keep him around. He’s a Democrat, everybody knows that. He’s Cuomo’s friend” (Colson, 2020). It may be understood as “I criticized him a lot but he is a

nice guy despite being a democrat.” This fact is interesting because belonging to the Democratic Party stops being just a political orientation and becomes a stigmatizing stamp.

Additionally, it should be noted that being a politician is not a profession in the traditional sense. American presidents have come from different professional and educational backgrounds, which in turn influence their political discourse with perspectives from various spheres of life, not strictly limited to politics. The frequent mention of ‘deals’ in Donald Trump’s speeches exemplifies the intersection of the business world with political discourse.

### **2.3. Political discourse and professional communication**

First, it needs to be said that the communicative and functional spheres of professional communication and their boundaries are defined differently by researchers. Some of them limit the number of extralinguistic situations, whereas others, on the contrary, extend the scope of such situations. Thus, professional speech exists in such spheres as law, politics, industry, trade, administration, social work, and international affairs (Malyuga, 2015).

Specialists distinguish three basic functions of professional communication: phatic, informational, and the function of making a pragmatic impact. The emotive function is put just on the sixth place (Khramchenko, 2019). However, the emotive function is central in political discourse since any politician longs to impact people’s hearts and feelings while appealing to reasoning is commonly not a priority.

One can argue that communication among politicians has such characteristics since their interaction is primarily purposeful and problem-solving-oriented. However, this is not the case when it comes to political speeches and communication with the electorate. Hence, participants heavily influence the nature of political communication and political discourse. It may be highly purpose-oriented only when a communication situation excludes ordinary people. Otherwise, political discourse is impact-oriented.

## **3. MATERIAL AND METHODS**

To achieve the aim of this paper, the research data were collected from political speeches delivered by contemporary American politicians predominantly during the 2016 and 2020 Presidential Elections, and examples of journalistic critical articles responding to these events.

The U.S. Presidential Elections have been chosen for the investigation because such significant political events are characterized by heated political debates. During the elections, the most skilful and powerful politicians do their best to influence Americans and neutralize their opponents. Moreover, the American media reacts to politicians’ actions and words by producing analytical articles and criticism. This intense political struggle provides scholars with valuable and diverse research materials that vividly illustrate American political discourse and its unique features.

The paper takes speeches by Donald Trump, Joe Biden, Bernie Sanders, and Hillary Clinton as examples since they were central figures in both the 2016 and 2020 Presidential Elections. The politicians mentioned have delivered numerous speeches and received significant attention from the press. Moreover, their influence over Americans stems from their persuasive oratory. Therefore, their speeches may hold particular interest for political analysts.

In the research, several methods are utilized: discourse analysis, comparative analysis, and linguacultural analysis.

First, it is necessary to examine the distinctive traits of American society and politics. Then,

one should explore the connection between American political culture and discourse. Based on this connection, the fundamental characteristics of American discourse can be analyzed. Thus, in addition to the content and structure typical of discourse analysis, one must also consider the formative features that are linguaculturally specific.

## 4. RESULTS AND DISCUSSION

### 4.1. American political life and its distinctive traits

Before studying American political discourse, one should pay attention to several aspects that distinguish American political culture and make it stand out from other English-speaking political cultures.

#### 4.1.1. *Heterogeneous society*

The first aspect distinguishing American political discourse as unique is the extreme heterogeneity of American society concerning race, ethnicity, and religion. Americans, being immigrants or descendants of immigrants, may not be fully aware of the various subtleties of American history, culture, and traditions.

In addition, English is not the native language for many individuals. Politicians who aim to succeed must consider their diverse backgrounds. The importance of the so-called “cultural literacy” (Hirsch et al., 2002) for American political discourse is greater than for more ethnically and religiously homogeneous English-speaking societies. This factor makes American politicians simplify their speeches, use less sophisticated stylistic devices, and specify most references and allusions.

#### 4.1.2. *Political correctness*

Another distinctive feature of American political language, which should be considered, is political correctness. The phenomenon of political correctness (the term was later substituted by ‘sensitive language’) originated in the United States and became an integral part of its political discourse. Political correctness (or PC) “is concerned with avoiding certain attitudes, actions and above all, forms of expression, which suggest prejudice and are likely to cause offence” (Crowther & Kavanagh, 1999, p. 418). For instance, researchers of American political discourse say that it is typically more acceptable for American politicians belonging to the Republican Party to speak of “pro-life” and not “anti-abortion” policies (Baranova, 2013). This difference can be viewed as a practical example of PC in American political discourse.

Ahead of his 2016 run, Donald Trump started emphasizing that he was a “pro-life politician” to fit the Republican agenda (CNN, 2015). However, users on Twitter pointed out that he had stuck to the opposite opinion previously and called himself “pro-choice” (Rousselle, 2016). “Pro-choice” is the expression used to describe those who support free access to abortions. It seems, that the 45<sup>th</sup> President changed self-description to win Republican voters.

#### 4.1.3. *Extreme religiosity*

The third aspect worth taking into consideration when analyzing American political discourse is the extreme religiosity of Americans. The USA has always been a very religious country and most of the American population belongs to various branches of Protestantism. Moreover, the increasing Hispanic and African American population may just sustain the trend. Christianity plays

a great role in politics and everyday life. Therefore, it is not surprising that religious allusions are frequently used by American politicians, especially the older ones.

In the analysis of data from the CIDE (Cambridge International Dictionary of English), there is a comparison of British and American political discourse and the sources of allusions used by politicians from these two countries. Biblical quotes hold a more prominent place in the American political discourse than in the British one (Minayeva, 2014). The total percentage of allusions to the Bible in the political discourse of the two major English-speaking countries is 5%, however, the number of allusions of this nature made by American politicians is much higher and equals 12%. Religion plays a significant role in American political life and partly forms how political texts are created and delivered. Similar data was provided by other researchers (Levenkova, 2008).

For example, in his Victory Speech and Inaugural Address the President-Elect, Joe Biden utilizes various biblical citations to make his words more influential and powerful: “The Bible tells us to everything there is a season, a time to build, a time to reap and a time to sow. And a time to heal. This is the time to heal in America” (Phillips, 2020), “And I promise this, as the Bible says, ‘Weeping may endure for a night, joy cometh in the morning’. We will get through this together. Together” (Biden, 2021).

Interestingly enough, not only Christian politicians may gravitate towards the “Christian” approach. Bernie Sanders, being a Jew, appealed to his audience with the words “Brothers and sisters” in his speech in Iowa during his campaign rally (Choi, 2019). Associations with Christian preachers arise immediately, which can be explained by the religious American landscape and the necessity to adapt to it, notwithstanding personal views. It is noteworthy that this appeal is used at the beginning of several paragraphs; therefore, the phrase may be regarded as anaphora, which adds to a certain rhythmic structure of the passage.

#### ***4.1.4. Self-focused political culture***

In the CIDE data analysis, one can notice another curious detail. In comparison with British politicians, their American counterparts tend to allude to the country’s political figures of the past much more often. Besides, the percentage of allusions is considerably high making up half of all references. However, political figures of other countries are not of interest and rank fifth. The most popular Americans with current political figures are Abraham Lincoln, the Founding Fathers, Franklin Delano Roosevelt (often shortened as FDR), and Ronald Reagan. References to ordinary citizens are 17%. This allows a researcher to conclude that American political discourse is extremely America-centered.

One occasion may illustrate this peculiarity of American society. During the 2016 Presidential Election, Donald Trump made up many sobriquets for his opponent, Hillary Clinton, alluding to Angela Merkel, ex-federal chancellor of Germany, and the situation with completely uncontrolled immigration in this country. However, his attempt was unsuccessful, because most Americans were not aware of who Angela Merkel was. More than that, they knew nothing about the immigration crisis in Europe (Vishnyakova, 2017). However, this cannot be explained by the insignificance of the figure or the event. Germany was the 5th trading partner of the USA (United States Census Bureau, 2017), and German was the 4th most popular foreign language taught in institutions of higher education in 2016 (Looney & Lusin, 2018) (the year when D. Trump was elected), so the ties between the two countries are supposed to be strong. Also, the data provided in the cited research indicates a decline in the number of students who want to study foreign languages. This

number has been decreasing over the last decade which may implicitly indicate the «encapsulation» of American society (Op. cit.).

#### **4.2. Syntactic “wrapping” as a distinctive feature of American political discourse**

Due to the features of American society and American politics mentioned in Section 3.1., there is a distinctive tendency for American politicians to simplify lexical content and wrap it into more complex syntactic forms. This “stylistic tendency” was highlighted in some papers devoted to analyzing Bill Clinton’s speeches and comparing them to the ones of Barack Obama. For instance, the researchers pointed at the vast number of anaphors, parallel constructions, and repetitions in the speeches of the 42nd US President and added that parallel constructions serve as a basic feature of the American presidency per se (Mukhortov, 2015).

The lack of “cultural literacy” and extreme religiosity mentioned previously can be an explanation. Due to their audience being extremely heterogeneous, a politician needs to adjust their speeches making them less complicated for the widest audience possible. Hence, to achieve the goal of impact, they lean towards more complex syntactic tools. Moreover, it may seem that American politicians imitate the manner of preaching prevailing among Baptist priests, which can be characterized as monotonous and rich in syntactic devices.

Special syntactic composition might be created with various syntactic tools. 2020 summer civil unrest was a significant event in the political life of the USA, and many politicians commented upon it expressing their point of view. Donald Trump said, “America needs creation, not destruction, cooperation not contempt, security not anarchy, healing not hatred, justice not chaos” (Rev Transcripts, 2020). The stylistic effect created by multiple cases of antithesis is supplemented by parallel constructions. His rival for the 2020 presidency, Joe Biden, stated that the road to democracy and other American values is hard and added: “At our best, the American ideal wins out. It’s never a rout. It’s always a fight” (Nilsen, 2020). The example of antithesis expressed in antonymic adverbs and nouns is supported by the use of syntactic anaphora.

In this context, it will be interesting to touch upon the article “How Obama Does That Thing He Does. A Professor of Rhetoric Cracks the Candidate’s Code” (Shafer, 2008) saying that people did not remember what exactly had been said by President Obama but were left with a feeling of great happiness and optimism. Jack Shafer, the author of the article, refers to the words of George Parker who mentioned that “the speech dissolved into pure feeling, which stayed with me for days” (Shafer, 2008). Such a description reminds one of religious ceremonies when people are influenced emotionally, not logically. It is suggested that such a «religious» effect described in the article was achieved by the special syntactic composition of the speeches.

#### **4.3. Nicknames as a device of evaluation**

It is typical of American political tradition to give prominent political figures sobriquets and nicknames.

One can recall The Father of His Country (George Washington), Honest Abe (Abraham Lincoln), The Apostle of Democracy (Thomas Jefferson), and The Phrasemaker (Woodrow Wilson), and this is not a complete list of such nicknames.

In terms of rhetoric, sobriquets are a powerful tool that uses “imagery to express evaluation induced by attitudes towards the object of nomination and involves further expansion of linguistic meanings” (Vishnyakova & Vishnyakova, 2020, p. 22). It is important to highlight the correlation between discourse and nicknames due to their evaluative characteristics. In this respect, they “can

be regarded as an important axiological element of discourse and an indicator of attitudes of society to an individual, created based on outstanding features of the object of nomination” (Op. cit., p. 24).

In most cases, the authorship of nicknames tends to be unknown, and they become something like a part of folklore. However, some politicians use this device in their speeches to humiliate opponents or praise their allies. It is assumed that using sobriquet nomination “becomes one of the key points in rhetoric” of some American politicians such as George Bush or Donald Trump (Vishnyakova, 2017).

#### 4.4. A volatile tool of political concepts

The ideological polysemy can be a volatile phenomenon. Once uttered, a phrase can be altered and utilized against its originator.

In his inaugural address, Donald Trump promised changes to the citizens of the USA and stated: “This American carnage stops right here and stops right now” (ABC News, 2017). Just before these words, he listed the flaws of the country, including “poverty in inner cities”, “rusted-out factories”, an ineffective “education system flush with cash” and a high crime rate (Op. cit.). All these problems are called “this American carnage”, the problem which he was going to solve as soon as possible. The concept of “American carnage” was meant to blacken the previous administration and, consequently, the whole Democratic and liberal political camp.

Later, it was used as the title of the book “American Carnage. On the Front Lines of the Republican Civil War and the Rise of President Trump” by Tim Alberta, a political correspondent for “Politico” (Alberta, 2019). The book describes metamorphoses in the Republican Party and their evolution from Bush’s conservatism into the MAGA movement (Make America Great Again) and Trumpism.

A year later, an essay «American Carnage. Donald Trump and the Collapse of the Union» by Don Watson (Watson, 2020), published in “The Monthly” magazine, alludes to the same utterance of the ex-President. The whole article is devoted to criticizing Donald Trump’s presidency. It is full of uncomplimentary words and characteristics, as well as the fear of further division in American society and the possibility of Donald Trump being elected the second time.

«American carnage» turned back on D. Trump. The words changed their meaning and transformed from the concept in favour of the Ex-President and his supporters stigmatizing Democrats and their president into the concept against the Republicans and the Republican policy, the symbol of everything the MAGA movement stood for. Such development is undoubtedly undesired by the author of the phrase. The unflattering characteristic of the results of Obama’s presidency happened to be used against Donald Trump and his administration.

Turning to the phenomenon of interpretation may cast light on the reasons for this conversion. To start with, interpretation in science is commonly understood as “a method that stresses the importance of understanding intentional human action” (Jary & Jary, 1991, p. 325). It is underlined that interpretation per se is distinguished by “the recognition that any statement about the social world is necessary relative to any other” (Op. cit.). Thus, it is necessary to note that when one interprets something, he or she understands it in its relation to other things, e.g. socio-cultural context, or a person’s background knowledge. In addition, any interpretation is context-dependent since any utterance obtains its sense only in the context of the given situation of interpreting (Dem’yanov, 1999). One event might be verbalized differently, and this can influence the way how the event is remembered, interpreted, and evaluated (Vishnyakova et al., 2022).

First, “American carnage” was associated with and, consequently, interpreted as an assault

on the administration preceding D. Trump's presidency. However, liberal journalists went on to change the context, adding new associations and making this concept related to other things. By doing this, they changed the way most Americans understood and interpreted this utterance. As a result, Trump's own words started working against him describing his presidency, not Obama's.

Such metamorphoses are highly typical of extremely manipulative political discourse. However, it should be added that the character of American politics when everything should look like a show for the amused and amazed spectators makes this trait even more vivid and evident.

#### 4.5. Cross-party differences

It is well-known that the United States has a two-party system, and American politics is dominated by two major parties: the Republican Party and the Democratic Party. The Republican Party belongs to the conservative camp of American politics, whereas the Democrats are considered as the liberal-wing party. This ideological division produces differences in the language and, in particular, in the choice of allusions and references made by politicians. All these differences can be expressed in one opposition 'personal freedoms vs equality'.

Personal freedoms are the manifestation of private liberty and both the government and social organizations have no right to interfere unless a citizen does not do anything breaking the law. Interestingly, it works in both ways, so any white citizen is free to discriminate against minorities and enjoy his or her privileges if he or she does not explicitly practice racism, homophobia, and other kinds of non-tolerant behaviour and manifest his or her personal views. The concepts of equality and inclusive society presuppose active involvement of the government and other social institutes in the life of the American society. This approach quite often leads to the violation of the private freedoms of an individual.

This difference may be visible when looking at one of America's core concepts, the American dream, and its understanding by contemporary Republicans and contemporary Democrats. Most political concepts are difficult to define due to their abstract nature. It can be suggested that the vocabulary definition should be taken as a core of a concept, whereas every additional meaning arising in discourse should be regarded as a field of a concept (Levenkova, 2011).

Thus, it is necessary to deduce the core meaning of the American dream. Based on the dictionaries of the English language and especially of its American variant, four basic aspects of the concept can be distinguished: wealth, success, equal rights/equality of opportunities, and democracy/freedom (Chanturidze, 2016).

Throughout the whole history of America, this concept has been given new meanings. For example, the tragedy of September 11 made American society reinterpret its values and stimulated its desire to live a calm and happy life, which opposes the idea of an eternal run for wealth and success (Baranova, 2007).

Hence, the different attitude to the American dream reveals the different image of the future of the United States manifested by the politicians of the Republican and Democratic parties.

The Republicans keep exploiting the notion of the American dream, which has brought millions of people to the American continent. The notions of enormous prosperity and high living standards, capitalism, businesses, and welfare for hard-working and ambitious people are cherished and propagandized by Republican politicians.

In his victory speech Donald Trump as a good businessman concentrates on this issue: "Work-

ing together, we will begin the urgent task of rebuilding our nation and renewing the American dream. I've spent my entire life in business, looking at the untapped potential in projects and people all over the world" (CNN Staff, 2016).

In 2020 Donald Trump spoke about the inclusiveness of society and its necessity for achieving the dream: "The next step forward in building an inclusive society is making sure that every young American gets a great education and the opportunity to achieve the American dream. Yet, for too long, countless American children have been trapped in failing government schools" (The New York Times, 2020). However, the orator focuses not on equality as such but on equal opportunities to get a good education and, therefore, a well-paid job.

Leaving the Oval Office in 2021, the ex-president reports to the nation on how he has strengthened the American Dream: "Incomes soared, wages boomed, the American Dream was restored, and millions were lifted from poverty in just a few short years. It was a miracle" (Post Staff Report, 2021). Once again, nothing is said about racial, sexual, and gender equality. The Republican American dream is about money and financial flourishing.

It becomes apparent that the American dream of the Republicans is the dream of a businessman or an entrepreneur. It does not matter what colour your skin is, what god you worship, or what your sexual orientation is, your freedoms and willingness to work hard and prosper are the only things that matter.

The Democrats use the idea of the dream to follow as well. Delivering the inaugural address, the President-Elect speaks about the dream not of wealth and prosperity but of justice: "A cry for racial justice, some 400 years in the making, moves us. The dream of justice for all will be deferred no longer" (Biden, 2021).

After the 2016 Presidential Elections, Hillary Clinton accepted her defeat and spoke about the idea of the American dream and its accessibility: "We spent a year and a half bringing together millions of people from every corner of our country to say with one voice that we believe that the American dream is big enough for everyone. For people of all races, and religions, for men and women, for immigrants, for LGBT people, and for people with disabilities. For everyone" (Golshan, 2016).

The main thing the Democrats pay attention to is just distribution of goods and services and the well-being of minorities. They attach significance to another aspect of the American Dream, equality.

It can be concluded that the old concept of the American dream remains unchanged since the XX century only in the rhetoric of the Republicans. The Democrats reinvented its meaning or some of them even replaced it with the concept of equality of everyone.

## 5. CONCLUSION

In conclusion, it needs to be said that American political discourse is a prominent linguistic phenomenon generating a huge amount of data to analyze.

In the paper, the following traits are identified as typical of American political culture:

- 1) heterogeneity of American society;
- 2) political correctness and its significance;
- 3) extreme religiosity;
- 4) self-centered political culture.

All these traits and their various combinations result in unique features of American political

discourse that distinguish it from other English-speaking political discourses. When analyzing American political discourse, a researcher needs to take into account the following features:

- 1) syntactic tendency in speech production;
- 2) usage of nicknames and sobriquets;
- 3) volatility of political concepts;
- 4) violent political fights between two parties causing linguistic differences to emerge.

Naturally, some of the listed features are typical of political discourse per se, however, American political discourse (due to its distinctive political culture) exaggerates them making them more noticeable. Moreover, American political discourse has developed its unique characteristics which cannot be applied to any other English-speaking political discourse.

It should be stated that there is a direct connection between American political culture and its political discourse. American political culture influences the nation's political communication and stems from America's history and culture and the peculiarities of American society. Thus, studying American political discourse inevitably involves linguacultural analysis, since it provides a deeper and broader understanding of the matter.

## REFERENCES

1. ABC News. (2017, January 20). FULL TEXT: President Donald Trump's Inauguration Speech. *ABC News*. <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821>
2. Alberta, T. (2019). *American Carnage. On the Front Lines of the Republican Civil War and the Rise of President Trump*. New York City, USA: HarperCollins.
3. Baranova, L.L. (2007). Kontsept "Amerikanskaya mechta": ego struktura i realizatsiya v yazykovoy deyatelnosti lyudey [The Concept of the American Dream: its structure and implementation in linguistic activity]. *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya. Seriya Yazykoznanie [Cognitive linguistics: new issues in cognition. Series: Linguistics]*, 5, 78–84 (in Russian).
4. Baranova, L.L. (2008). *Ontologiya angliyskoy pismennoy rechi. Uchebno-metodicheskoye posobiye k kursu lektsiy po orfoepii i orfografii sovremennogo angliyskogo yazyka [Ontology of English written speech. Study guide to the lecture course on contemporary English orthoepy and orthography]*. Russia, Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University (in Russian).
5. Baranova, L.L. (2013). Political Correctness in Political Discourse: Language Made Plain. In O. V. Alexandrova (Ed.), *LATEUM 2013. ELT and Linguistics – 2013: New Strategies for Better Solutions: proceedings* (pp. 67-71). Moscow, Russia: MAKS Press.
6. Beaugrande, R. de. (1997). The Story of Discourse Analysis. Discourse as Structure and Process. In T.A. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* (pp. 35-62). New York, US: SAGE Publications.
7. Biden, J. (2021, January 20). Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. *The White House*. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>
8. Chanturidze, Yu.M. (2016). *Afro-amerikanskiy politicheskiy diskurs: kognitivniy, lingvokul-*

*turologicheskii i ritoricheskii aspekt [African-American political discourse: cognitive, linguocultural and rhetoric aspects]* [Candidate's Thesis, Moscow State University]. Moscow, Russia (in Russian).

9. Choi, D. (2019, March 8). Read Bernie Sanders' full speech from his first Iowa 2020 campaign rally. *Business Insider*. <https://www.businessinsider.com/bernie-sanders-iowa-2020-rally-speech-transcript-2019-3?r=US&IR=T>

10. CNN Staff. (2016, November 16). Here's the full text of Donald Trump's victory speech. *CNN*. <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech/index.html>

11. CNN. (2015, July 30). *Donald Trump: I'm pro-life, with exceptions (CNN interview with Dana Bash)* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=2xEeIRfrpCY>

12. Colson, T. (2020, October 16). Trump says 'everyone knows' that Dr. Fauci is a Democrat, even though he is not a member of any party. *Business Insider*. <https://www.businessinsider.com/donald-trump-claims-dr-fauci-is-a-democrat-no-evidence-2020-10>

13. Cook, G. (1992). *The Discourse of Advertising*. London, UK: Routledge.

14. Crowther, J., & Kavanagh, K. (1999). *Oxford Guide to British and American Culture: For Learners of English*. Oxford University Press.

15. Dem'yankov, V.Z. (1999). Interpretatsiya kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki [Interpretation as a tool and as an object of linguistics]. *Voprosy filologii [Philological issues]*, 2, 5-13 (in Russian).

16. Fairclough, N. (2010). *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London, UK: Routledge.

17. Golshan, T. (2016, November 9). Hillary Clinton's concession speech full transcript: 2016 presidential election. *Vox*. <https://www.vox.com/2016/11/9/13570328/hillary-clinton-concession-speech-full-transcript-2016-presidential-election>

18. Hirsch, E.D. Jr., Kett, J. F., & Trefil, J. (2002). *The New Dictionary of Cultural Literacy*. Boston, N.Y., USA: Houghton Mifflin Company.

19. Jary, D. & Jary, J. (1991). *Collins dictionary of sociology*. Glasgow, UK: HarperCollins.

20. Ji, Xiaoxiao. (2019). *Pragmalinguistically Motivated Functions of Metaphor in Political Discourse: A Case of American Presidential Rhetoric* [Candidate's Thesis, Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Russia. <https://istina.msu.ru/dissertations/232827586/>

21. Khranchenko, D.S. (2019). Functional-linguistic Parameters of English Professional Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 1, 9-20. doi: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20

22. Levenkova, E.R. (2008). Intertekst kak lingvokulturniy marker v politicheskom diskurse Velikobritanii i SShA [Intertext as a linguacultural marker in British and American political discourse]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 6(2), 261-270 (in Russian).

23. Levenkova, E.R. (2011). *Britanskiy i amerikanskiy politicheskii diskurs: kontrastivnyi analiz [British and American Political Discourse: contrastive analysis]*. Russia, Samara: Volga State Academy of Social Sciences and Humanities (in Russian).

24. Looney, D. & Lusin, N. (2018). *Enrollments in Languages Other Than English in United States Institutions of Higher Education, Summer 2016 and Fall 2016: Preliminary Report*. Modern Language Association (Web publication). <https://www.mla.org/content/download/83540/file/2016-Enrollments-Short-Report.pdf>

25. Malyuga, E.N. (2015). Individual-oriented training in professional communication teach-

ing. In L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres (Eds.), *ICERI2015: 8th International Conference of Education, Research and Innovation, Seville, Spain, November 16th-18th, 2015: proceedings* (pp. 4807-4811). Seville, Spain: IATED Academy.

26. Minayeva, L.V. (2014). Ob intertekstual'nosti i gipertekstual'nosti politicheskogo diskursa [On political discourse intertextuality and hypertextuality]. *Vestnik Mookovskogo Universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [The Lomonosov Public Administration Journal. Series 21]*, 2, 15-30 (in Russian).

27. Mukhortov, D.S. (2014). Manipulyativnyy potentsial ideologicheskoy polisemii v sovremennom politicheskom diskurse [The manipulative potential of ideological polysemy in political discourse today]. In I.V. Kultyshev (Ed.), *Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennom politicheskom diskurse [Persuasion and proof in contemporary political discourse]*, Yekaterinburg, Russia, August 26-28, 2014: *proceedings* (pp. 68-76). Yekaterinburg, Russia: Ural State Pedagogical University (in Russian).

28. Mukhortov, D.S. (2015). Praktika kognitivno-diskursivnogo analiza yazykovoy lichnosti politika (opyt prochteniya publichnykh vystupleniy Billa Klinton) [Cognitive discursive insights into the politician's linguistic identity: perusing Bill Clinton's public statements]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies]*, 2(4), 86-95 (in Russian).

29. Nilsen, E. (2020, June 2). "The presidency is a duty to care": Read Joe Biden's full speech on George Floyd's death. *Vox*. <https://www.vox.com/2020/6/2/21277967/joe-biden-full-speech-george-floyd-death-trump>

30. Peshkovsky, A.M. (1959). *Izbrannye Trudy [Selected Papers]*. Moscow, Russia: Ministry of Education of the RSFSR Press (in Russian).

31. Phillips, A. (2020, November 7). Joe Biden's victory speech, annotated. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/11/07/annotated-biden-victory-speech/>

32. Plotnikova, S.N. (2005). Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya [Politician as a constructor of a discourse of reaction]. *Politicheskii diskurs v Rossii: Svyatye bez zhityi: materialy postoyanno deystvuyushchego seminara [Political Discourse in Russia: Saints without Lives: materials of a permanent seminar]*, 8, 22-26. Moscow: MAKS Press (in Russian).

33. Post Staff Report. (2021, January 19). President Trump's farewell: Read his full speech. *New York Post*. <https://nypost.com/2021/01/19/president-trumps-farewell-read-his-full-speech/>

34. Rev Transcripts. (2020, June 1). Donald Trump Speech Transcript June 1: Trump May Deploy US Military to Cities. *Rev*. <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-transcript-june-1-trump-may-deploy-us-military-to-cities>.

35. Rousselle, C. (2016, March 29). Donald Trump: I've Evolved, I'm Pro-Life Now. *Townhall*. <https://townhall.com/tipsheet/christinerousselle/2016/03/29/donald-trump-ive-evolved-im-pro-life-now-n2140838>

36. Shafer, J. (2008, February 14). How Obama Does That Thing He Does. *Slate Magazine*. [http://www.slate.com/articles/news\\_and\\_politics/press\\_box/2008/02/how\\_obama\\_does\\_that\\_thing\\_he\\_does.html](http://www.slate.com/articles/news_and_politics/press_box/2008/02/how_obama_does_that_thing_he_does.html)

37. Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago, USA: University of Chicago Press.

38. The New York Times. (2020, February 5). *Full Transcript: Trump's 2020 State of the Union Address*. <https://www.nytimes.com/2020/02/05/us/politics/state-of-union-transcript.html>

39. United States Census Bureau. (2017, January). *Top Trading Partners – January 2017*. <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/highlights/toppartners.html>

40. Van Dijk, T. (1997). What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics*,

*II*(1), 11-52. doi: 10.1075/BJL.11.03DIJ

41. Vishnyakova, E.A., & Vishnyakova, O. D. (2020). Soubriquet nomination referred to cultural awareness and intercultural competence. *Training, Language and Culture*, 4(3), 21-30. doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-3-21-30

42. Vishnyakova, O.D., & Aleksandrova, O.V. (2017). Antroponimicheskoye prozvische kak indikator otsenchnosti v politicheskom diskurse [Anthroponymic sobriquet as evaluation indicator in the political discourse]. *Vestnik Mskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication]*, 2, 70-82 (in Russian).

43. Vishnyakova, O.D., Lipgart, A.A., & Martyushova N.O. (2022). Problema issledovaniya pamyati v lingvistike: mezhdisciplinarnyy podkhod [The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya [Issues in Journalism, Education, Linguistics]*, 41(4), 700-706 (in Russian). doi:10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

44. Watson, D. (2020, July). American Carnage. Donald Trump and the collapse of the Union. *The Monthly*. <https://www.themonthly.com.au/issue/2020/july/1593525600/don-watson/american-carnage#mtr>

***About the author:***

**Nikita A. Bystrov** holds an MA in Philology and is currently a third-year PhD candidate at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). He is a senior lecturer in the Department of Foreign Languages at MIREA — Russian Technological University (Moscow, Russia). His main research areas include linguoculturology, political discourse, discourse analysis, functional linguistics, rhetoric, and teaching methods. ORCID: 0009-0005-9683-7116.

***Received:*** January 17, 2024.

***Accepted:*** March 15, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-49-61>

## THE “FRIEND–FOE” OPPOSITION IN MODERN IRONIC POLITICAL DISCOURSE

*Anna A. Gornostaeva*

*Moscow State Linguistic University*

*(Moscow Russia)*

*anngornostaeva@yandex.ru*

**Abstract.** The present study focuses on irony in political communication and ways of expressing it, since in modern political discourse irony is becoming an indispensable characteristic. The ideas are verified on the material of English and American politicians’ speeches. The paper argues that the ironic type of communicative behaviour is realized through an ironic image, a certain temporary role, in compliance with which the speaker builds up his/her remarks. The ironic image functions as an element of the strategy of theatricality, which is typical of political discourse and is aimed at an indirect addressee – the public. Such images rely on the “friend–foe” opposition (also known as: “us vs. them”), which divides the world into those who support “us” and those who oppose “us”. The latter becomes the object of political irony, which is implemented in discourse through various ironic discourse tactics, such as destructiveness, eccentricity, harmonization of communication and others. These tactics are closely connected with the national style of communication and reflect the communicative values of Anglo-Saxon culture: privacy, individualism, common sense, competitiveness, politeness, etc. The hypothesis, stated and verified in the paper, regards ironic images, which in this study are divided into two kinds: those connected with the genre (situational images) and those regulated by the context and the format of speech (emotional images); the latter reflect the mood and feelings at the given moment. The results of the analysis may help to reveal the real politicians’ intentions and preferences and pose challenges for further investigation of political discourse regarding irony and ironic images.

**Keywords:** irony, ironic image, political communication, political discourse, “friend–foe” opposition.

**How to cite this article:** Gornostaeva, A.A. (2024). The “Friend–Foe” Opposition in Modern Ironic Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 49–61. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-49-61>

## 1. INTRODUCTION

Modern political communication is losing its formal structure and adopting the characteristics of talk shows. This shift towards theatricality and irony attracts the audience and keeps it engaged. According to the opinion of modern scholars, irony has become an indispensable feature of political discourse (Arroyo, 2010; Charteris-Black, 2005, 2014; Fialkova, 2013; Hall, 2016; Hutcheon, 2005; Ponton, 2011, etc.). As irony, according to the etymology of the word, is pretence and mystification, it is realized through ironic images, which are chosen by political leaders to express their communicative intention. This study aims to regard political irony in the frame of the “friend–foe” opposition.

Any chosen tactic is based on some form of opposition. Linguists have observed that political activity often centers around the opposition of semantic and value parameters between “us” and “them”. Similarly, the fundamental opposition in the realm of morals is typically seen as “good” versus “evil”. Everything close to “friend” approaches the pole of “good”, and what refers to “foe” is associated with “evil” and “wrong”. The main components of the “friend–foe” opposition are represented by an active element (the leader of “us”), an object of aggression (the enemy) and a passive element (the public led by the leader) (Van Dijk, 2006; Wodak, 2015).

According to the theory, stated in the paper, the “friend–foe” opposition is a channel of implementing irony in political discourse via discursive tactics and ironic images, which are chosen by the politicians and which convey the real intentions and preferences of the speaker.

## 2. THEORETICAL BACKGROUND

### 2.1. The image of the “enemy”

Discourse, particularly political discourse, is a complex phenomenon that involves more than just the words spoken or written. It also includes extralinguistic factors such as knowledge about the world, cultural and historical context, and the communication participants’ goals and attitudes. Therefore, it makes sense to consider discourse as a special type of communication that requires constructing and then deconstructing an image of the opponent. In political discourse, which is inherently agonal and often aggressive, one of the main places belongs to the principle of competition, which has been repeatedly noted by researchers (Ponton, 2011; Scollon, 2007; Van Dijk, 2006; Wodak, 2011, 2015). Political discourse is often compared to a battlefield, with language used as a weapon to defeat the opponent. The goal of such discussions is to undermine the enemy’s position. Within this framework of “friends” and “enemies”, the primary aims of political discourse participants are to present themselves favourably and discredit their opponents. To create and maintain the superiority of “us” over “them”, according to T. Van Dijk (2006), speakers adhere to two directions: on the one hand, the justification of superiority, on the other, the denial of its existence. This opposition is one of the prerequisites for the aggressiveness of political discourse. The formation of the image of the enemy, or, as R. Wodak (2015) calls it, the search for a “scapegoat”, is based on stereotypes common in this environment. Even though the very identity of the enemy can change, the image of something alien, undesirable and dangerous, along with the mechanisms of its identification, is transmitted from generation to generation. In modern political discourse, the division into “friends” and “foes” is becoming more and more uncompromising, and the discrediting of “foes” is manifested in increasingly aggressive forms (which is intensifying against the background of growing tension in the world: Brexit in the UK, the introduction

of economic and political sanctions against Russia, the unexpected rise to power of D. Trump as president of the United States in 2017, the doping scandal surrounding Russian sports, heated discussions in the world about the expediency of certain medical procedures, the introduction of QR codes in several countries, etc.). “Them” means “external enemies” – all those persons who can threaten the national security of the state: terrorists, immigrants, etc.; or “internal enemies” who pose a danger to democracy, progress and stability.

The “friend–foe” opposition is often realized through aggression, which is associated with one of the tasks of political discourse – victory over an opponent. Aggression is included in several strategies of political discourse, which has created conditions for the formation of a new direction in linguistics – the linguistics of information and psychological warfare as one of the directions of political linguistics, developed by a number of scholars (Arquilla, 2011; Libicki, 2017, etc.).

The actualization of the “friend–foe” opposition occurs through the use of linguistic and non-linguistic means (markers, slogans, symbols, etc.), which has a strong effect on the recipient. Researchers P. Brown and S. Levinson (1987) called such speech acts “face-threatening”, i.e. intentionally aggressive attacks that violate the zone of privacy. It is noted that such speech acts make up a large part of political discourse, they are not only permissible but also encouraged by certain political institutions (Arroyo, 2010, p. 426).

## 2.2. Implications of irony

Destructive behaviour implies a high level of verbal aggression, or “hate speech” (also “hate language”). This term means the use of rudeness and insults to the interlocutor. The moment when politicians deviate from discussing pressing issues and turn to personalities is not always clear, especially when a variety of stylistic techniques are used in destructive discourse. In this case, irony helps to express aggression in a disguised form. In political discourse, language can take on extreme, exaggerated forms. This can include blunt insults or caricatures, rather than just disguised mockery or veiled criticism. Sarcasm is also present in political speech, and some authors consider it to be a kind of irony (Attardo, 2007; Leech, 2014). Such irony is a polite way to be rude and is realized at the expense of an “inferred contradiction” (Alba-Juez, 2014, p. 145).

On the one hand, irony can mask improper behavior; on the other hand, it conveys a negative implication to the interlocutor. This is one of the secrets of successful discussions: “If you must cause offence, at least do so in a way which does not conflict with the Principles of Pragmatics, but allows the hearer to arrive at the offensive point of your remark indirectly, by way of implication” (Leech, 1983, p. 82). Indeed, irony is often one of the most effective ways to express an evaluation of current events and convey a critical attitude while maintaining political correctness. Since irony usually requires discursive collaboration, the responsibility for understanding the hidden meaning falls to the addressee, who must discern the critical content behind the ironic form.

## 2.3. Argumentation and manipulation as strategies of political discourse

Criticism and attack are features characteristic of the political discourse of any language, as politicians assert themselves by defeating their opponents. Nevertheless, the language of politics has other characteristics that are also closely related to irony and manifest themselves in the “friend–foe” opposition. Since one of the goals of political discourse is to influence society and impose a particular viewpoint, this influence is achieved through several means, including argumentation and manipulation. Manipulation and coercion can coincide when an official distances themselves from the “I” persona and self-identifies with the “we” role, equating their policy with justice for all, as noted by political discourse researcher P. Chilton (Chilton, 1990). In other words,

a politician assumes the responsibility of speaking on behalf of the public and presenting their opinion and aspirations as aligned with the public good. Nevertheless, it is not always possible to equate a statesman's goals with societal interests. Manipulation of public consciousness is carried out in political discourse by creating certain emotions. Political discourse contains many expressive units, often conveying a negative assessment of the opponent. N. Woods emphasizes the importance for speakers of the ability to manipulate the expressive means of the language to convince the audience (Woods, 2006, p. 51), forcing the public to change their beliefs and views. The manipulation of words actively manifests itself in political discourse either through changing the meanings of words or through the choice of certain words to designate objects. Often, politicians deliberately resort to ambiguous language, because their speech is addressed to opposing groups of people. It is noted that ambiguity in the discourse of politicians is most effective precisely in situations of increased social tension, when "the balance of rational and irrational in the mass consciousness is disrupted – towards the irrational" (Chilton, 1990, p. 203).

Today, the term "black rhetoric" is gaining popularity in both political and business discourse. This concept involves manipulating rhetorical techniques to steer the conversation in a constructively desirable direction, guiding an opponent or the public towards a necessary decision or outcome, and transforming the interlocutor's negative thinking into positive, for example, by appealing to national historical memory. "Black rhetoric" practically embodies destructive and manipulative discourse, aiming to disrupt relations. In terms of its tasks and functions, this type of political discourse approaches the negative pole. Conversely, political discourse can perform the strategy of harmonization, which functions through the tactics of amusing the audience, minimizing the distance, and defusing tension.

There is an increasing tendency for politicians to flirt with the audience. Currently, this trend is developing: many political debates are losing their formality and seriousness, acquiring the appearance of a talk show containing provocative jokes on the verge of impropriety. The replication of successful and unsuccessful jokes by politicians, spoonerisms and imitating tongue-tied language (being unable to speak properly, e.g. stuttering) causes laughter not only because of the voluntary or involuntary irony of the statements but also because it allows the public to symbolically "rise" above their rulers. Blurring the boundaries between political discourse and entertainment helps politicians strengthen their image (Fialkova & Yelenevskaya, 2013, p. 218).

Some of the modern political figures look out of place in the political arena, their appearance and manners are more in line with the comedy club scene. A striking example is D. Trump: during his time in power, he, like stand-up actors, used gestures to express mockery and superiority and to entertain the audience, as noted by researchers of his discourse (Hall et al., 2016; Ryshina-Pankova & Quam, 2016). All these features were his unique style and may partly explain his success with the audience.

The spread of such type of political discourse as "infotainment" (information + entertainment) is due to social demand. There is a significant spread in the media of jokes beyond the bounds of decency (Blank, 2013), politically incorrect humour and black humour (Bilig, 2005; Lewis, 2006; Luginbuhl, 2007), metaphoric political language (Musolff, 2016, 2017; Ponton 2011). The entertaining nature of some varieties of modern political discourse implies the widespread use of such linguistic means of expressing irony as metaphor, ironic comparison, hyperbole, litotes, and wordplay. They give the language of politics brightness, expressiveness and emotional saturation, which meets the tastes and demands of the audience.

## 2.4. The functions of irony

The highlighted features of modern political discourse correspond to its main goal – the struggle for power and its retention – and manifest themselves in the “friend–foe” opposition. These features are expressed in language through the use of irony, which can convey aggression or eccentricity or serve to facilitate harmonious communication. Thus, irony in political discourse serves the following purposes:

- it reflects the inherent agonal character of political discourse and helps to defeat the opponent;
- it is a way of capturing the attention of the audience and withholding it;
- it optimizes communication, discharges tension and suggests compromises.

The abovementioned functions of irony make it possible to single out its main directions in political discourse: destructiveness, eccentricity and harmonization of communication.

## 3. MATERIAL AND METHODS

### 3.1. Data collection

The research material was presented by the speeches of English and American politicians belonging to various political genres (institutional and non-institutional) in the recent period. A few examples together with the analysis are given in the paragraph “Results and discussion” (discourse of King Charles III, B. Johnson, L. Truss, B. Obama, M. Crowley). When analyzing English-language political discourse, it seems possible to consider British and American political discourse together, due to a number of overlapping themes and stylistic similarities between these political cultures. Therefore, it is reasonable to combine them into one group, based on the following reasons:

- in many English-speaking countries, including the United Kingdom and the United States, common topics are currently being discussed and new similar trends in political discourse are developing (immigration policy, a decrease in tolerance against the threat of global terrorism, a new look at political correctness and hyperbolized political correctness, the appropriateness and limits of using humour and irony);
- the United Kingdom and the United States are similar in the social and cultural organization of society (economic conditions, vertical distance – Power Distance, showing the degree of social inequality separating interlocutors; these parameters differ significantly from those in other cultures, for example, Russian);
- in the modern era of globalization, national variants of the English language are merging into a common one used throughout the English-speaking world.

### 3.2. Criteria

The criteria for selecting the material are as follows: the chosen ironic utterances must be recent (from within the last ten years), represent English or American political discourse, and be taken from public speeches, excluding off-the-cuff remarks. Potential biases in selecting and interpreting speeches can be mitigated by focusing on the linguistic aspects, without considering the speaker’s personality or reputation. The selected dataset totals 350 ironic utterances, British and American, plus around 500 words and collocations used ironically. The material refers to the period from 2014 to 2024.

### 3.3. Analysis

The following methods of analysis were used: intent analysis, which infers the author's attitude towards a particular object; content analysis, which assesses the frequency distribution of words and phrases; and discourse analysis (specifically, critical discourse analysis), aimed at identifying the essential characteristics of social communication. Intent analysis, conducted on audio and video records of politicians' speeches, involves a step-by-step examination of ironic utterances. The intent behind the ironic utterance was determined through establishing the functions of irony which were singled out in compliance with the strategies of political discourse. These functions can be grouped into pairs of opposites:

Attack – Defence;

Distancing from the opponent – Minimizing the distance;

Self-praise – Self-diminish;

Aggravation of conflict – Discharging tension.

It should be noted that the polar points do not exclude one another but can function in a combination, for example, the same ironic utterance can be a form of aggression against an opponent and serve as a defensive means for the speaker; or, bring the addresser closer to the audience and simultaneously distance them from the “enemy”. The evaluation criteria for intent analysis also include target audience, situation (formal/informal), speaker's aim, speaker's background, etc.

Content analysis identifies patterns of ironic usage, including irony's mechanisms and expressive means. For political irony the following mechanisms were singled out: irony of paradox, ambiguous irony, irony of absurdity, irony of negation, irony of combining various stylistic registers, etc. The mechanisms are launched through expressive means and stylistic devices, such as metaphor, hyperbole, litotes, ironic wordplay, ironic comparison, ironic citation, etc. Thus, each ironic statement undergoes, first, the stage of intent analysis (evaluating ethno- and individual style, situational context, target audience, function(s) of irony); second, the stage of content analysis (mechanisms and linguistic means). In addition to the above-mentioned, elements of social role analysis, genre analysis and communication strategy analysis were used in the study.

### 3.4. Hypothesis

The above-mentioned methods made it possible to obtain results to validate the research hypothesis: irony is a type of communicative behaviour with pronounced ethnocultural specifics. Irony can be implemented in political discourse through ironic images, the external aspect of which is established by linguistic stylistic means, while the content is reflected in three components: ethnic style, the politician's individual style, and the situation. As a subject of linguistic research, irony can be studied by analyzing the discursive tactics politicians employ to create ironic images. The suggested theory is based on communicative, stylistic and pragmatic approaches to the study of its key concepts: irony and ironic image. The use of these approaches is manifested in the choice of the three parameters for the analysis of ironic images (ethnostyle, individual style, situational context), as well as in the construction of a scheme for analyzing the ironic image of a politician, taking into account genre (situational), stylistic (emotional) and pragmatic aspects of discourse.

The dependence of irony on ethnostyle is considered in accordance with the principles of communicative ethnostylistics, aimed at systematizing national and cultural behavioral peculiarities. The study is based on the notion of a national communication style, a historically formed type of communicative behavior predetermined by culture and tradition, and manifested in the choice of

certain verbal and non-verbal communication means. A politician's individual style is shaped by their background, education, life experience, and personal character traits. Thus, the combination of ethnic and individual features in a given situation produces an ironic utterance for analysis.

## 4. RESULTS AND DISCUSSION

### 4.1. The basics of the ethnodiscursive theory

Ironic image can be defined from different points of view: first, as a way to convey irony in discourse; second, as a form of self-representation through discursive tactics. Irony is regarded as a strategy of political communication that functions in conjunction with the strategy of theatricality. Bearing in mind the functions of irony, it seems reasonable to view it as encompassing three main sub-strategies: destructiveness, eccentricity, and communication harmonization. These lines are singled out by stylistic and discursive peculiarities of irony in political communication.

Another issue is represented by the reasons for choosing a certain ironic image: the question is whether it is a random or deliberate choice. Scholars still do not have a definite answer to this question. Since the main characteristic of political discourse is the effect made on the audience, the range of discursive tactics is rather wide and presupposes deviations from the general line.

Political discourse possesses dialogic characteristics, reflecting the rapid shift of communicative roles and speakers' emotional reactions to events. Thus, irony use cannot always be planned in advance; ironic images can result from spontaneous choices, formed under the influence of the situational context.

This assumption gives rise to the hypothesis that ironic images can be at least of two kinds: those connected with the genre (situational images) and those regulated by the context and the format of speech (emotional images), the latter reflect the mood and feelings at the given moment.

The proposed ethnodiscursive theory establishes the interconnection of the key concepts: discursive practice, strategies and tactics, and can be based on the following assumptions:

- Irony is a discursive practice;
- Irony is a strategy of political communication, which functions within the strategy of theatricality;
- As a strategy, irony can be divided into three sub-strategies: destructiveness, eccentricity and harmonization of communication.
- The above-mentioned sub-strategies are implemented in discourse via discursive tactics, which create ironic images for self-representation;
- Ironic images can rely on the genre and be situational or depend on the style and be emotional.

The ironic image, chosen by a politician, is often the representation of the opposition "us-them", which is the core of the tactics, chosen to implement irony in discourse. Everything, that is associated with "us" is regarded as positive and welcome, whereas "them" are considered alien, weird and dangerous. Ironic communication in the frame of this opposition includes several participants: the author (the addresser), the addressee, the object of irony (the victim) and the public, which is the main target audience of the communication.

The pragmatic effect of ironic image analysis is manifested in a politician's demonstration of his/her preferences and views. Because political preferences are prone to change, every ironic image indicates "us" and "them" at a certain given moment.

Now the examples of ironic images will be given and analyzed in compliance with discursive tactics: destructiveness, eccentricity and harmonization of communication.

#### 4.2. Destructiveness

Charles III, King of the United Kingdom, greets Prime Minister Liz Truss with the following words: *Back again? Dear, oh dear* (Dugan, 2022). The strategy of irony, in this case, is defined as an example of destructiveness since the irony in the King's phrase expresses an explicit mockery bordering on sarcasm: the Prime Minister held office for only 44 days, set an anti-record for the shortest stay in power in the history of Great Britain, failed in her duties and was forced to resign. Upon taking office and leaving it, Prime Ministers appear for an audience with the monarch, and Charles's remark contains an ironic hint that too little time has passed between the first and last meeting, which indicates the failure of Liz Truss as a politician. Recalling Liz Truss's election promises to implement a "bold plan to save the economy," the irony about her failure can be regarded as sarcastic. The tactics of ridicule are actualized in the ironic image of the "senior in status," which testifies to King Charles's pragmatic attitudes. Having recently taken the royal throne, Charles tries to come across as a strict and busy monarch who does not approve of politicians who undertake the wrong business. This image relies on the genre and is conditioned by the situation, actualizing the opposition of "us and them" at this point: "us" are people of business, serious statesmen, and "them" are political losers. Following the suggested plan of irony analysis, it is possible to identify the function of irony in the utterance, which is "attack" (mockery at the interlocutor) and "self-praise" at the same time. The mechanism, performing the function, is "ambiguous irony", expressed by the word "again" (which presupposes the failure of the victim of irony in her political career).

The statement by Monica Crowley, a commentator on the SkyNews program, contains irony about the Vice President of the United States Kamala Harris: *Thank God we have Kamala Harris as a vice-president! We can rely on her* (Mahdawi, 2020). Explicit irony implies a meaning that contradicts the literal one ("We cannot rely on Kamala Harris"), the ironic strategy of destructiveness is formed largely under the influence of the situational context: if there are doubts about the health of President Joe Biden, it is necessary to have a reliable vice president who could take over if necessary. Kamala Harris does not meet the requirements and cannot be a worthy successor. It is this idea that is expressed by means of irony in the commentator's phrase, and the discursive tactic of "feigned admiration" is embodied with the help of an ironic image, which can be classified as emotional (stylistic); "jubilant". The feigning glee of the author conveys the opposite meaning: discontent and criticism of the "enemy" – the object of irony. According to the plan of analysis, the function of irony is identified as "attack" and "distancing" from the opponent, the mechanism is "irony of absurdity" (it is not normal to rely on a person who is totally helpless in leading a country). The expressive means are represented by high-elevated lexis (an appeal to God) while the exclamatory intonation reminds of a slogan.

The function of defense is often performed by irony, especially in cases of discussing sensitive subjects. For example, Joe Biden uses a face-saving strategy while talking about his age: *I get that age is completely a reasonable issue. It's on everybody's mind. And by "everyone" I mean the New York Times. Headline: "Biden's Advanced Age is a Big Issue. Trump's, However, is Not". Sorry, that was the New York Times Pitchbot, I apologize* (C-SPAN, 2023). Bearing in mind that at the moment of speaking the President was already 79, his age (and health) were becoming a growing concern. Being self-ironic, he re-addresses the concern to Donald Trump, his political

rival and age-mate. Biden uses the irony of absurdity, implying that for one person advanced age is a problem, but it is absolutely normal for another person of the same age to run for presidency. Ironic citation of the lines from “The New York Times” together with ironic commentary stresses the fact of the press being biased to him (from the point of view of the speaker). The ironic image of “agreeing with what is quoted” is emotional: it is used to distract attention from the speaker and switch to his political opponent.

### 4.3. Harmonization

The strategy of harmonization in an ironic type of behaviour can be found in the response of Liz Truss (at that time a candidate for the post of Prime Minister of Great Britain) to a provocative question from the host of the election debate about the cost of her costume and jewellery:

Host. *Let's talk about the cost of your earrings and your suit.*

Truss. *Rishi is a finely dressed person. I am a great admirer of his dress sense* (BBC News, 2022).

Liz Truss's pragmatic aim – to avoid answering a personal question about unjustified luxury in clothes and at the same time transfer the discussion to the opponent – is reflected in the ironic type of behaviour she chooses, which is realized through the discursive tactic of “transferring the conversation to the opponent.” The ironic image of “admirer”, chosen by the speaker to protect her privacy and save face, can be classified as emotional; it is used to distract attention from an unpleasant issue and draw attention to a political opponent. The irony in this phrase implicitly performs a corrective function: the hidden meaning lies in the fact that it is the high cost of Rishi Sunak's costume that should be paid attention to by the audience of concerned taxpayers. The strategy of harmonization is reflected in the achieved result: the speaker manages, firstly, to put a protective block for an undesirable discussion, and secondly, to complement the opponent by reducing the distance between herself and the “enemy” (in this case, the opponent in the debate). According to the suggested plan of analysis, the function of irony can be defined as “discharging tension” while the mechanism is characterized as “irony of paradox” (being asked about the cost of her own clothes, the speaker answers about her political opponent). The irony is realized through emotionally coloured words with a positive connotation: “finely”, “great”, and “admirer”, which implicitly point to the high cost of the opponent's costume.

The strategy of harmonization is present in Joe Biden's ironic remark about Rupert Murdoch, Chairman of Fox Corporation and media mogul, who repeatedly depicted Biden in an unpleasant way: *You might think I don't like Rupert Murdoch. That's simply not true. How can I dislike a guy who makes me look like Harry Styles?* (Barr et al., 2023). Admitting that he (J. Biden) actually likes R. Murdoch is the irony in the function of discharging tension and minimizing distance with the opponent. The mechanism is “irony of negation” realized in the sentence “That's simply not true” supported by an ironic comparison of the speaker with a young and good-looking singer and actor Harry Styles. This comparison also performs the role of self-praise, describing the politician as a young and active person. The ironic image “a friendly person” relies on the genre and is conditioned by the situation, opposing “I” and “him”: the speaker is revealed as a kind, friendly person, well-disposed to everyone around, even his critics; “he” is a wicked one, with intentions to harm the reputation of other people.

#### 4.4. Eccentricity

Eccentricity is a fairly common strategy of irony for politicians, especially in the UK, where absurdity and ridicule often border on humour and irony. Eccentricity seems to be a convenient form of self-presentation and drawing attention to one's personality, this strategy is embodied through a variety of tactics. So, the British politician Boris Johnson successfully combines feigned delight with the image of ironic rudeness:

*It's absolutely wonderful to be here in Manchester – one of the few great British cities I have yet to insult* (Boris Johnson Soundboard, 2019).

There is self-irony here: B. Johnson (then Mayor of London) recognizes his reputation as an arrogant man who despises all other cities except the capital, thus carrying out self-presentation as an eccentric. The comic effect is based on a contradiction (oxymoron), in this case, it manifests itself in the collision of the words “wonderful” and “insult” used in the same context. The word “absolutely” enhances the comic effect and turns the statement into an ironic one. Since “insult” is synonymous with the word “rudeness”, the tactics are defined as “rudeness”, the ironic image of a rude person is characteristic of a situational context. The function of irony is self-praise (drawing attention to his personality) together with self-criticism (the speaker admits having insulted a number of cities). The irony of paradox is conveyed through the juxtaposition of words with opposite meanings and connotations (positive and negative).

Eccentricity as a strategy of irony in the discourse of Barack Obama, the former president of the United States, is embodied in the following statement:

*I raise a lot of money, but you know, fellows, my middle name is Hussein* (The New York Times, 2016).

The pragmatic aim of the politician, in this case, is to bypass the awkward topic of money and to save face. The speaker demonstrates eccentric behaviour, a deliberate violation of ethics (in American culture it is not customary to ask and talk about earnings) and uses an ironic allusion to the namesake of Barack Obama – Saddam Hussein, a very rich man, an enemy of the United States. An important communicative value of the Americans – pragmatism and assertiveness, confidence in the present and the future – is reflected in this phrase of Barack Obama. Tactics embodying the strategy of eccentricity in discourse can be defined as bragging, while the ironic image of a “rich braggart” belongs to the category of emotional ones and is used to entertain the public. In this case, the “friend–foe” opposition is revealed in self-irony and manifests itself in an ironic attitude towards oneself. In addition, there is a reminder of the former and defeated enemy of the United States, Saddam Hussein, who is also a “foe”. The function of irony is self-praise, the mechanism can be classified as “ambiguous irony”, which needs an additional context to be interpreted in the right way.

The tactics of “bragging” in the discourse of Barack Obama, actualizing the strategy of eccentricity, is also presented in the ironic image of a “tyrant politician”, represented in ironic hyperbole: *What am I doing here? I am the President of the United States and I have a nuclear code* (CBS News, 2015).

The pragmatic attitudes of the politician are quite transparent and understandable to the audience: it should be assumed that the head of state seeks to show that he cares about the interests of the country, and not about his own good. But behind the self-irony expressed by an ironic hyperbole, the true political views of the American president are hidden: the unlimited power of the United States in the world, and supremacy over other countries.

As is seen in the examples above, eccentricity is often conveyed in self-ironic statements. This trend is proved by Joe Biden's self-irony: *In a lot of ways this dinner sums up my first two years in office. I'll talk for ten minutes, take zero questions and cheerfully walk away* (C-SPAN, 2023). The irony of self-praise helps the speaker to draw attention to his own personality and highlight some of the typical features of his individual style: reluctance to answer questions, self-confidence, and cheerfulness (at least, these are the traits the politician wants to stress). The ironic comparison of the White House Correspondents' Association Dinner to a period of two Presidential years in office represents the mechanism of paradox.

## 5. CONCLUSIONS

Thus, the "friend-foe" opposition is a means of actualizing irony in discourse, and the analysis of the ironic image helps to determine those who appear in the discourse of a politician as "friends" and as "foes" at a given time. The fragments of the discourse discussed in this paper highlight sub-strategies of irony (destructiveness, harmonization, eccentricity), which are actualized through a variety of tactics, namely: the tactics of ridicule, the tactics of feigned admiration, the tactics of transferring the conversation to the opponent, the tactics of comparing "us" and "them", "bragging" tactics, "rudeness" tactics, "agreeing" tactics and others. The tactics comply with the characteristics of political discourse and reflect the communicative intention of the speaker. The pragmatic aims of politicians can be judged by the images they choose, such as "a man of business", "a politician-tyrant", "braggart", "rude", "jubilant", which can be classified as situational (depending on the genre) or emotional (depending on the style).

The step-by-step analysis of irony in discourse (functions – mechanisms – linguistic means) made it possible to highlight some of the trends: for example, the function of "attack" on the opponent is often combined with the function of "defence"; self-defence is often realized through self-irony; the mechanism of "ambiguous irony" is realized in the situation when the addresser (or the audience) possesses extralinguistic information. The interdependence of a certain ironic mechanism and certain expressive means still has to be explored and poses challenges for further study.

### *Conflict of Interest*

The author states that there is no conflict of interest.

## REFERENCES

1. Alba-Juez, L. (2014). Irony as inferred contradiction. *Russian Journal of Linguistics*, 4(4), 139–152.
2. Arquilla, J. (2011). *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World*. Chicago, IL: Ivan R. Dee Publisher.
3. Arroyo, J.L. (2010). Interpersonal issues in political discourse. In M.A. Locher & S.L. Graham (Eds.), *Interpersonal Pragmatics* (pp. 405–434). Berlin, New York: De Gruyter Mouton. doi:10.1515/9783110214338.3.405
4. Attardo, S. (2007). Irony as a Relevant Inappropriateness. In H.L. Colston & R.W. Gibbs (Eds.), *A Cognitive Science Reader* (pp. 135-172). New York; London: Lawrence Erlbaum Associates.

5. Bilig, M. (2005). *Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour*. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK.
6. Blank, T.J. (2013). *The Last Laugh*. Eurospan.
7. Brown, P. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Charteris-Black, J. (2005). *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
9. Charteris-Black, J. (2014). *Analyzing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor*. Basingstoke : Palgrave-Macmillan.
10. Chilton, P. (1990). Politeness, Politics and Diplomacy. *Discourse and Society*, 1(2), 201–224. <https://doi.org/10.1177/0957926590001002005>
11. Chilton, P. (2004). *Analyzing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.
12. Fialkova, L., & Yelenevskaya, M. (2013). *In Search of the Self: Reconciling the Past and the Present in Immigrants' Experience*. Tartu ELM Scholarly Press.
13. Hall, K., Goldstein, M., & Ingram, M.B. (2016). The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6(2), 71–100.
14. Hutcheon, L. (2005). *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge.
15. Leech, G.N. (1983). *Principles of pragmatics*. London; New York: Longman.
16. Leech, G.N. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
17. Lewis, P. (2006). *Cracking up. American humour in a time of conflict*. The University of Chicago Press.
18. Libicki, M. (2017). The Convergence of Information Warfare. *Strategic Studies Quarterly*, 11(1), 49–65.
19. Luginbuhl, M. (2007). Conversational violence in political TV debates: Forms and functions. *Journal of Pragmatics*, 39(8), 1371–1387.
20. Musolff, A. (2016). *Political metaphor analysis. Discourse and scenarios*. London: Bloomsbury Academic.
21. Musolff, A. (2017). Metaphor, irony and sarcasm in public discourse. *Journal of pragmatics*, 109, 195–104. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.12.010>
22. Ponton, D.M. (2011). *For Arguments' sake: speaker evaluation in modern political discourse*. Cambridge Scholars Publishing.
23. Ryshina-Pankova, M., & Quam, J. (2016). “Let Me Tell You...”: Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 140–160. doi:10.22363/2312-9182-2016-20-4-140-160
24. Scollon, S. (2007). Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice. In G. Weiss & R. Wodak (Eds.), *Critical Discourse Analysis* (pp. 167-199). Palgrave Macmillan, London. doi:10.1057/9780230288423\_9
25. Van Dijk, T.A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse and society*, 17(2), 359–383.
26. Wodak, R. (2011). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
27. Wodak, R. (2015). *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage.

28. Woods, N. (2006). *Describing discourse: a practical guide to discourse*. London: Hodder Arnold.

## SOURCES

1. Barr, J., Farhi, P., Marley, P., & Izadi, E. (2023, April 18). Fox News, Dominion settle defamation lawsuit for \$787.5 million. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/media/2023/04/18/fox-news-dominion-settlement/>
2. BBC News. (2022, July 26). *Rishi Sunak and Liz Truss go head to head in debate to be UK's next prime minister - BBC News* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=jY-2WmhfZE84>
3. Boris Johnson Soundboard. (2019, October 11). It's absolutely wonderful to be here in Manchester, one of the few great British cities I have yet to insult. *101SOUNDBOARDS.COM*. <https://www.101soundboards.com/sounds/405418-its-absolutely-wonderful-to-be-here-in-manchester-one-of-the-few-great-british-cities-i-ha>
4. CBS News. (2015, April 26). *Obama's best 2016 jokes at the White House Correspondents' Dinner* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=LZZzw1QTy1w>
5. C-SPAN. (2023, April 30). *2023 White House Correspondents' Association Dinner* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=GfdC5Pn5kCY>
6. Dugan, E. (2022, October 13). King Charles greets Liz Truss with: 'Back again? Dear, oh dear'. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/oct/13/king-charles-greets-liz-truss-dear-oh-dear-uk-prime-minister-weekly-audience>
7. Mahdawi, A. (2020, November 8). The meaning of Kamala Harris: the woman who will break new ground as vice-president. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2020/nov/08/the-meaning-of-kamala-harris-the-woman-who-will-break-new-ground-as-vice-president>
8. The New York Times. (2016, October 21). *2016 Al Smith Dinner (Full) | The New York Times* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>

### ***About the author:***

**Anna A. Gornostaeva**, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of Translation and Pedagogy at Moscow State Linguistic University.

ORCID 0000-0002-6625-9299.

***Received:*** April 16, 2024.

***Accepted:*** June 4, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-62-81>

## ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МЕДИЦИНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРМЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)

*М.М. Петросян*

*Бакирский государственный медицинский университет*

*(Уфа, Россия)*

*merryhappy2013@yandex.ru*

**Аннотация:** В статье анализируется специфика использования различных коммуникативных стратегий и тактик в медиамедицинской коммуникации, представленной популярными блогами медицинской направленности. Эмпирическим материалом исследования послужили 400 русско- и армяноязычных текстов, созданных врачами разных специальностей и размещённых в социальных сетях. Обращение к данному материалу обусловлено популяризацией медицины и возросшим интересом людей к своему здоровью, что в свою очередь побуждает врачей вести активную просветительскую деятельность на всех доступных информационных платформах. Цель данного исследования – систематизирующее описание основных коммуникативных стратегий и тактик, используемых в русско- и армяноязычных блогах медицинской направленности, авторами которых являются врачи разных специальностей. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, неоспоримой популярностью социальных сетей и нарастающей медиатизацией медицинского дискурса, с другой – отсутствием специальных работ, посвящённых сопоставительному исследованию русско- и армяноязычного медицинского дискурса. Выявлено, что в медицинском медиадискурсе, представленном в социальных сетях, реализуются две основные коммуникативные стратегии: информационно-просветительская и манипулятивная. Каждая из стратегий имеет свои цели, задачи и репрезентируется посредством определённых коммуникативных тактик. Информационно-просветительская стратегия направлена на популяризацию медицинских знаний и осуществляется при помощи следующих коммуникативных тактик: краткой справки, апелляции к авторитетным источникам, инструкции и опровержения медицинских мифов. Манипулятивная стратегия направлена на продвижение определённых товаров или услуг с целью их продажи, ввиду чего предполагает активное использование маркетинговых тактик, таких как восхваление качества своих товаров или услуг, акцентирование внимания подписчиков на профессиональных достижениях и опыте блогера, а также на наличии уникального предложения. Анализ фактического материала показал, что тактики, связанные с реализацией манипулятивной стратегии, являются общими для русско- и армяноязычных блогов медицинской направленности. Тактики опровержения мифов, инструкции и краткой справки в рамках информационно-просветительской стратегии также характеризуются общностью. Кроме того, автором выявлены важные различия в области опровержения медицинских мифов.

**Ключевые слова:** медицинский медиадискурс, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, медиатизация, русскоязычные блоги, армяноязычные блоги.

**Для цитирования:** Петросян М.М. (2024). Основные коммуникативные стратегии и тактики медицинского медиадискурса (на материале русского и армянского языков). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(2), 62–81. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-62-81>

## 1. ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается всё более возрастающий интерес общества к вопросам, касающимся здоровья. Пандемия *Covid-19* не только способствовала усилению внимания к медицинским вопросам, но и породила спрос на телемедицину. Такая популяризация сферы медицины привела к её медиатизации: количество врачей, создающих аккаунты в социальных сетях, становится всё большим. Блоги в социальных сетях, посвященные медицинской тематике, являются примером дискурсивной практики профессионального медицинского сообщества. В связи с этим медицинский дискурс, представленный в сфере медиа, требует многоаспектного, детального анализа. Именно этим обусловлена актуальность настоящего исследования, в котором мы рассматриваем наиболее важные, на наш взгляд, коммуникативные стратегии и тактики, используемые авторами блогов медицинской тематики в социальных сетях. В данном аспекте медицинский дискурс, приобретающий черты медиакоммуникации, к настоящему времени изучен недостаточно.

В последнее время методика дискурсивного анализа привлекает всё большее внимание в связи с расширением коммуникативных практик, межгрупповых контактов и т.д. Определение понятия “дискурс” является непростой задачей в силу того, что этот феномен со второй половины XX века был и до сих пор остаётся объектом исследования различных дисциплин (например, (ван Дейк, 1998)). В настоящее время в лингвистике бытует выдвинутое французским культурологом М. Фуко представление о дискурсе как совокупности всего высказанного и произнесенного (Фуко, 1994, с. 73). В нашей работе мы придерживаемся следующего определения дискурса, данного Карасиком: «Дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения» (Карасик, 2015, с. 147). Цель данной статьи заключается в систематизирующем описании и дальнейшем сопоставительном анализе основных коммуникативных стратегий и тактик, которые используются в русско- и армяноязычных медицинских блогах, авторами которых являются врачи разных специальностей. Выбор такой языковой пары обусловлен тем, что, во-первых, данные языки являются разноструктурными и неблизкородственными, поэтому представляется интересным выявление общих и специфических черт разноязычного медицинского дискурса; во-вторых, этот вид дискурса на материале русского и армянского языков в сопоставительном плане ранее не изучался.

## 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование видов дискурса представлено, например, в работах В. И. Карасика (Карасик, 1998; 2000). Одним из видов дискурса является институциональный дискурс, который В. И. Карасик определяет как «специализированную клишированную

разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» (Карасик, 2000). Автор выделяет следующие типы институционального дискурса: педагогический, медицинский, научный, политический и религиозный (Карасик, 2000). В данной работе в центре нашего внимания находится медицинский дискурс, который понимается нами как субдискурс научного. Существуют различные исследования, посвящённые научному и медицинскому дискурсу (Акаева, 2013; Кравцова, 2012; Шуравина, 2013). Ядром дискурсивной коммуникации в медицинской сфере является важнейшая составляющая жизнедеятельности человека – его физическое и психическое здоровье. В контексте широкой медиатизации общественной жизни медицинский дискурс находит свою реализацию не только в научном, профессиональном, но и в медийном пространстве (Кожарнович, 2021). Существуют различные лингвистические трактовки термина “медиатизация” (Гуреева, 2016; Шмелёва, 2015). В рамках настоящего исследования мы будем понимать под медиатизацией процесс качественных (лексико-семантических, стилистических, синтаксических и др.) изменений в социальной коммуникации под воздействием медиа. Перемещаясь в сферу медиа, медицинский дискурс становится, скорее, обособленным, поэтому его можно назвать медиамедицинским. Исследованию данного феномена посвящён ряд научных трудов (Пивоварчик, 2019; Таюпова, 2019). Его специфика заключается в том, что адресатами данного типа дискурса – в частности, блогов – являются читатели, имеющие разный уровень образования, разную этническую и религиозную принадлежность, различный опыт коммуникации с медперсоналом, пациентами и их родственниками. Это, в свою очередь, обязывает врача, ведущего блог, учитывать все вышеперечисленные факторы при написании текстов и при использовании тех или иных речевых стратегий. Таким образом, цифровые средства массовой информации, открыв доступ к специальным медицинским знаниям широкому кругу пользователей, дали толчок значительным изменениям формы и содержания медицинского дискурса. Вместе с тем процессы медиатизации медицинского дискурса изучены не в полной мере, чем и обусловлена актуальность нашего исследования.

### 3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили русско- и армяноязычные блоги медиков в социальной сети Instagram (запрещённая в РФ соцсеть) и Telegram. Выбор именно этих соцсетей обусловлен количеством пользователей, численностью аккаунтов врачей в них, а также популярностью данных сетей в международном пространстве. Выбор такой языковой пары сделан в связи с отсутствием специальных работ, посвящённых сопоставительному исследованию русско- и армяноязычных текстов медицинских блогов. Материал был собран нами методом сплошной выборки. Объём проанализированного материала составил 400 текстов, из них 200 русскоязычных, 200 армяноязычных. Обращение именно к данному текстовому материалу обосновано тем, что в нём наиболее эксплицитно представлены языковые средства реализации интересующих нас коммуникативных стратегий и тактик. Если ранее профессиональные блоги имели целью только донесение информации, то в настоящее время для реципиента интересна не только профессиональная, но и личностная составляющая автора блога. Однако при отборе эмпирического материала мы учитываем лишь профессиональный контент, так как в центре нашего внимания находится медицинский дискурс.

При изучении стратегий медицинского медиадискурса и тактик их реализации использовался комплекс лингвистических методов: в частности, в ходе выделения и систематизирующего описания коммуникативных стратегий и тактик применялся дискурсивный анализ; при изучении семантики лексических единиц – дефиниционный анализ; сопоставление русско- и армяноязычных медицинских текстов осуществлялось с использованием интен- и контент-анализа. Кроме того, обобщение собранных теоретических данных потребовало применения таких общенаучных методов, как индуктивный и дедуктивный.

#### 4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Профессиональная компетенция врача зависит не только от его непосредственных знаний, умений и навыков в медицинской сфере, но и от уровня его речевой культуры. В этой связи врачебная коммуникативная практика – устная и письменная – является объектом пристального внимания лингвистов. Для достижения коммуникативных целей необходимо использование определённых инструментов, называемых коммуникативными стратегиями. Согласно О. С. Иссерс, коммуникативная стратегия – это «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008, с. 54) и «некоторая последовательность действий (в данном случае речевых), организуемых в зависимости от цели воздействия» (Иссерс, 2008, с. 100-101).

Главной особенностью медицинского дискурса в социальных сетях является ограниченность употребления слов: в запрещённой в России соцсети Instagram – 2200 символов с пробелами, а в Telegram почти в два раза больше – 4096. Так, медик должен задействовать не только свои врачебные компетенции и достигнуть коммуникативной цели, но и сделать это в условиях ограниченного объёма материала, что также является безусловным отличием медицинских текстов в социальных сетях от других текстов медицинской направленности, размещённых в печатных изданиях или на различных форумах. В настоящее время имеются работы, в которых рассматриваются стратегии, характерные для медицинского дискурса в сфере медиа (Волкова, 2021; Беневоленская, 2019). Н.П. Беневоленская в своей работе вслед за М.И. Барсуковой рассматривает репрезентацию трёх стратегий медицинского дискурса в СМИ: диагностическую, лечащую и рекомендуемую. Е.В. Волкова в своей статье рассматривает реализацию информационно-просветительской стратегии в медиадискурсе социальной сети. Целью данной стратегии, согласно автору, является «повышение медицинской грамотности массовой аудитории». С опорой на наш материал мы выделяем две коммуникативные гиперстратегии, характерные для медицинского медиадискурса: информационно-просветительскую и манипулятивную. Рассмотрим последовательно их репрезентацию.

##### 4.1. Информационно-просветительская стратегия

Информационно-просветительская стратегия – это стратегия, которая помогает врачу в популяризации медицинских знаний. Е. В. Волкова относит данную стратегию к вспомогательной (прагматической), призванной поддержать стратегию профессиональной самопрезентации врача и продемонстрировать его компетентность и просвещённость в вопросах медицины (Волкова, 2021). На наш же взгляд, медиатизация медицинского дискурса сыграла важную роль в трансформации коммуникативных стратегий. Стратегия саморепрезентации врача, имея немаловажное значение, тем не менее, отделилась от

информационно-просветительской стратегии, которая обусловлена миссией врача – популяризовать научные знания с целью профилактики тех или иных заболеваний. Она реализуется при помощи различных коммуникативных тактик: краткой справки, апелляции к авторитетным источникам, инструкции, опровержения медицинских мифов. Рассмотрим подробнее тактики, реализующие информационно-просветительскую стратегию в интересующем нас виде дискурса.

1. В основе коммуникативной **тактики краткой справки** лежит информирование, которое носит справочный характер: какая болезнь имеется в виду, какие симптомы ей свойственны, как распознать дефициты и т.д. Приведём фрагменты текстов, размещенных в блогах врачей:<sup>1</sup>

*Мозг лишён возможности чувствовать боль, так как в нем нет нервных окончаний. Его задача – анализировать болевые импульсы тела* (Магеря Илья Эндокринолог, 4 февраля 2023).

*5 способов улучшить желчеотток* (Наталья Зубарева, 16 февраля 2024).

*ТТГ – это гормон гипофиза, тот что в головном мозге* (Регина Доктор, 23 июля 2019).

*Երբ է պէտք անել հղիության թեստ* / Когда нужно делать тест на беременность? (Ani Gasparyan Gynaecologist, 20 октября 2023) (здесь и далее перевод наш – М.П.).

*5 քայլ վիրտուների ակտիվ սեզոնի ժամանակ անդադրել հիվանդ / 5 шагов, чтобы оставаться здоровым во время активного сезона вирусов* (Artur Janazyan, 24 февраля 2023).

*Չիտանք քիչ հիվանդանքներ հիվանդ մի քանի խորհուրդ / Несколько советов, чтобы меньше болеть зимой* (Artur Janazyan, 29 октября 2023).

Проанализировав более 400 постов врачей в социальных сетях, мы пришли к выводу, что тактика краткой справки присуща практически каждому рассматриваемому тексту, что, на наш взгляд, логично, так как блоги врачей направлены на контакт не с профессиональным сообществом, а с потенциальными пациентами, не имеющими медицинского образования. Так, заголовки публикаций могут иметь разный характер: в одних заголовках мы видим вопросы, зачастую риторические (например: “*Недостаток железа – причина лишнего веса?*”; “*Головная боль. Как себе помочь?*” и др.); другие, имея целью привлечь аудиторию, включают средства креолизации текста – эмодзи, цветное/шрифтовое выделение текста, прописные буквы (например: “*Почему ВЫПАДАЮТ ВОЛОСЫ?*”; “*ПОЧЕМУ Я ВСЁ ВРЕМЯ МЁРЗНУ?*”; “*РИС МОЖЕТ БЫТЬ ОПАСЕН!*” и др.); третьи привлекают внимание прикреплённой к посту фотографией; четвёртые затрагивают наиболее актуальные темы (например, “*Секреты молодости*”; “*Чтобы кости были крепкими*” и др.).

2. **Тактика апелляции к авторитетным источникам**, которая призвана гарантировать достоверность предоставленной информации. Например, врачи в своих текстах обращаются к таким авторитетным источникам, как: ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения), Роспотребнадзор, CDC (Centers for Disease Control), FDA (Food and Drug Administration), документы, регламентирующие профессиональную деятельность, профессиональные интернет-ресурсы, авторитетные, известные в медицинском мире личности, фармкомпании и др. Приведем примеры:

*По рекомендациям ВОЗ и Минздрава России, каждый прием пищи должен содержать примерно 30% белков, 30% жиров и 40% углеводов* (Доктор Павлова, эндокринолог, 15 ноября 2023).

<sup>1</sup> Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены.

*Первые большие исследования прошли в Китае, обнаружили увеличение по содержанию в рисе мышьяка – писали в журнале Science News. Потом рабочая группа по охране окружающей среды EDW совместно с международной экспертизой подают отчёт в FDA (Регина Доктор, 21 ноября 2023).*

*Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA) выявило более 1000 пищевых добавок, фальсифицированных, содержащих фармацевтические препараты, преимущественно добавки, предназначенные для снижения веса, повышения сексуальной активности и наращивания мышечной массы (Доктор Комиссарова, 05 октября 2023).*

*2022թ-ի American Journal of Psychiatry-ը հրատարակում է մի հոդված, որտեղ խոսվում է այն մասին, որ УФС- հետազոտությունը կարելի է փոխարինել Երկրեն խնկարումը վաղ շրջանում/ հոդվածը քննարկներում կրկնել, միևնույնիային համար: / Американский журнал психиатрии в 2022 году публикует статью, в которой говорится, что биполярное расстройство можно диагностировать на ранней стадии с помощью МРТ-обследования/статью помещу в комментариях, для специалистов (Врач-диетолог Лидия Айвазян, 01 апреля 2023).*

*Համաշխարհային Առողջապահության համաշխարհային կազմակերպության բոլոր երեխաները պիտի սնվեն բացառապես կրծքով: / Согласно Всемирной организации ВОЗ все дети до 6 месяцев должны питаться исключительно грудным молоком (Anna Artsruni Mkhitarian, 5 декабря 2023).*

В армяноязычных текстах апелляция к авторитетным источникам выражается в виде отсылки к таким источникам, как ВОЗ, FDA и прочим международным организациям и встречается гораздо реже, чем в русскоязычных. Чаще же армяноязычные блогеры ссылаются на исследования и журналы, однако авторы готовы предоставить читателям в случае заинтересованности ссылки, подтверждающие эти исследования. В русскоязычных же публикациях апелляция к авторитетному источнику означает отсылку к международным организациям, исследованиям, корпорациям и др. Однако и тот, и другой тип привлечения “третьих лиц” имеет под собой цель доказать верность высказываемого автором мнения, заручиться поддержкой и продемонстрировать свою принадлежность к медицинской сфере и осведомленность в том, что блогер в курсе происходящего в научном мире.

**3. Тактика инструкции,** целью которой является предоставление медицинской информации в виде определённого алгоритма. Сюда относятся план профилактики, перечень анализов и обследований для превентивной терапии, приём и доза медикаментов, диета при том или ином заболевании и др. Например:

*Если по какой-то причине Вы не можете сейчас посетить нашу клинику, то начинайте сберегать свои гормоны пока самостоятельно. Для этого:*

1. *Высыпайтесь.*
2. *Психологический комфорт.*
3. *Избегайте холода.*
4. *Ешьте больше жирной пищи (Магеря Илья – эндокринолог, 23 февраля 2023).*

*Ты точно делаешь это неправильно. Витамины и минералы нужно не только пить, но и пить в правильное время. Запоминаем: <...> (Наталья Зубарева, 05 февраля 2024).*

*12 նշաններ, որոնց դեպքում պետք է մեղմանալ դիմել բժշկի: / 12 признаков того, что вам следует немедленно обратиться к врачу (Artur Janazyun, 10 октября 2020).*

*Երեք քայլ արվածի հարվածի ժամանակ: / 3 шага, необходимых во время солнечного удара (Artur Janazyun, 24 июля 2022).*

Данная тактика, по нашему мнению, является наиболее схожей в обоих рассматриваемых языках: авторы дают чёткие алгоритмы / руководства к действию для ситуаций, в которых оказался или может оказаться их читатель. На грамматическом уровне и в русско- и в армяноязычных текстах мы наблюдаем употребление числительных (*8 советов, 12 шагов, 7 секретов*), форм повелительного наклонения (в русском языке выраженного не только императивом, но и инфинитивом), а также наличие либо упорядоченной номерами последовательности действий, либо оформление этого алгоритма посредством соответствующих символов и/или вводных слов (во-первых, во-вторых, наконец).

**4. Тактика опровержения медицинских мифов**, то есть сформировавшихся в обществе ложных обывательских суждений, псевдонаучных теорий, транслирующихся, в том числе, посредством рекламных роликов и др. Примеры:

*80% БАДов с мелатонином ОПАСНЫ и содержат НЕ ТО ЧТО ЗАЯВЛЕНО В СОСТАВЕ* (Регина Доктор, 12 мая 2023).

*Прием витамина Д, омеги, цинка, селена не рекомендован, так как не доказал свою эффективность* (о лечении псориаза – примечание Петросян М.) (Доктор Комиссарова, 17 декабря 2022).

*Инсулинорезистентность простыми словами. Тема, от которой у меня дергается глаз от количества мракобесия* (Доктор Комиссарова, 21 октября 2023).

**XXX** *Երկարալիզի=երածնի կյանքի համար ավելի բան փոփոխվող գործողություն, որը կարող է հանգեցնել բավականին լուրջ տրավմաների, մասնավորապես՝ ողնաշարի ցիրուկցային հատվածի վնասում, ընդհուպ՝ կորսվածք: Ի վերջո օգնու՞մ է արդյոք տվյալ ամբիոնական գործողությունն ավելի երկար ու բարակ, կարկային հարիր վիզ ունենալ. ցիտաիլիսեր մեկն է՝ ՈՉ ♀: / Երկարալիզ (манипуляция, при которой ребёнку тянут шею с целью удлинить её) более чем опасное для жизни ребенка действие, которое может привести к довольно серьезным травмам, в частности, повреждению шейного отдела позвоночника, вплоть до перелома. В конце концов, помогает ли данное садистское действие иметь более длинную и тонкую шею, подобающую лебедю? Ответ один: НЕТ (Anna Artsruni Mkhitarian, 16 августа 2023).*

*«կանտիլանի կանգնի»*

- *Այս միջոց երբևէ ճիշտ չի կարող:*
  - *Նայեք հոլովակը մինչև վերջ ու մի կրկնեք նույն սխալները /*
- Выйдешь замуж, это пройдет.
- Этот миф никогда не может быть правдой.
  - Смотрите клип до конца и не повторяйте ошибок.

(В представленном же видеоролике автор рассказывает о девушке, страдающей гинекологическим заболеванием, но не попавшей на приём в виду того, что родные гарантировали “прохождение” всех заболеваний «после свадьбы». В результате ничего не прошло, и девушка просто страдала до тех пор, пока однажды не попала к врачу (уже после свадьбы) – примечание Петросян М.) (Dr. Anna Grigoryan, 23 октября 2023).

Данная тактика наиболее ярко выражена в армяноязычных постах. Так, около 30% всех исследованных нами текстов опровергают те или иные медицинские мифы. Однако в отличие от русскоязычных врачей-блогеров, армянские медики стремятся развенчать “народные” мифы и привычки населения, бытующие в социуме, которые могут нанести непоправимый вред здоровью (необходимость вытягивания шеи младенца для её грациозности в будущем; необязательность посещения гинеколога до свадьбы; наличие связи количества молока на грудном вскармливании с размером груди и т.д.), которые могут нанести непоправимый

вред здоровью, в то время как русскоязычное сообщество врачей-блогеров опровергает мифы касательно применения БАДов, количества приёмов пищи, «здоровой» еды, пользы от определённых лекарственных препаратов и проч.

## 4.2 Манипулятивная стратегия

В связи с коммерциализацией медицины неотъемлемыми инструментами речевого воздействия в рамках медицинского дискурса стали также стратегии, присущие рекламному дискурсу. В связи с этим рассмотрим манипулятивную стратегию, которая стала частью медиамедицинского дискурса, таким образом формируя дуальное дискурсивное пространство. Манипуляция представляет собой воздействие, имеющее целью влияние на поведение человека с последующим его изменением в интересах манипулятора (Доценко, 1997, с. 166). Коммуникативная стратегия манипуляции предполагает, что адресант скрыто воздействует на адресата при помощи языковых средств (Киселева, Ибрагимова, 2021; Киселева, 2022). Рассмотрим некоторые тактики в рамках манипулятивной стратегии, присущие медиамедицинскому дискурсу.

**1. Тактика восхваления качеств продукта/клиники**, направленная на создание положительного имиджа своего бренда, своей команды, возможно, своего и/или рекламируемого продукта (телемедицина, БАДы, лекарства и проч.). Например:

*Для вылечивания щитовидной железы нужна команда специалистов! У нас есть такая в нашей клинике мы поможем Вам избавиться от гипотиреоза и АИТ (Магеря Илья – эндокринолог, 23 февраля 2023).*

*А найти, исправить причину возникновения головной боли помогут доктора нашей клиники (Магеря Илья – эндокринолог, 4 февраля 2023).*

*Кого интересует ИНТЕНСИВНОЕ БЫСТРОЕ, но полезное для здоровья снижение веса 5-7 кг за 14 дней - регистрируйтесь по ссылке в профиле на БЕСПЛАТНЫЙ ВЕБИНАР (Регина Доктор, 19 ноября 2023).*

*Չկան կախարհական դեղատարեր կամ կաթիլներ որոնք միանշանակ կուժեն կոլիկների խնդիրը: Բայց և այնպես բժշկագիտությունը ունի որոշակի առաջարկներ որոնք կհեշտացնեն ձեր կյանքը: Եթե որոշել եք ռզումադով կոլիկների դեմ կաթիլներ ասիս սկսեք Benelife colino-ից: Դա բավականին նոր պրեպարատ է և ունի հետաքրքիր բաղադրություն: / Не существует волшебных таблеток или капель, которые точно решат проблему колик. Но даже в этом случае медицинская наука имеет определенные рекомендации, которые облегчат вашу жизнь. Если вы решили использовать антиколиковые капли, начните с Benelife colino. Ра – достаточно новый препарат и имеет интересный состав (Artur Janazyan, 5 октября 2023).*

*Կարծում եմ ցանկացած ժամանակակից մարդ գիտի և լավ տեղեկացված է առողջ սննդի կարևորության մասին: Առողջ և անառողջ սննդակարգի մասին ինֆորմացիան այսօր հասանելի են յուրաքանչյուրին: Անառողջ սննդի և ակոհոլի վնասակարությունը գիտակցելով, այնուամենայնիվ որոշ պատճառներով մարդիկ օգտվում են դրանցից: Արդյունքում հաճախ դիտվում են մարսելախանգարման կամ ինտքսիկացիայի նշաններ: Ի՞նչ անել նման դեպքերում: Մի տարբերակը այս ամենից հրաժարվելն է, որը շատ մարդկանց չի հաջողվում: Երկրորդ տարբերակը օրգանիզմի դետոքսիկացիան է էնտերոսորբենտների օգնությամբ, որոնք ադեստանոքսային տրակտից կրանում և դուրս են բերում տոքսինները՝ վերացնելով բոլոր ախտանիշները: Այսօր ձեզ եմ ուզում ներկայացնել Ֆիզիոսորբը պրեպարատը, որն իր յուրահատուկ բաղադրության շնորհիվ օժտված է մի շարք առավելություններով <...> / Я думаю, любой современный и образованный человек знает практически всё здоровом и нездоровом питании и о том, какие последствия для нашего организма может иметь употребление нездоровой еды и алкоголя.*

Однако люди по тем или иным причинам всё равно их употребляют, в результате чего часто наблюдаются признаки расстройства желудка или интоксикации. Что делать в таких случаях? Один из вариантов – отказаться от всего этого, что многим не удаётся. Второй вариант – детоксикация организма с помощью энтеросорбентов, которые поглощают и выводят токсины из желудочно-кишечного тракта, устраняя все симптомы. Сегодня я хочу представить вам препарат Физисорб, который благодаря своему уникальному составу имеет ряд преимуществ: <...> (Эндокринолог-диетолог Асмик Айрапетян, 21 октября 2023).

Данная тактика в русско- и армяноязычных медиамедицинских текстах реализована при помощи представления того или иного “продукта” в положительном свете. Расхваливание происходит при помощи оценочных лексем, например: *достаточно новый, уникальный состав, облегчат жизнь* и др.

**2. Тактика акцентирования внимания на длительности присутствия на профессиональном поприще / на достижениях в сфере медицины / на своих достоинствах / опыте,** целью этой тактики, как и предыдущей, является привлечение клиентов и акцентирование внимания на уникальности клиники, БАДов, профпригодности и др. Длительность же присутствия на рынке должна вызвать доверие у потенциальных клиентов. Например:

*Мой институт получил международную сертификацию МВА по программе здорового питания и диетотерапии. Единственный в России* (Регина Доктор, 29 января 2024).

*24 марта 2024 – это день, который войдёт в историю превентивной медицины <...> Я собрала 10 лучших спикеров в сфере здоровья, красоты и психологии и арендовала Крокус на (внимание!) 7000 человек, чтобы провести самый мощный, самый грандиозный форум, который только существовал в мире превентивной медицины* (Наталья Зубарева, 20 февраля 2024).

*Եկեք մի փոքր փափուկ մեր մանկական անդալիս թերապիայի ծախսերի մասին: Այսպես <...> աշխատում ենք երեխաների անդալիս գրագիտության և անբավարարիչ համար: / Давайте немного расскажу о нашей услуге детской диетотерапии. Здесь <...> мы работаем для повышения и укрепления грамотности* (Врач-диетолог Лидия Айвазян, 05 февраля 2024).

*Ինչպե՞ս ձերբազատվել գերբնիւթաբարձրացումից և նրա հետևանքով առաջացած տոնի հոտից և այլ անհարմարավետություններից: PODOCLINIC բժշկական կենտրոնը այս խնդրի բուժման համար առաջարկում է կոմպլեքս լուծում, որը իր մեջ ներառում է հետևիչ ծախսերի մասերը <...> / Как избавиться от повышенной потливости и связанного с ней неприятного запаха и другого дискомфорта? Медицинский центр ПОДОКЛИНИКА предлагает комплексное решение данной проблемы, которое включает в себя следующие услуги: <...> (Dr. Liana Igityan., 4 ноября 2023).*

**3. Тактика уникальных предложений,** цель которой – предложить читателям такой продукт или акцию, от которых будет сложно отказаться. Читатели должны осознать ценность представленного товара и захотеть его приобрести. Например:

*Я хочу подарить вам 3 своих книги “Я НЕ ЛЮБЛЮ СЛАДКОЕ”, здесь. Пишите любой комментарий ниже – завтра разыграем и отправим в любую точку Мира* (Регина Доктор, 14 ноября 2019).

*Специально к рождению дочери подготовил выпуск йода от компании Жизнибек* (Магера Илья – эндокринолог, 28 июня 2023).

*Ещё у вас сегодня есть возможность купить collagen Dr. Zubareva со скидкой 30%. Не упускайте такой шанс. Переходите по ссылке в шапке профиля, заказывайте добавку и наслаждайтесь* (Наталья Зубарева, 27 июня 2023).

*Յուրապ եղանակները եւ եւ եկել և եւ եւ գալիս նստել ինֆեկցիոն բորբոքային խնդիրները: <...> Դրա համար պէտքի անցնել անոգրաֆիկ հետազոտություն որը օրինակ իմ մոտ, իմ կարհնետուն կարիւր միանգամից անցնենք: / Наступило холодное время года, и возвращаются также инфекционно-воспалительные проблемы. <...> Для этого вам необходимо пройти сонографическое исследование, которое лично у меня можем сделать сразу в моем кабинете* (David Tonoyan, 20 октября 2023).

*Այս մասին մանրամասն կխոսենք Emotional Overeating թրեյնինգի ընթացքում՝ այսօրի-ի նորարար թրեյնինգների կենտրոնում, արդի 16-ին: Մեր մեկամյա ծրագիրը ներառում է մեկ օֆլայն (6-часовую) հանդիպում և դրան հաջորդող մեկամյա աշխատանք՝ օնլայն հանդիպումների միջոցով: / Об этом мы подробно поговорим на тренинге «Эмоциональное переедание», в недавно открытом учебном центре этого места, 16 апреля. Наша месячная программа включает в себя одну офлайн (6-часовую) встречу, а затем один месяц работы через онлайн-встречи* (Врач-диетолог Лидия Айвазян, 05 апреля, 2023).

Для реализации данной тактики авторы прибегают к приёмам, стимулирующим покупку товара и услуги, среди которых можно выделить указание на ограниченность акции во времени, доступность товара или услуги именно в этой клинике / у этого врача, уникальность события и др. Типичным также является использование профессиональной лексики, что призвано вызвать у читателя ощущение научной обоснованности и ценности предлагаемого медикамента.

## 5. ВЫВОДЫ

В результате проведённого сопоставительного исследования русско- и армяноязычных блогов врачей можно сделать следующие выводы:

1. Основными коммуникативными стратегиями, реализуемыми в рамках анализируемого вида дискурса, являются информационно-просветительская и манипулятивная, актуализация которых происходит с помощью целого ряда взаимосвязанных тактик. Наличие в приведенных текстах информационно-просветительской стратегии связано с необходимостью популяризации медицинских знаний, а манипулятивной – с коммерциализацией медицины и внедрением тактик, присущих рекламной коммуникации, в медиамедицинский дискурс. Так, информационно-просветительская стратегия представлена тактиками краткой справки, инструкции, апелляции к авторитетным источникам, опровержения мифов; манипулятивная – тактиками расхваливания качеств продукта/клиники, акцентирования внимания на длительности присутствия на профессиональном поприще, на достижениях в сфере медицины, на своих достоинствах/опыте, уникальных предложениях.

2. В русско- и армяноязычном медиамедицинском дискурсе информационно-просветительская и манипулятивная стратегии представлены тактиками, наиболее точно передающими цель высказывания. Медицинский дискурс, являясь институциональным, безусловно, накладывает свой отпечаток на выбор той или иной коммуникативной тактики. При этом выявленные тактики, характерные для медиамедицинского дискурса в двух рассматриваемых языках, выступают либо как общие, либо как специфические. Среди общих тактик нами выделены следующие:

а) в рамках информационно-просветительской стратегии – тактика опровержения мифов, которая в анализируемых текстах проявляется в максимальной степени: около одной трети рассмотренных нами текстов целиком или полностью посвящены теме опровержения царящих в обществе обывательских мнений о тех или иных заболеваниях или предпринимаемых действиях по их предотвращению и лечению; а также тактики инструкции и краткой справки, которые идентичны и по способам выражения, и по выбору лексических и грамматических средств;

б) в рамках манипулятивной стратегии все тактики (расхваливания качеств продукта/клиники, акцентирования внимания на длительности присутствия на профессиональном поприще, на достижениях в сфере медицины, на своих достоинствах/опыте, уникальных предложениях) являются общими.

Специфической тактикой реализации информационно-просветительской стратегии является апелляция к авторитетным источникам: русскоязычные блогеры-врачи ссылаются на российские и международные организации и исследования, в то время как армяноязычные медики, ведущие блоги, используют лишь формулировки типа исследования доказали.

Исследование заявленной проблематики представляется перспективным в различных узкоспециальных медицинских направлениях, при этом возможно привлечение более широкого материала, в том числе других языков.

#### ***Конфликт интересов:***

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Акаева Э.В. Коммуникативные стратегии ученых в научной медицинской коммуникации // Речевая коммуникация в современной России: материалы III Международной конференции: в 2 томах, Омск, 27–30 июня 2013 года. Том 1. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2013. С. 165–172.
2. Беневоленская Н.П., Федотова Н.Л. Речевые стратегии и тактики медицинского дискурса в языке современных российских СМИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 21–27.
3. Волкова Е.В. Реализация информационно-просветительской стратегии врача в медиадискурсе социальной сети // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 15-24. doi:10.17223/15617793/463/2
4. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192-208. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy> (дата обращения: 10.10.2023).
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997: ЧеРо, Издательство МГУ.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.: УРСС-ЛКИ.
7. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.

8. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса [Электронный ресурс] // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров / под ред. Л. Н. Трошиной. М.: ИНИОН РАН, 2000. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-tipy-institutsionalnogo-diskursa> (дата обращения: 10.10.2023).
9. Карасик В.И. Дискурс // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12. № 3-4. С. 147–148.
10. Киселева Л.А. Основные направления исследования проблемы «язык и эмоции» в отечественной и зарубежной лингвистике начала XXI века // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 43–49.
11. Киселева Л.А., Ибрагимов Э.Р. Эмотивный потенциал лексических единиц в конфликтногенных медиатекстах (на материале телевизионных ток-шоу) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1737–1742. <https://doi.org/10.30853/phil210300>
12. Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 421-437. URL: <https://medialing.ru/mediatizatsiya-meditsinskogo-diskursa-sposoby-atributy-i-riski/> (дата обращения: 10.10.2023). doi: 10.21638/spbu22.2021.408
13. Кравцова Е.В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 130–132.
14. Пивоварчик Т.А. Сетевой медицинский дискурс Байнета: культура коммуникаций [Электронный ресурс] // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 3. С. 776-793. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-meditsinskiy-diskurs-bayneta-kultura-kommunikatsiy> (дата обращения: 10.10.2023). doi:10.25513/2413-6182.2019.6(3).776-793
15. Таюпова О.И. Медиамедицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой журнальной периодики) [Электронный ресурс] // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 5. С. 352-360. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediameditsinskiy-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-na-materiale-sovremennoy-nemetskoj-zhurnalnoy-periodiki> (дата обращения: 10.10.2023). doi: 10.15643/libartrus-2019.5.5
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб., 1994: А-сэд.
17. Шмелёва Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования [Электронный ресурс] // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 7(90). С. 145-148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-i-obekt-issledovaniya> (дата обращения: 10.10.2023).
18. Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 37 (328). Вып. 86. С. 65–67.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ВЫБОРКИ

1. Доктор Комиссарова. Риски БАДов [Электронный ресурс] // Телеграм. 05 октября 2023. URL: [https://t.me/doctor\\_komissarova/2703](https://t.me/doctor_komissarova/2703) (дата обращения: 22.12.2023).

2. Доктор Комиссарова. Инсулинорезистентность простыми словами [Электронный ресурс] // Телеграм. 21 октября 2023. URL: [https://t.me/doctor\\_komissarova/2835](https://t.me/doctor_komissarova/2835) (дата обращения: 22.12.2023).
3. Доктор Комиссарова. Псориаз и питание [Электронный ресурс] // Телеграм. 17 декабря 2022. URL: [https://t.me/doctor\\_komissarova/1623](https://t.me/doctor_komissarova/1623) (дата обращения: 22.12.2023).
4. Доктор Павлова, эндокринолог. Ошибки, которые часто допускают при похудении [Электронный ресурс] // Телеграм. 15 ноября 2022. URL: <https://t.me/doctorpavlova/1922> (дата обращения: 22.12.2023).
5. Магеря Илья – эндокринолог. Гипотериоз [Электронный ресурс] // Телеграм. 23 февраля 2023. URL: <https://t.me/magerya/9280> (дата обращения: 22.12.2023).
6. Магеря Илья – эндокринолог. Йод для всех возрастов [Электронный ресурс] // Инстаграм. 28 июня 2023. URL: <https://www.instagram.com/p/CuBtfOtLHbd/?igsh=czQzeD-Q5cXU0eWl2> (дата обращения: 22.12.2023).
7. Магеря Илья – эндокринолог. Головная боль. Как себе помочь [Электронный ресурс] // Инстаграм. 04 февраля 2023. URL: <https://www.instagram.com/p/CoPQ-WfLizG/?igsh=czRkb-jRzOGxqMNdS> (дата обращения: 22.12.2023).
8. Наталья Зубарева. Как восстановила свои волосы [Электронный ресурс] // Инстаграм. 27 июня 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/CvMP9ZZx0qg/?igsh=MTZ2emV5cDRs-a3VxYQ==> (дата обращения: 22.12.2023).
9. Наталья Зубарева. 5 способов улучшить желчеотток [Электронный ресурс] // Инстаграм. 16 февраля 2024. URL: <https://www.instagram.com/reel/C2-UwkBquHA/?igsh=MX-Z5NzVqNDltdGtuaA==> (дата обращения: 05.02.2024).
10. Наталья Зубарева. Когда мне пить витамины [Электронный ресурс] // Инстаграм. 16 февраля 2024. URL: <https://www.instagram.com/reel/C3Z5HKuMYTA/?igsh=c3Q4a3B0b-zNocm93> (дата обращения: 16.02.2024).
11. Наталья Зубарева. День здоровья с доктором Зубаревой [Электронный ресурс] // Инстаграм. 20 февраля 2024. URL: <https://www.instagram.com/reel/C3kgXXvoLrb/?igsh=M-zl2M3p1dHd0d25z> (дата обращения: 22.02.2024).
12. Регина Доктор. Что нужно для здоровья щитовидной железы? [Электронный ресурс] // Инстаграм. 23 июля 2019. URL: <https://www.instagram.com/p/B0QFtAfheZK/?igsh=cm0zNG-15NWx0OWE=> (дата обращения: 22.12.2023).
13. Регина Доктор. Рис может быть опасен [Электронный ресурс] // Инстаграм. 21 октября 2019. URL: <https://www.instagram.com/reel/Cz6ITBwIqfC/?igsh=MXNzdzZyaWx-1MTZ4MQ==> (дата обращения: 22.12.2023).
14. Регина Доктор. Мой институт получил... [Электронный ресурс] // Инстаграм. 29 января 2024. URL: <https://www.instagram.com/p/C2sKffDiMJv/?igsh=ODBpZGpiMjIwbzZ1> (дата обращения: 30.01.2024).
15. Регина Доктор. Опасный мелатонин [Электронный ресурс] // Инстаграм. 12 мая 2023. URL: <https://www.instagram.com/p/CsJtpjvxJhU/?igsh=bD11OXdscWJ0eTF4> (дата обращения: 22.12.2023).
16. Регина Доктор. Можно ли с выпечкой худеть? [Электронный ресурс] // Инстаграм. 19 ноября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/Cz1aKHji8eL/?igsh=MXJqZWIw-b3lrazhwZA==> (дата обращения: 22.12.2023).
17. Anna Artsruni Mkhitaryan. *Երկիրսի զիկ:* [Электронный ресурс] // Инстаграм. 16 августа 2023. URL: [https://www.instagram.com/reel/CwA9xh\\_MwRm/?igsh=MW8yaG-czb2E0MTZraQ==](https://www.instagram.com/reel/CwA9xh_MwRm/?igsh=MW8yaG-czb2E0MTZraQ==) (дата обращения: 22.12.2023).

18. Anna Artsruni Mkhitarian. Կրծքով կերակրման կարևորությունը: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 5 декабря 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/C0d2e2i-MAE-/?igsh=cHcwcHY1NnU0d2w=> (дата обращения: 22.12.2023).

19. Ani Gasparyan Gynaecologist. Թեստի հստակության ժամանակը: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 20 октября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/СуоHr2DM-VOR/?igsh=MTZqb3J6M2I5eTM0cQ==> (дата обращения: 22.12.2023).

20. Artur Janazyan. *Չմշակված քիչ հիվանդանոցում համար մի քանի խորհուրդ*: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 20 октября 2023. URL: [https://www.instagram.com/reel/Су-о\\_\\_3sk-Ga/?igsh=MXNjaG4yOTB2YmZ0dw==](https://www.instagram.com/reel/Су-о__3sk-Ga/?igsh=MXNjaG4yOTB2YmZ0dw==) (дата обращения: 29.10.2023).

21. Artur Janazyan. Արևային հարված: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 24 июля 2022. URL: [https://www.instagram.com/reel/CgZCGRbg\\_bZ/?igsh=ZWx0YWZndGl2NmM1](https://www.instagram.com/reel/CgZCGRbg_bZ/?igsh=ZWx0YWZndGl2NmM1) (дата обращения: 29.10.2023).

22. Artur Janazyan. *5 քայլ վիրուսների ակտիվ սեզոնի ժամանակ առողջ մնալու համար*: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 20 октября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/СрDch5PANni/?igsh=MXUyanhwcmFwNmtsdcg==> (дата обращения: 29.10.2023).

23. Artur Janazyan. *Շղիկներ*: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 20 октября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/СуBsjsLsOQT/?igsh=MWdmeTg1bmVxYmJhbg==> (дата обращения: 29.12.2023).

24. Artur Janazyan. Պետք է դիմել բժշկի: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 10 октября 2020. URL: <https://www.instagram.com/p/CGLBGyqscyf/?igsh=NGZ6bzV1dno2NDRm> (дата обращения: 29.10.2023).

25. David Tonoyan. Ամորձու բորբոքում: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 20 октября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/СрDch5PANni/?igsh=MXUyanhwcmFwNmtsdcg==> (дата обращения: 29.10.2023).

26. Dr. Anna Grigoryan. *Կանաչանոցի կանգնի*: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 23 октября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/СytIYn1stTD/?igsh=cG5sdGUybHpl-czNr> (дата обращения: 29.10.2023).

27. Dr. Liana Igityan. [Электронный ресурс] // Инстаграм. 4 ноября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/CzN12MzMrpGl/?igsh=bmprdmtsbnFpc2Vr> (дата обращения: 29.10.2023).

28. Բժիշկ-դիետոլոգ Լիդիա Այվազյան (Врач-диетолог Лидия Айвазян). Մտնողը որպես սարքավորում նվազեցնող մի քանի: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 05 апреля 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/СрDch5PANni/?igsh=MXUyanhwcmFwNmtsdcg==> (дата обращения: 29.10.2023).

29. Բժիշկ-դիետոլոգ Լիդիա Այվազյան (Врач-диетолог Лидия Айвазян). Երկրեն խանգարում: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 01 апреля 2023. URL: <https://www.instagram.com/p/CqgBVMDMNNf/?igsh=MXBzb3RuMХА5amJrcw==> (дата обращения: 29.12.2023).

30. Բժիշկ-դիետոլոգ Լիդիա Այվազյան (Врач-диетолог Лидия Айвазян). Մանկական սննդային թերապիա: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 05 февраля 2024. URL: <https://www.instagram.com/reel/C2-NPхZMIo3/?igsh=MTBqZnU0ZjZ1bHRiYQ==> (дата обращения: 25.02.2024).

31. Էնդոկրինոլոգ-դիետոլոգ Հասմիկ Հայրապետյան (Эндокринолог-диетолог Асмик Айрапетян). Առողջ ապրելակերպ: [Электронный ресурс] // Инстаграм. 21 октября 2023. URL: <https://www.instagram.com/reel/Суqs4yEskKX/?igsh=cDQyYnJ0OW5iZWd3> (дата обращения: 29.10.2023).

## REFERENCES

1. Akaeva, E.V. (2013). Kommunikativnye strategii uchenykh v nauchnoy meditsinskoj kommunikatsii. [Communication Strategies of Scientists in Scientific Medical Communication]. In *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoj Rossii: materialy III Mezhdunarodnoj konferentsii: v 2 tomakh. Tom 1 (Omsk, 27–30 iyunya 2013 goda) [Speech communication in modern Russia: proceedings of the III International Conference: in 2 volumes. Vol. 1 (Omsk, June 27–30, 2013)]* (pp. 165-172). Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F. M. Dostoevskogo [Dostoevsky Omsk State University] (in Russian).
2. Benevolenskaya, N.P., & Fedotova, N.L. (2019). Rechevye strategii i taktiki meditsinskogo diskursa v yazyke sovremennykh rossiyskikh SMI [Speech Strategies and Tactics of Medical Discourse in the Language of Modern Russian Media]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Proceedings of Southwest State University. Linguistics and pedagogy]*, vol. 9, no. 1(30), pp. 21-27 (in Russian).
3. Dotsenko, E.L. (1997). *Psikhologiya manipuljatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita [The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Defense]*. Moscow: CheRo, Izdatel'stvo MGU [Moscow State University publishing house] (in Russian).
4. Foucault, M. (1994). *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [The Order of Things: an Archeology of Human Sciences]* (V.P. Vizgin & N.S. Avtonomova, Trans.). Saint Petersburg, A-cad (in Russian).
5. Gureeva, A.N. (2016). Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyah cifrovoj sredy [Theoretical Understanding of Mediatization in the Digital Environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6, 192-208 (in Russian). <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/>
6. Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]*. Moscow, URSS-LKI (in Russian).
7. Karasik, V.I. (1998). O kategorijakh diskursa [On the Categories of Discourse]. In *Jazykovaja lichnost': sotsiolingvisticheskie i ehmotivnye aspekty: sb. nauch. tr. [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects]: collection of scientific papers* (pp. 185-197). Volgograd – Saratov: Peremena (in Russian).
8. Karasik, V.I. (2000). Ehtnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa [Ethnocultural Types of Institutional Discourse]. In L.N. Troshina (Ed.), *Ehtnokul'turnaja spetsifika rechevoj dejatel'nosti: sbornik obzorov [Ethnocultural specificity of speech activity: a collection of reviews]*. Moscow: INION RAN (in Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-tipy-institutsionalnogo-diskursa>
9. Karasik, V.I. (2015). Diskurs [Discourse]. *Diskurs-Pi [Discourse-P]*, 12(3-4), 147-148 (in Russian).
10. Kiseleva, L.A. (2022). Osnovnye napravlenija issledovanija problemy «jazyk i ehmotsii» v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike nachala XXI veka [The Main Directions of the Problem Research “Language and Emotions” in Russian and Foreign Linguistics of the Beginning of the XXI Century]. *Gumanitarnye issledovanija [Humanitarian Researches]*, 2(82), 43-49 (in Russian).

11. Kiseleva, L.A., & Ibragimova, Je.R. (2021). Ehmotivnyj potentsial leksicheskikh jedinit v konfliktogennykh mediatekstakh (na materiale televizionnykh tok-shou) [Emotive Potential of Lexical Units in Conflictogenic Media Texts (by the Material of Television Talk Shows)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 14(6), pp. 1737-1742 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil210300>
12. Kozharnovich, M.P. (2021). Mediatizatsija meditsinskogo diskursa: sposoby, atributy i riski [Mediatization of Medical Discourse: Modes, Attributes and Risks]. *Medialingvistika [Media Linguistics]*, 8(4), 421-437 (in Russian). doi: 10.21638/spbu22.2021.408
13. Kravtsova, E.V. (2012). Nauchnyj diskurs kak vid institutsional'nogo tipa diskursa [Research Discourse as Type of Institutional Discourse]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"]*, 25, p. 130-132 (in Russian).
14. Pivovarchik, T.A. (2019). Setevoy medicinskij diskurs Bajneta: kul'tura kommunikativnykh [Medical Discourse network of bynet: communication culture]. *Kommunikativnye issledovanija [Communication Studies (Russia)]*, 6(3), 776-793 (in Russian). doi:10.25513/2413-6182.2019.6(3).776-793
15. Shmeljova, T.V. (2015). Mediatizatsija kak fenomen sovremennoj kul'tury i ob'ekt issledovanija [Mediatization as the Phenomenon of Modern Culture and Object of Research]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo [Vestnik NovSU. Issue: Liberal Sciences]*, 7(90), 145-148 (in Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoj-kul'tury-i-obekt-issledovaniya>
16. Shuravina, L.S. (2013). Meditsinskij diskurs kak tip institutsional'nogo diskursa [Medical Discourse as a Type of Institutional Discourse]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history]*, no. 37(328), iss. 86, pp. 65-67 (in Russian).
17. Tajupova, O.I. (2019). Mediameditsinskij diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija (na materiale sovremennoj nemetskoj zhurnal'noj periodiki) [Medical media discourse as an object of linguistic study (based on the material of modern German magazine periodicals)]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal [Liberal Arts in Russia]*, 8(5), 352-360 (in Russian). doi: 10.15643/libartrus-2019.5.5
18. Volkova, E.V. (2021). Realizatsiya informatsionno-prosvetitel'skoj strategii vracha v mediadiskurse social'noj seti [Communicative Tactics of the Doctor's Informational and Educational Strategy in the Media Text of the Social Network Instagram]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 463, 15-24 (in Russian). doi:10.17223/15617793/463/2

## SAMPLE SOURCES

1. Ani Gasparian Gynaecologist. (2023, October 20). *T'esti hand'man jhamanaky' [Time to take a pregnancy test]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/CyoHr2DM-VOR/?igsh=MTZqb3J6M2I5eTM0cQ==>
2. Anna Artsrunu Mkhitarian. (2023, August 16). *Erkaravzik [Oblonging neck]* (in Armenian). [https://www.instagram.com/reel/CwA9xh\\_MwRm/?igsh=MW8yaGczb2E0MTZraQ==](https://www.instagram.com/reel/CwA9xh_MwRm/?igsh=MW8yaGczb2E0MTZraQ==)

3. Anna Artsrunu Mkhitarian. (2023, December 05). *Krc'gov kerakrman karevorut'uny' [The importance of breastfeeding]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/C0d2e2i-MAE-/?igsh=cHcwcHY1NnU0d2w=>
4. Artur Janazyan. (2022, July 24). *Arevayin harvac': [Sunstroke]* (in Armenian). [https://www.instagram.com/reel/CgZCGRbg\\_bZ/?igsh=ZWx0YWZndGl2NmM1](https://www.instagram.com/reel/CgZCGRbg_bZ/?igsh=ZWx0YWZndGl2NmM1)
5. Artur Janazyan. (2022, October 10). *Petq e' dimel bjhishki [You need to see a doctor]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/p/CGLBGyqscyf/?igsh=NGZ6bzV1dno2NDRm>
6. Artur Janazyan. (2023, October 20). *5 qayl virowsneri aktiv sezoni jhanamak ar'oghch mnalow hamar [5 steps to stay healthy in the midst of an active viral season]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/CpDch5PANni/?igsh=MXUyanhwcmFwNmtsdsd==>
7. Artur Janazyan. (2023, October 20). *D'mr'any' qich hivandalow hamar mi qani xor-howrd [A few tips on how to get sick less often in winter]* (in Armenian). [https://www.instagram.com/reel/Cy-o\\_\\_3skGa/?igsh=MXNjaG4yOTB2YmZ0dw==](https://www.instagram.com/reel/Cy-o__3skGa/?igsh=MXNjaG4yOTB2YmZ0dw==)
8. Artur Janazyan. (2023, October 20). *Kolikner [Colics]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/CyBsjsLsOQT/?igsh=MWdmeTg1bmVxYmJhbg==>
9. Bjhishk-dietolog Lidia Ayvazyan. (2023, April 05). *Snowndy' orpes stresy' nvazesnogh mi ban [Eating as something that reduces stress]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/CpDch5PANni/?igsh=MXUyanhwcmFwNmtsdsd==>
10. Bjhishk-dietolog Lidia Ayvazyan. (2023, February 05). *Mankakan snndayin t'era-pia [Children's dietary therapy]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/C2-NPzZ-MIo3/?igsh=MTBqZnU0ZjZ1bHRiYQ==>
11. Bjhishk-dietolog Lidia Ayvazyan. (2023, April 01). *Erkbever' xangar'wm [Bipolar disorder]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/p/CqgBVMDMNNf/?igsh=MXBzb3RuMX-A5amJrcw==>
12. David Tonoyan. (2023, October 20). *Amord'ow borboqowm [Testicular inflammation]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/CpDch5PANni/?igsh=MXUyanhwcmFwNmtsdsd==>
13. Doktor Komissarova. (2023, December 17). *Psoriasis i pitanie [Psoriasis and nutrition]* (in Russian). [https://t.me/doctor\\_komissarova/1623](https://t.me/doctor_komissarova/1623)
14. Doktor Komissarova. (2023, November 05). *Riski BADov [The risks of dietary supplements]* (in Russian). [https://t.me/doctor\\_komissarova/2703](https://t.me/doctor_komissarova/2703)
15. Doktor Komissarova. (2023, October 21). *Insulinorezistentnost' prostymi slovami [Insulin resistance in simple words]* (in Russian). [https://t.me/doctor\\_komissarova/2835](https://t.me/doctor_komissarova/2835)
16. Doktor Pavlova, ehndokrinolog. (2022, November 15). *Oshibki, kotorye chasto dopuskajut pri pohudenii [Mistakes that are often made when losing weight]* (in Russian). <https://t.me/doctorpavlova/1922>
17. Dr. Anna Grigoryan. (2023, October 23). *Kamowsnanas kancni [After marriage, it will pass]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/CytIYn1stTD/?igsh=cG5sdGUybHplczNr>
18. Dr. Liana Igityan. (2023, November 04) (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/CzN12MzMpGl/?igsh=bmprdmtsbnFpc2Vr>
19. E'ndogrinolog-dietolog Hasmik Hayrapetyan. (2023, October 21). *Ar'oghj aprelakerp [Healthy lifestyle]* (in Armenian). <https://www.instagram.com/reel/Cyqs4yEskKX/?igsh=cD-QyYnJ0OW5iZWd3>
20. Magerja Il'ja – ehndokrinolog. (2023, February 04). *Golovnaja bol'. Kak sebe pomoch' [Headache. How to help yourself]* (in Russian). <https://www.instagram.com/p/CoPQ-WfLizG/?igsh=czRkbjRzOGxqMHds>

21. Magerja Il'ja – ehndokrinolog. (2023, February 23). *Gipoterioz [Hypothyroidism]* (in Russian). <https://t.me/magerya/9280>
22. Magerja Il'ja – ehndokrinolog. (2023, June 28). *Jod dlja vseh vozrastov [Iodine for all ages]* (in Russian). <https://www.instagram.com/p/CuBtfOtLHbd/?igsh=czQzeDQ5cXU0eWl2>
23. Natal'ja Zubareva. (2023, June 27). *Kak ja vosstanovila svoi volosy [How did I restore my hair]* (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/CvMP9ZZx0qg/?igsh=MTZ2emV5cDRs-a3BxYQ==>
24. Natal'ja Zubareva. (2024, February 05). *5 sposobov uluchshit' zhelcheottok [5 ways to improve bile flow]* (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/C2-UwkBquHA/?igsh=MXZ5Nz-VqNDltdGtuaA==>
25. Natal'ja Zubareva. (2024, February 16). *Kogda mne pit' vitaminy? [When should I take vitamins?]* (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/C3Z5HKuMYTA/?igsh=c3Q4a3B0b-zNocm93>
26. Natal'ja Zubareva. (2024, February 20). *Den' zdorov'ja s doktorom Zubarevoj [Health Day with Dr. Zubareva]* (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/C3kgXXvoLrb/?igsh=M-zl2M3p1dHd0d25z>
27. Regina Doktor. (2019, July 23). *Chto nuzhno dlja zdorov'ja shhitovidnoj zhelezy? [What is needed for thyroid health?]* (in Russian). <https://www.instagram.com/p/B0QFtAfhZK/?igsh=c-m0zNG15NWx0OWE=>
28. Regina Doktor. (2019, October 21). *Ris mozhet byt' opasen [Rice can be dangerous]* (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/Cz6ITBwIqfC/?igsh=MXNzdzZyaWx1MTZ4MQ==>
29. Regina Doktor. (2023, May 12). *Opasnyj melatonin [Dangerous melatonin]* (in Russian). <https://www.instagram.com/p/CsJtpjvxJhU/?igsh=bDl1OXdscWJ0eTF4>
30. Regina Doktor. (2023, November 19). *Mozhno li s vypechkoj hudet'? [Is it possible to lose weight with pastry?]* (in Russian). <https://www.instagram.com/reel/Cz1aKHji8eL/?igsh=MXJq-ZWIwb3lrazhwZA==>
31. Regina Doktor. (2024, January 24). *Moj institut poluchil... [My institute has received ...]* (in Russian). <https://www.instagram.com/p/C2sKffDiMJv/?igsh=ODBpZGpiMjIwbzZ1>

### **Информация об авторе:**

**Петросян Мерри Мгеровна** – старший преподаватель кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации Башкирского государственного медицинского университета. ORCID ID: 0009-0001-8170-424X

**Получено:** 21 февраля 2024 г.

**Принято к публикации:** 10 апреля 2024 г.

## BASIC COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS OF RUSSIAN AND ARMENIAN MEDICAL MEDIA DISCOURSE

*Merri M. Petrosyan*

*Bashkir State Medical University*

*(Ufa, Russia)*

*merryhappy2013@yandex.ru*

**Abstract:** This article explores the deployment of various communicative strategies within prominent medical blogs. The study analyzes 400 texts in Russian and Armenian, sourced from diverse social networks. The selection of these materials is justified by the growing popularization of medical knowledge and the escalating public interest in health, which motivates physicians to undertake active educational initiatives across all accessible information platforms. The objective of this research is to systematically delineate the primary communicative strategies and tactics employed in Russian- and Armenian-language medical blogs authored by doctors from a range of specialties. The significance of this study arises from the incontrovertible popularity of social networks and the progressive mediatization of medical discourse, coupled with a gap in scholarly literature regarding the comparative analysis of Russian and Armenian medical discourses. The findings reveal that medical media discourse on social networks predominantly implements two communicative strategies: informational-educational and manipulative. Each strategy has distinct goals and is manifested through specific communicative tactics. The informational-educational strategy seeks to disseminate medical knowledge through tactics such as providing concise information, referencing authoritative sources, offering guidance, and dispelling medical myths. In contrast, the manipulative strategy aims to market certain products or services, thus actively employing marketing tactics like extolling the virtues of one's offerings, drawing attention to the blogger's professional accomplishments and expertise, among others. The study concludes that tactics associated with the manipulative strategy are prevalent in both Russian and Armenian medical blogs, as are tactics related to myth debunking, instructional guidance, and the provision of succinct information within the informational-educational framework.

**Keywords:** medical media discourse, communication strategies, communication tactics, mediatization, Russian-language blogs, Armenian-language blogs.

**How to cite this article:** Petrosyan, M.M. (2024). Basic Communicative Strategies and Tactics of Russian and Armenian Medical Media Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 62–81 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-62-81>

***About the author:***

**Merri M. Petrosian** is a Senior lecturer in the Department of Russian Language, Linguistics, and International Communication at Bashkir State Medical University (Ufa, Russia).

ORCID ID: 0009-0001-8170-424X

***Received:*** February 21, 2024.

***Accepted:*** April 10, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-82-98>

## СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТОВ В СОСТАВЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД С ВЕРШИНАМИ ЛЮБИТЬ / LIEBEN В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

*Н.А. Крупнова*

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет*

*имени Н.И. Лобачевского*

*(Арзамасский филиал)*

*krupnova.n.a@yandex.ru*

**Аннотация:** Цель исследования – выявление словообразовательных, семантических и, отчасти, стилистических особенностей слов со сложными основами в составе словообразовательных глагольных гнезд с вершинами *любить / lieben* в русском и немецком языках. Научная новизна исследования обнаруживается в раскрытии словообразовательного и семантического потенциала глагольных вершин на примере своих производных, выраженных сложными словами, а также в сопоставительной характеристике композитов от глаголов *любить* в русском языке и *lieben* в немецком языке. Материал для исследования – слова со сложными основами – был получен методом сплошной выборки из состава словообразовательных гнезд в русском и немецком языках. При описании способов образования заявленных единиц был использован метод словообразовательного анализа, рассмотрение их семантической структуры осуществлено при помощи метода эпидигматического анализа. При разных подсчетах автором применялся метод количественного анализа. В результате исследования было установлено, что осново- или словосложение является доминирующим способом образования сложных слов в обоих словообразовательных гнездах. Также автор пришел к выводу о преобладании существительных-композитов с подчинительным отношением основ и однозначных композитов в рассматриваемых гнездах. В то же время выяснилось, что сращение как способ производства композитов, которое имеет место в словообразовательном гнезде русского языка, выявлено в немецком языке только в сложнопроизводных словах, а редупликация, представленная в русском словообразовательном гнезде примером *любишь-не-любишь*, отсутствует в немецком. В гнезде русского языка не выявлено многозначных композитов. В гнезде немецкого языка выявлено шесть многозначных композитов, среди которых одно слово имеет четыре значения и пять слов – двузначны. Автор также пришел к выводу, что анализируемые слова непосредственным образом связаны с профессиональной коммуникацией людей определенных профессий, таких как психологи, криминалисты, биологи, ботаники и так далее, учитывая сферу употребления. Также рассматриваемые сложные слова, кроме терминологического характера своего значения, обозначают еще и культурологические понятия, которые отражают ментальные особенности двух народов, русского и немецкого. Их знание значительно облегчает процесс общения в любой сфере коммуникации, в том числе и специализированной.

**Ключевые слова:** композиты, словообразовательное гнездо, способы образования, полисемия, сфера функционирования, семантическая структура, дериватология, сложные производные.

**Для цитирования:** Крупнова, Н.А. (2024). Словообразовательные и семантические особенности композитов в составе глагольных словообразовательных гнезд с вершинами *любить / lieben* в русском и немецком языках. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(2), 82–98. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-82-98>

## 1. ВВЕДЕНИЕ

Словообразовательное гнездо (далее также СГ) как одна из основных единиц дериватологии всегда интересовало лингвистов. Истоки возникновения этого понятия ведут нас к 18 веку, к русскому писателю и филологу Н.И. Гречу и священнику и филологу Г.П. Павскому, которые говорили о способности корня к поступенчатому расширению (Яковенко, 2005, с. 78). В 19 веке В.И. Даль писал о том, что для русского языка характерно образование слов «звеньями, цепочками, гроздьями» (Даль, 1995, с. 21). Поэтому долгое время в дериватологии основными единицами были бинарные конструкции, состоящие из производящего и производного слов. Во второй половине двадцатого века возросло внимание к системе синхронного словообразования и в связи с этим исследователи как в России, так и за рубежом, стали больше интересоваться более крупными деривационными единицами, такими как словообразовательные типы и категории, парадигмы и гнезда. Первые описания словообразовательной системы с включением в нее гнезд зародились в структурной лингвистике (Гинзбург, 1967; 2010). Чуть позже появились первые словообразовательные и морфемные словари, которые значительно способствовали расширению и углублению теории словообразовательных гнезд, стимулировали описание конкретных СГ. Это «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (Тихонов, 1990), «Словарь морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой (Кузнецова, 1986) и др. С 1981 по 2002 г. было издано много исследований, в которых на синхронном уровне описываются определенные СГ, определяется их место в системе словообразования, их структурно-семантические особенности (Аликаева, 1999; Альтман, 1988; Рыжкова, 1994 и др.). За последующий период актуальным также было показать различные признаки словообразовательных гнезд, акцентируя внимание на той или иной их особенности (Суханова, 2005; Пятаева, 2013 и др.).

В современной лингвистике есть значительное количество определений словообразовательных гнезд. Е.Л. Гинзбург, например, определяет эту единицу как «упорядоченную совокупность отношений мотивации между однокоренными словами» (Гинзбург, 1973, с. 146). В «Русской грамматике» словообразовательное гнездо понимается как «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» (Русская грамматика, 1980, с. 134). На наш взгляд, определение словообразовательного гнезда, данное М. Д. Степановой, является наиболее полным и заслуживает внимания. М.Д. Степанова определяет СГ как «большую или меньшую группу слов, родственных между собой как по образованию, так и по значению» (Степанова, 2005, с. 73). По мнению автора, сложные слова как «монолитные лексические единицы, обладающие определенным кругом значений и определенной грамматической

характеристикой» (там же, с. 106) входят в состав гнезд с разными «ядрами» (там же, с. 112). Эта точка зрения перекликается с позицией Г.В. Аликаевой, которая считает, что семантические связи гнезда выходят за его пределы, образуя «аллигатуры» гнезд (Аликаева, 1999, с. 35).

Проблема сопоставления словообразовательных гнезд в языкознании рассматривалась многими исследователями. Д.А. Муртазина и Р.Г. Прокопьева сравнивали словообразовательные гнезда прилагательных с вершинами *rich* / *богатый* английского и русского языков на структурном уровне, анализируя деривационную глубину каждого гнезда (Муртазина, Прокопьева, 2016). К.А. Власова сравнивала на разных уровнях словообразовательные гнезда русского языка *молодой-старый* (Власова, 2002). А.П. Иванова описывала словообразовательные гнезда с вершинами-наименованиями четырех мировых стихий (вода, воздух, земля и огонь) в диахроническом аспекте (Иванова, 2004). Нас, в свою очередь, интересуют не сами словообразовательные гнезда как «большие или меньшие группы слов, родственных между собой как по образованию, так и по значению» (Степанова, 2005, с. 73), а лишь их фрагменты, состоящие из сложных слов или композит.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении словообразовательных, семантических и, отчасти, стилистических особенностей слов со сложными основами в составе словообразовательных глагольных гнезд с вершинами *любить* / *lieben* в русском и немецком языках.

Исходя из описанной выше цели нашего исследования, мы видим ее реализацию в решении следующих задач:

- отобрать слова со сложными основами из названных СГ;
- проанализировать способы их образования;
- вычленив наиболее частотные и продуктивные словообразовательные модели;
- рассмотреть особенности семантической структуры заявленных единиц;
- выявить многозначные композиты в словообразовательных гнездах и определить пути образования их значений, а также тип полисемии;
- раскрыть сферы их функционирования в речи;
- сравнить выявленные словообразовательные и семантические особенности сложных слов в составе СГ в русском и немецком языках.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной разработанностью темы сравнительного анализа композитов в словообразовательных гнездах с глагольными вершинами в русском и немецком языках, о чем свидетельствует анализ научно-исследовательской литературы по данному вопросу. СГ с вершиной *любить* в русском языке уже было объектом анализа у русистов. Так, Э.Р. Хасанов дает краткое описание характеристики СГ с вершиной *любить*, делая упор на семантический анализ некоторых производных гнезда (Хасанов, 2020). Юань Сычао также объектом своего исследования видит данное СГ и описывает его производные с лингвокультурологической точки зрения, проводя параллель с китайским языком (Юань, 2018). Сравнение именно сложных производных данного СГ с такими же единицами в немецком языке в исследовательской литературе отсутствует. С другой стороны, сложные слова в составе рассматриваемых гнезд обозначают концептуально важные и актуальные понятия, которые в целом отражают фрагмент немецкой и русской языковых картин мира, раскрывают представления обоих народов о любви, их жизненных ценностях, знание которых так необходимо при профессиональной коммуникации. Ментальная составляющая характера

общения играет огромную роль как в бытовом, так и профессиональном планах. Ю.С. Степанов недаром выделяет концепт «ЛЮБОВЬ», считая его «апостериорным», то есть опытным, эмпирическим концептом, наряду с такими, как «ВЕРА», «РАДОСТЬ», «РЕМЕСЛО» и др. (Степанов, 2001, с. 23).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области немецкого словообразования (Duden. Die Grammatik, 2009; Степанова, Чернышева, 2005; Гинзбург, 2010; Крупнова, Морозов, 2015), в области русского словообразования (Русская грамматика, 1980; Тихонов, 2001). Кроме того, учитывались посвященные семантическим особенностям композитов труды Г.В. Аликаевой (Аликаева, 1999), Л.Ю. Кованцевой (Кованцева, 2012), Э.Р. Хасанова (Хасанов, 2020), которые в значительной мере помогли нам при рассмотрении семантической структуры многозначных композитов. Научные исследования Ш. Рамазановой (Рамазанова, 2018) мы использовали при разграничении понятий «композит» и «сложное слово».

Практическая значимость нашего исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания немецкого и русского языков, при разработке теоретических и практических курсов, посвященных словообразованию и семасиологии обоих языков, а также как практический материал для семинаров по дисциплине «Лексикология».

## 2. МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал для анализа был получен методом сплошной выборки слов со сложными основами из состава СГ в русском и немецком языках. Затем при описании способов их производства был использован метод словообразовательного анализа. Рассматривая внутреннюю форму многозначных единиц, мы опирались на метод эпидигматического анализа, который помог увидеть пути возникновения лексико-семантических вариантов многозначных слов и определить тип полисемии в них. На всем протяжении нашего исследования мы пользовались также методом количественного анализа при разных подсчетах. В заключении исследования мы использовали метод сравнительного анализа, подводя итог полученным результатам и сопоставляя их данные в двух языках.

Материалом для исследования послужили сложные слова, или композиты двух СГ. При сборе материала для исследования в немецком языке мы использовали данные трех популярных немецких онлайн-словарей. Это:

1. DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des Jahrhunderts (n.d.);
2. Duden: Duden online (2016);
3. Немецко-русский словарь Мультитран (n.d.).

Данные других словарей немецкого языка, таких как Wortfamilienwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1998) за авторством Gerhardt Augst и Deutsches Wortfamilienwörterbuch (2009) автора Jochen Splett нам оказались недоступны, т.к. они отсутствуют в онлайн-доступе.

В русском языке мы опирались на данные словообразовательного гнездового словаря А.Н. Тихонова (1990) и толкового словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (1999).

### 3. ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

#### 3.1. Композиты в словообразовательном гнезде с вершиной *любить* русского языка

Словообразовательное гнездо *любить* является в словаре А.Н. Тихонова (1990) одним из самых больших и разветвленных. В нем 305 производных. Около двух третьих от этого количества составляют слова со сложными основами, а именно – 183. Среди них насчитывается 120 существительных, 47 прилагательных и 16 наречий.

Композиты в данном словообразовательном гнезде образуются разными способами. В их числе:

1. Основосложение:
  - 1.1. Чистое;
  - 1.2. Комбинированное:
    - 1.2.1. Сложение в сочетании с материально выраженной суффиксацией;
    - 1.2.2. Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией;
2. Сращение;
3. Редупликация.

Первую позицию по числу представленных единиц (88) занимает основосложение. В «Русской грамматике» этот способ определяется так: «способ образования слов, при котором опорный компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент представляет собой чистую основу» (Русская грамматика, 1980, с. 139). В чистом виде, то есть без словообразовательных аффиксов, этот способ менее представлен в словообразовательном гнезде. Его примеры малочисленны: *любвеобильный, любодоение, любостяжание, любостяжатель* и др. Комбинированное основосложение отличается от чистого тем, что в процессе образования слов со сложными основами участвуют еще и словообразовательные аффиксы. В СГ данный способ представлен сложно-суффиксальной разновидностью (сложение в сочетании с одновременной суффиксацией, причем как материально выраженной, так и нулевой). Среди суффиксов частотны следующие:

- н-: *любострастный, дружелюбный, миролюбный, любвеобильный* и другие;
- ив-: *влаголюбивый, властолюбивый, водолюбивый, чадолюбивый, светлюбивый, солнцелюбивый, холодолюбивый* и другие;
- ец-: *корыстолюбец, миролюбец, празднелюбец, христоролюбец, серебролюбец, трудолюбец* и другие;
- и<ј>: *любомудрие, любочестие, своелюбие, любострастие* и другие;
- к-: *гиполюбка, однолюбка*;
- тельн-: *любостяжательный*.

Всего насчитывается 72 слова, образованных этим способом, а также 12 единиц, созданных при помощи основосложения с нулевой суффиксацией, причем в двух своих разновидностях: со вторым именным и глагольным компонентом. Например: *любослов, любомудр; водолюб, книголюб, правдолюб, природолюб, песколоб, тенелюб* и другие.

При сложении слов используется морфологическое явление интерфиксации, представляющей собой процесс вставки между производящими основами в сложных словах интерфиксов, которые «используются в качестве соединительных элементов между частями слова» и «не имеют ни словообразовательного, ни грамматического значения» (Русская грамматика, 1980, с. 362). В качестве интерфиксов выступают такие гласные, как:

**-о-:** *светолюб, свободолюбивый, трудолюбивый, корыстолюбец, празднолюбивый* и другие (160 слов); **-е-:** *любвеобильный, дружелюбный, жизнелюбивый, тенелюб* и другие (18 слов); **-я-:** *себялюбец, себялюбивый* и другие (8 слов).

Слов со сложными основами без интерфиксальных образований в словообразовательном гнезде не выявлено.

Все компоненты этого гнезда образованы на базе словосочетаний с подчинительными отношениями, причем элемент *-люб-* занимает как препозицию, так и постпозицию, например: *славянолюб, славолюбец, однолюб, любвеобильный, любоволюбивый* и другие. Уточняющий компонент с точки зрения его принадлежности к той или иной части речи может быть выражен:

- существительным: *водолюб, гибсолюбка, женолюбивый, жизнелюбивый* и другие;
- прилагательным: *вольнолюбивый, сухолюбивый, холоднолюбивый* и другие;
- наречием: *страннолюбец*;
- местоимением: *самовлюбленный, самолюбец, себялюбец* и другие;
- числительным: *однолюбец, однолюбка*.

Слов со сложными основами на базе сочетаний с сочинительными отношениями в словообразовательном гнезде не выявлено.

Второй способ производства композит в данном словообразовательном гнезде – сращение. В «Русской грамматике» этот способ определяется так: «способ словообразования, отличающийся от сложения тем, что слова, образованные по этому способу, во всех своих формах по морфемному составу полностью тождественны синонимичному словосочетанию и, таким образом, синтаксическая связь этого словосочетания, управление или примыкание, сохраняется как живая связь в структуре мотивированного им слова» (Русская грамматика, 1980, с. 139). В анализируемом нами словообразовательном гнезде он представлен такими лексическими единицами, как *кинолюбитель, радиолубитель, многолюбующий, мотолюбитель, телелубитель, фотолубитель*.

И, наконец, третий способ производства композит в русском словообразовательном гнезде – редупликация, или удвоение целого слова или его части – самый малочисленный, он представлен всего одним примером, композитом *любишь-не-любишь*. В этом слове мы видим полное повторение первой части, сопровождающееся отрицательной частицей «не».

По своей семантической структуре композиты в словообразовательном гнезде с вершиной *любить* все моносеманты. Среди них не выявлено многозначных слов. Лишь пять единиц имеют при своем основном лексическом значении оттенки этого значения, это *дружелюбный, миролюбивый, себялюбивый, человеколюбивый* и *честолюбивый*. Рассмотрим структуру формирования их лексического значения на примере двух композит, *дружелюбный* и *миролюбивый*. Последний композит имеет два оттенка основного значения.

*Дружелюбный* – проникнутый дружелюбием; доброжелательный.

|| Выражающий дружелюбие (например, *дружелюбный* взгляд) (Словарь русского языка, 1999, Т.1, с. 449).

*Миролюбивый* – любящий мир, согласие, не склонный к вражде, ссорам, войнам.

|| Основанный на миролюбии; дружественный (например, *миролюбивая* политика социалистических стран);

|| Выражающий миролюбие, мирный (например, *миролюбивый* тон) (Словарь русского языка, 1999, Т. 2, с. 279).

Оттенки номинативного значения в данных композитах образованы на основе общности функционального переноса, выраженного общей функцией *обладать чем-либо, иметь, излучать что-то* и др. Подобное строение имеют и другие названные выше композиты: *себялюбивый, человеколюбивый и честолюбивый*.

Композиты в русском словообразовательном гнезде с точки зрения своего функционирования в речи в большинстве своем общепотребительны и нейтральны, например: *автолюбитель, самовлюбленный, книголюб, жизнелюбивый* и другие. Лишь небольшая их часть стилистически окрашена: *книжн. (любодеяние, любомудрие, детолюбие, сластолюбец* и другие), *разг. (однолюбка, правдолюбец, себялюб), бот. (светолубивый, теплолюбивый, холодолюбивый, тенелубивый)* и *устар. (сребролюбец, чадолюбивый, празднелубивый, златолюб* и другие). Бытовая во многом сфера их употребления подтверждает концептуальную значимость любви как чувства и всего, что с ней связано, в национальном сознании русского народа.

### 3.2. Композиты в словообразовательном гнезде с вершиной *lieben* немецкого языка

В немецком языке композиты в составе словообразовательного гнезда с вершиной *lieben* также занимают центральное место среди производных единиц, почти две трети от их общей численности. В нем 548 производных. Около двух третей от этого количества – слова со сложными основами, а именно – 378. Среди них насчитывается 350 существительных, 20 прилагательных и 8 глаголов. Рассмотрим способы производства выделенных композитов в рамках частеречной принадлежности.

Среди композитов-существительных встречаются слово- или основосложения. В рамках слово- или основосложения можно выделить следующие модели их образования:

1. Основа слова *Liebe* (любовь) в качестве определяющего слова + соединительный элемент «es» + другое существительное, например, *der Liebesapfel* (помидор), *der Liebesbeweis* (доказательство любви), *der Liebesblick* (любовный взгляд) и другие (132 слова);
2. Основа слова *Liebe* в качестве определяющего слова + соединительный элемент «e» + другое существительное, например, *die Liebedienerei* (лесть);
3. Существительное + соединительный элемент «s» + слово «*liebe*», например, *Friedensliebe* (любовь к миру), *Freiheitsliebe* (свободолюбие) и другие (57 слов);
4. Существительное + слово «*liebe*», например, *die Bruderliebe* (братская любовь), *Musikliebe* (любовь к музыке), *Schwesterliebe* (сестринская любовь) и другие (32 слова);
5. Основа слова *Liebe* + другое существительное, например, *der Liebreiz* (прелесть, привлекательность), *der Liebstock* (любисток);
6. Существительное + суффиксальное производное *der Liebling* (любитель), например, *der Filmiebling* (любимый киноактер), *der Fraueniebling* (женский угодник), *der Götteriebling* (любимец богов, счастливчик) и другие (44 слова);
7. Производное *der Liebling* + соединительный элемент «s» + другое существительное: *die Lieblingsarbeit* (любимая работа), *der Lieblingschriftsteller* (любимый писатель), *das Lieblingsbuch* (любимая книга) и другие (63 слова);
8. Существительное + суффиксальное производное «*das Liebchen*» (милая, дорогая), например, *das Vielliebchen* (двойной миндаль, фрукт-близнец), *das Feinsliebchen* (душечка).

Среди выявленных словообразовательных моделей наиболее продуктивны и частотны 1, 3, 4, 6 и 7 модели. Сложные слова, образованные по этим моделям в рамках данного способа образования, доминируют над остальными, о чем свидетельствуют данные количественных подсчетов.

Интересна структура сложного слова *das Liebessteldichein* (любовное свидание) в составе СГ. По способу образования это композит, который образован путем сложения первого компонента, существительного *die Liebe* (любовь) со вторым компонентом *das Steldichein*, который представляет собой застывшую форму повелительного наклонения второго лица единственного числа от глагола *sich einstellen* (приходить по уговору в определенное место к определенному времени), и является по способу своего производства сдвигом. М.Д. Степанова дает такое определение сдвигам: «это сложное слово, морфологосинтаксическое оформление которого совпадает с оформлением синтаксического соединения того или иного типа в современном языке» (Степанова, 2005, с. 112).

Особое место среди сложных слов занимают также сложные слова *der Herzallerliebste* (самый любимый человек), *der Eheliebste* (любимый) и другие подобные. В данных композитах процессу словосложения предшествовала конверсия, при которой прилагательное «*lieb*» в своей превосходной степени перешло в разряд существительных на первой ступени словообразования, а затем к субстантивированному прилагательному *der Liebste* (самый любимый) добавили местоимение *alle* (все) с соединительным элементом «*r*» и на третьей ступени – существительное *das Herz* (сердце). Второй пример имеет только двухступенчатую словообразовательную парадигму: существительное *die Ehe* (брак) + *der Liebste* (самый любимый).

Среди слов со сложными основами в составе рассматриваемого нами словообразовательного гнезда есть также сложнопроизводные слова, или сращения, которые М.Д. Степанова рассматривала как «результат взаимодействия двух способов словообразования: словосложения и словопроизводства» (Степанова, 2005, с. 149). В грамматике Duden сращение названо особым видом деривации, в основе которого лежит синтаксическое соединение, словосочетание как производящая база для суффиксации (Duden. Die Grammatik, 2009, s. 666).

Сращения-существительные образуются по таким моделям:

1. Глагол *lieb haben* + суффикс «-er»: *der Liebhaber* (любитель).

Со словом *der Liebhaber* (любитель) с помощью суффиксов образуются дериваты:

- суффикс «-ei», например, *die Liebhaberei* (страсть);
- суффикс «-in», например, *die Liebhaberin* (возлюбленная);
- сложные слова, например, *die Liebhaberausgabe* (любительское издание), *der Weinliebhaber* (любитель вина), *der Naturliebhaber* (любитель природы) и другие (12 слов);

2. Глагол *lieb kosen* (ласкать словами) + суффикс «-ung»: *die Liebkosung* (ласковое слово, ласковый ответ на что-то).

Сложные прилагательные образованы словосложением по таким моделям:

1. Основа слова *die Liebe* + соединительный элемент «e» + прилагательное: *liebebedürftig* (нуждающийся в любви), *liebeleer* (равнодушный), *liebevoll* (любвеобильный) и другие (9 слов);

2. Основа слова *die Liebe* + соединительный элемент «es» + прилагательное: *liebestoll* (страстно жаждущий), *liebeskrank* (влюбленный), *liebesfähig* (способный любить) и другие (6 слов);

3. Глагол *lieben* + соединительный элемент «s» + прилагательное: *liebenswert* (любезный), *liebenswert* (достойный любви) и другие (3 слова);

4. Основа слова *die Liebe* + прилагательное: *lieb reich* (любящий), *liebwert* (любимый, дорогой);

5. Основа слова *die Liebe* + соединительный элемент «е» или без него + причастие I: *liebrend* (прелестный), *liebeglühend* (нылающий от любви);

6. Существительное + прилагательное *lieb*: *tierlieb* (любящий животных), *herzlieb* (добрый).

И, наконец, сложные глаголы образованы также путем сложения по таким моделям:

1. Основа слова *die Liebe* + глагол: *liebhaben* (любить), *liebkosen* (ласкать словами), *liebäugeln* (обмениваться с кем-либо влюбленными взглядами), *lieb behalten* (продолжать любить кого-либо), *liebgewinnen* (завоевать кого-либо);

2. Глагол *lieben* + другой глагол: *liebenlernen* (полюбить).

Все композиты этого словообразовательного гнезда, как показывают примеры, образованы на базе словосочетаний с подчинительным отношением основ, например: *der Liebesheirat* (женитьба по любви), *das Liebesabenteuer* (любое приключение), *die Liebeslyrik* (любовная лирика) и другие. Слов со сложными основами на базе сочинительных отношений в словообразовательном гнезде не выявлено.

Большинство слов со сложными основами нашего СГ по своей внутренней структуре обладает одним лексическим значением. Следующие единицы имеют два лексико-семантических варианта (ЛСВ) по данным словаря Мультигран (n.d.), это: *der Liebeskummer*, *das Liebesleid*, *die Tierliebe*, *die Selbstliebe*, *der Herzallerliebste*. По данным других словарей (Duden: Duden online, 2016; DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des Jahrhunderts, n.d.) эти слова однозначны. Сложнопроизводное слово *der Liebhaber*, согласно Мультигран (n.d.), имеет 4 ЛСВ. В словаре DUDEN (Duden: Duden online, 2016) у него отмечены два значения, но первый ЛСВ имеет 4 оттенка значений в своем составе. Словарь DWDS (DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des Jahrhunderts, n.d.) показывает, что это слово имеет три значения. Теперь рассмотрим более подробно эпидигмы в выявленных многозначных единицах, начиная с последнего.

Слово *der Liebhaber* имеет, согласно словарю, такие значения:

1. *общ.* любовник, возлюбленный;
2. *астр.* любитель, почитатель;
3. *кинотех.* кинолюбитель, фотолучитель;
4. *тех.* охотник, поклонник (Мультигран, n.d.).

Первое значение этого слова является прямым, номинативным. От него образованы три других значения слова на основе общности функционального переноса «любить, почитать» что- или кого-либо. Таким образом, это слово имеет радиальный тип полисемии.

Сложные слова с двумя ЛСВ:

*der Liebeskummer*:

1. Любовная тоска, любовное томление;
2. Мука неразделенной любви, любовные муки (Мультигран, n.d.).

*das Liebesleid*:

1. *общ.* любовное страдание;
2. *поэт.* сердечная кручина (Мультигран, n.d.).

*die Tierliebe*:

1. *мед.* скотоложество
2. *психол.* зоофилия (Мультигран, n.d.).

*die Selbstliebe*:

1. *общ.* себялюбие, самовлюбленность;
2. *психол.* нарциссизм (Мультигран, n.d.).

*der, die Herzallerliebste:*

1. *ноэз.* самый любимый; душенька;
2. *уст.* возлюбленный (Мультитран, n.d.).

Второе значение в семантической структуре последнего слова, можно предположить, является основным, так как имеет помету *уст.*, то есть оно возникло первоначально, а потом с течением времени утратило свою актуальность, стало устаревшим. Первое значение образовано на его основе на базе общности функционального переноса «любить, обожать» кого-либо. Другие сложные слова с двумя значениями в большинстве своем обязаны также функциональному переносу при производстве второго, переносного значения.

Разнообразие стилистических помет сложных слов в словообразовательном гнезде обращает на себя особое внимание: *биол., геол., мифол., религ.* и др. Большая часть композитов относится к общеупотребительной лексике, это, например, *das Lieblingsfach* (любимый предмет), *das Liebespaar* (влюбленная пара), *der Liebesdienst* (дружеская услуга) и др. Это значит, что данные слова используются людьми в быту, в повседневной жизни, в процессе живого общения друг с другом. Среди других сложных производных мы можем встретить слова с такими пометами, как *биол.* (*der Liebspfeilsack* (мешок «любовной стрелы») у моллюсков (Мультитран, n.d.)), *die Liebesblume* (*агапант; агапантус* (Мультитран, n.d.)), *der Liebesperlenstrauch* (*красивоподник, жемчужный куст* (Мультитран, n.d.) и др.), *геол.* (*der Liebestein* (желтоватый или коричневый авантюрин (Мультитран, n.d.)), *мифол.* (*der Liebesgott* (бог любви), *психол.* (*der Liebesentzug* (лишение любви), *die Liebesverlustangst* (страх утраты любви), *die Liebestollheit* (эротомания) и другие), *религ.* (*das Liebesmahlfeier* (*агана* (вечернее или ночное собрание христиан для молитвы), *трапеза любви* (Мультитран)), *der Liebfrauentom* (собор Пресвятой Девы Марии в Мюнхене, или Фрауенкирхе), *юр., крим.* (*der Liebeswahnsinn* (эротомания) (Мультитран, n.d.)) и др. Слова с такими пометами являются терминами в определенных научных отраслях. Люди разных профессий используют их, благодаря терминологическому характеру, в специализированной коммуникации, что значительно облегчает процесс обмена информацией.

#### 4. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая сопоставительный анализ композит в составе глагольных словообразовательных гнезд с вершинами *lieben / lieben* в русском и немецком языках, мы приходим к следующим **выводам**:

1. Композиты как члены словообразовательных гнезд с глагольными вершинами *lieben* и *lieben* в обоих языках занимают центральное место среди других производных и составляют две трети от их общего количества: 184 композитов из 305 в русском языке и 378 из 548 в немецком.

2. Композиты-существительные доминируют над остальными частями речи в обоих языках: в русском языке это 120 сложных существительных из 183 композитов, в немецком 350 слов из 378.

3. В словообразовательном гнезде немецкого языка есть восемь глаголов-композитов, которые отсутствуют как часть речи в русском языке.

4. Наиболее продуктивным и частотным способом производства слов со сложными основами в обоих языках выступило осново- или словосложение, о чем свидетельствуют данные количественного анализа.

5. Второй способ производства композит – сращение – имеет место лишь в русском языке в таких словах, как *кинолюбитель, радиолобитель, многолюбящий, мотолюбитель, телелюбитель, фотолюбитель*. В немецком языке этим способом образованы только сложнопроизводные существительные от глаголов *liebhaben* и *liebhaben* путем присоединения суффиксов.

6. Редупликация как способ производства сложных слов имеет место только в русском словообразовательном гнезде и представлена одним словом *любишь-не-любишь*. В немецком словообразовательном гнезде есть композит *das Liebessteldichein* (*любное свидание*), второй компонент которого по способу своего производства является сдвигом.

7. Композиты в словообразовательных гнездах обоих языков имеют только подчинительные отношения производящих основ (*однолюбка, водолюб, любострастный* и др.; *die Freiheitsliebe* (*любовь к свободе*), *die Bruderliebe* (*братская любовь*) и др.), на базе сочинительных отношений композиты не выявлены.

8. По своей семантической структуре большая часть композитов обоих словообразовательных гнезд является моносемантами.

9. В русском словообразовательном гнезде многозначных композитов не выявлено, лишь пять слов (*дружелюбный, миролюбивый, себялюбивый, человеколюбивый и честолюбивый*) наряду с основным значением имеют оттенок этого значения, образованный на основе функционального переноса.

10. В немецком словообразовательном гнезде выявлено шесть многозначных композитов, это *der Liebhaber, der Liebeskummer, das Liebesleid, die Tierliebe, die Selbstliebe, der Herzallerliebste*. Слово *der Liebhaber*, согласно Мультитран, имеет 4 ЛСВ, которые связаны между собой радиальным типом полисемии. Семантическая структура двузначных композитов в большинстве своем образована на основе общности функционального переноса при производстве второго, переносного значения.

11. Стилистическая активность композитов немецкого языка превалирует над тем же самым свойством в русском языке. Большая их часть является терминами в определенных отраслях науки, таких как биология, ботаника, психология, геология, криминалистика и др. В русском языке картина иная. Большая часть композитов рассматриваемого гнезда русского языка составляют общеупотребительные бытовые понятия, лишь малая доля композитов употребляется в книжном или разговорном стилях, или являются архаизмами.

12. Сложные слова немецкого языка благодаря своей специализированной направленности в семантике обеспечивают в большей мере сферу профессиональной коммуникации, чем те же единицы русского языка, которые своим наличием в гнезде подтверждают значимость чувства любви в русском менталитете.

Проведенный сопоставительный анализ композитов как членов словообразовательных гнезд с глагольными вершинами *lieben* / *lieben* в русском и немецком языках выявил, таким образом, с одной стороны, общие, сходные для обоих языков черты, например, осново- или словосложение как доминирующий способ их производства, преобладание существительных-композитов с подчинительным отношением основ, а также однозначных композитов над многозначными. С другой стороны, было установлено, что сращение как способ образования сложных слов имеет место в гнезде русского языка, в немецком же языке этот способ выявлен только при производстве сложнопроизводных слов. Редупликация, представленная в русском СГ примером *любишь-не-любишь*, отсутствует в немецком СГ. При рассмотрении семантической структуры композитов стало ясно, что в СГ русского языка нет многозначных композитов. Есть пять слов, которые наряду с основным значением

имеют оттенки этого значения. В СГ немецкого языка выявлено шесть многозначных композитов, среди которых одно слово имеет четыре ЛСВ и пять слов – 2 ЛСВ. Выявленные различия, на наш взгляд, обусловлены, скорее всего, особенностями исторического развития сопоставляемых языков, а также их принадлежностью к разным морфологическим типам. В заключение также заметим, что сложные слова рассматриваемых нами гнезд, с одной стороны, обеспечивают профессиональную коммуникацию многих профессий, обозначая значимо важные термины в научных кругах, с другой, они в обоих языках выражают культурологические, ментальные, концептуальные понятия, без чего также нельзя представить процесс общения на любом уровне.

***Конфликт интересов:***

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликаева Г.В. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 1999. № 1. С. 35 - 40.
2. Альтман И.В. Гнездо и слово // Проблемы структурной лингвистики 1984 / под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1988. С. 43-52.
3. Власова К. А. Словообразовательные гнезда молодой - старый в русском языке (Опыт разноаспектного сопоставления анализа) (Автореферат дисс. ... кандидата филол. н.). Нижний Новгород, 2002.
4. Гинзбург Е.Л. Исследование гнезд сложных слов в русском языке на базе аппликативной модели (Автореферат дисс. ... канд. филол. н.). АН СССР, Ин-т рус. яз., Москва, 1967.
5. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис: М.: Наука, 2010.
6. Гинзбург Е.Л. Исследование структуры словообразовательного гнезда // Проблемы структурной лингвистики 1972 / под ред. С.К. Шаумян. М.: Наука, 1973. С. 146 – 225.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Терра, 1995.
8. Иванова А.П. Словообразовательные гнезда с вершинами-наименованиями четырех мировых стихий: диахронический аспект (Автореферат дисс. ... кандидата филол. н.). Санкт-Петербург, 2004.
9. Кованцева Л.Ю. Семантические особенности детерминативных субстантивных композитов // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. 2012. №2 (35). С. 143-147.
10. Крупнова Н.А., Морозов Д.Л. Глаголы-композиты в составе глагольных гнезд немецкого языка: механизмы слово- и сеообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 102-104.
11. Муртазина Д.А., Прокопьева Р.Г. Сопоставительный структурный анализ словообразовательных гнезд прилагательных с вершинами rich / богатый в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №11 (65). С. 124-127.

12. Пятаева Н.В. Еще раз о словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №3 (23). С. 13-17.
13. Рамазанова Ш. Специфика представления композитов в «Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова» // Türkoloji. 2018. № 91. С. 64-68.
14. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
15. Рыжкова А.Г. Гнезда однокоренных слов как элементы лексико-семантического поля // Теория поля в современном языкознании: Тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь 1993). Часть III. Уфа, 1994. С. 43-44.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. Москва, 2001.
17. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Академия, 2005.
18. Суханова И.Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом (на материале русской лексики на рубеже XX-XXI вв.) (Автореферат дисс. ... кандидата филол. н.). Москва, 2005.
19. Тихонов А.Н. Состояние научной разработки гнезда и перспективы его исследования // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 70-летию проф. А.Н. Тихонова. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. С. 10-21.
20. Хасанов Э.Р. Характеристика словообразовательного гнезда с вершиной «любить» // Актуальное в филологии. 2020. № 1(1). С. 45-49.
21. Юань С. Словообразовательное гнездо с вершиной любить: общая характеристика и лингвокультурологические комментарии // Язык. Культура. Текст. 2018. № 2. С. 62-65.
22. Яковенко Н.М. Словообразовательные гнезда со значением одежда в русском и немецком языках (Автореферат дисс. ... кандидата филол. н.). Санкт-Петербург, 2005.
23. Duden. Die Grammatik. Herausgegeben von der Dudenredaktion. 8., überarbeitete Auflage. Band 4. 2009. URL: <https://www.duden.de/hilfe/grammatik> (дата обращения: 23.01.2024).

## СЛОВАРИ

1. Кузнецова А.И. Словарь морфем русского языка. Москва: Рус. яз., 1986.
2. Немецко-русский словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=3&l2=2> (дата обращения 10.01.2024).
3. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
4. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Москва: Русский язык, 1990. Т.1.
5. Duden: Duden online [Электронный ресурс]. Bibliografisches Institut, 2016. URL: [www.duden.de](http://www.duden.de) (дата обращения 10.01.2024).
6. DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des Jahrhunderts [Электронный ресурс]. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. URL: [www.dwds.de](http://www.dwds.de) (дата обращения 10.01.2024).

## REFERENCES

1. Al'tman, I.V. (1988). Gnezdo i slovo [Word-formation nest and word]. In V.P. Grigoriev (Ed.), *Problemy strukturnoi lingvistiki 1984 [Problems of structural linguistics 1984]* (pp. 43-52), Moskva: Nauka (in Russian).
2. Alikaeva, G.V. (1999). Edinicy derivacionnogo urovnja, sostojashchie iz slovoobrazovatel'nyh gnezd i slovoobrazovatel'nyh ryadov [Units of the derivational level, consisting of word-formation nests and word-formation series]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota [Philology. Theory and practice. Tambov: Gramota]*, 1, 35-40 (in Russian).
3. Dal', V.I. (1995). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]*. Moscow: Terra (in Russian).
4. Duden (2009). Die Grammatik. Herausgegeben von der Dudenredaktion. 8., überarbeitete Auflage. Band 4 [Duden. *Grammar*. Published by the Duden editorial team. 8th, revised edition. Volume 4]. <https://www.duden.de/hilfe/grammatik> (in German).
5. Ginzburg, E.L. (1967). *Issledovanie gnezd slozhnykh slov v russkom yazyke na baze aplikativnoj modeli [Research of word-formation nests of complex words in the Russian language based on the applicative model]* [Thesis abstract, USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language]. Moscow, Russia (in Russian).
6. Ginzburg, E.L. (1973). Issledovanie struktury slovoobrazovatel'nogo gnezda [Study of the structure of a word-formation nest]. In S.K. Shaumyan (Ed.), *Problemy strukturnoi lingvistiki 1972 [Problems of structural linguistics 1972]* (pp. 146-225), Moscow: Nauka (in Russian).
7. Ginzburg, E.L. (2010). Slovoobrazovanie i sintaksis [Word formation and syntax]. Moscow: Nauka (in Russian).
8. Ivanova, A.P. (2004). *Slovoobrazovatel'nye gnezda s vershinami-naimenovaniyami chetyrekh mirovykh stikhii: diakhronicheskii aspekt [Word-forming nests with base word names of the four world elements: diachronic aspect]* [Thesis abstract]. Saint Petersburg (in Russian).
9. Khasanov, E.R. (2020). Kharakteristika slovoobrazovatel'nogo gnezda s vershinoj "lyubit'" [Characteristics of a word-formation nest with the base word "to love"]. *Aktual'noe v filologii [Relevant in Philology]*, 1, 45-49 (in Russian).
10. Kovantseva, L.Yu. (2012). Semanticheskie osobennosti determinativnykh substantivnykh kompozitov [Semantic features of determinative substantive composites]. *Vestnik RGU im.S.A. Esenina [The Bulletin of RSU named for S.A. Yesenin]*, 2(35), 143-147 (in Russian).
11. Krupnova, N.A., Morozov D.L. (2015) Glagoly-kompozity v sostave glagol'nykh gnezd nemeckogo yazyka: mehanizmy slovo- i semoobrazovaniya [Composite verbs in the structure of verbal clusters of the German language: mechanisms for word- and seme-formation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota [Philology. Theory and practice. Tambov: Gramota]*, 12(54), 102-104 (in Russian).
12. Murtazina, D.A., & Prokop'eva, R.G. (2016). Sopostavitel'nyj strukturnyj analiz slovoobrazovatel'nykh gnezd prilagatel'nykh s vershinami rich / bogatyj v anglijskom i russkom yazykakh [Comparative structural analysis of derivational adjective families of words with the tops "rich" in the English and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota [Philology. Theory and practice. Tambov: Gramota]*, 11(65), 124-127 (in Russian).
13. Pyataeva, N.V. (2016). Eshche raz o slovoobrazovatel'nom gnezde [Once again about formative families]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 3(23), 13-17 (in Russian).

14. Ramazanova, Sh. (2018). Spetsifika predstavleniya kompozitov v "Slovoobrazovatel'nom slovare russkogo yazyka A.N. Tikhonova" [Specifics of presenting composites in the "Word-formation dictionary of the Russian language by A.N. Tikhonov"]. *Türkoloji*, 91, 64-68 (in Russian).
15. Ryzhkova, A.G. (1994). Gnezda odnokorennykh slov kak element leksiko-semanticheskogo polya [Word families as elements of the lexical-semantic field]. In *Teoriya polya v sovremennoy yazykoznanii: Tezisy dokladov nauchno-teoreticheskogo seminara. [Field theory in modern linguistics. Part 3], Ufa, November 1993: theses of the scientific theoretical seminar* (pp. 43-44). Ufa, Russia (in Russian).
16. Shvedova, N.Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika v 2-kh tomakh [Russian grammar: in 2 volumes]*. Moscow: Nauka (in Russian).
17. Stepanov, Yu.S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of the Russian Culture]*. Moscow (in Russian).
18. Stepanova, M.D., & Chernyshova, I.I. (2005). *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka [Lexicology of the modern German language]*. Moscow: Akademiya (in Russian).
19. Sukhanova, I. Yu. (2005). *Slovoobrazovatel'nye gnezda s vershinoy-inoyazychnym slovom (na materiale russkoj leksiki na rubezhe XX-XXI vv.) [Word-forming nests with a foreign word as a base word (based on the material of Russian vocabulary at the turn of the 21st century)]* [Thesis abstract]. Moscow, Russia (in Russian).
20. Tikhonov, A.N. (2001). Sostoyanie nauchnoj razrabotki gnezda i perspektivy ego issledovaniya [State of scientific development of the word-formation nest and prospects for its research]. In *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu prof. A.N. Tikhonova [Current problems of Russian word formation], the I.A. Bunin Yelets State University: proceedings of the VII International scientific conference devoted to Professor A.N. Tikhonov's 70<sup>th</sup> anniversary* (pp.10-21). Yelets, Russia (in Russian).
21. Vlasova, K.A. (2002). *Slovoobrazovatel'nye gnezda molodoj-staryj: opyt raznoaspektnogo sopostavitel'nogo analiza [Word-formation nests young-old: multi-aspect comparative analysis]* [Thesis abstract]. Nizhnii Novgorod, Russia (in Russian).
22. Yakovenko, N.M. (2005). *Slovoobrazovatel'nye gnezda so znacheniem odezhda v russkom i nemetskom yazykakh [Word-forming nests with the meaning of clothing in Russian and German]* [Thesis abstract]. Saint Petersburg, Russia (in Russian).
23. Yuan', S. (2018). Slovoobrazovatel'noe gnezdo s vershinoy "lyubit": obshchaya kharakteristika i lingvokul'turologicheskie kommentarii [Word-formation nest with the base word "love": general characteristics and linguocultural comments]. *Yazyk. Kultura. Tekst [Language. Culture. Text]*, 2, 62-65 (in Russian).

## DICTIONARIES

1. *Duden: Duden online*. (2016). Bibliografisches Institut [Bibliographic Institute]. www.duden.de (in German).
2. *DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des Jahrhunderts [DWDS: The Digital Dictionary of the German Language of the Century]*. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften [Berlin-Brandenburg Academy of Sciences]. www.dwds.de (in German).

3. Evgen'eva, A.P. (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]*. RAN, Institut lingvistich. issledovanij; Moskva: Russkij yazyk [Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic research; Moscow: the Russian language] (in Russian).
4. Kuznetsova, A.I. (1986). *Slovar' morfem russkogo yazyka [Dictionary of Russian morphemes]*. Moscow: Russkij yazyk [the Russian language] (in Russian).
5. Nemetsko-russkij slovar' Mul'titran [German-Russian Dictionary Multitran]. <https://www.multitran.com/m.exe?l1=3&l2=2>
6. Tikhonov, A.N. (1990). *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2-h t. [Word-formation dictionary of the Russian language: in 2 volumes]*. Moskva: Russkij yazyk [Moscow: the Russian language] (in Russian).

### **Информация об авторе:**

**Крупнова Наталия Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культур Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал).

ORCID: 0000-0001-7029-1809.

**Получено:** 20 января 2024 г.

**Принято к публикации:** 8 апреля 2024 г.

## **WORD FORMATION AND SEMANTIC FEATURES OF COMPOSITES IN VERBAL WORD-FORMING NESTS WITH THE BASE WORD 'LYUBIT'/'LIEBEN' IN RUSSIAN AND GERMAN**

***Natalia A. Krupnova***

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University*

*(Arzamas, Russia)*

*krupnova.n.a@yandex.ru*

**Abstract:** The aim of this study is to identify the word formation, semantic, and stylistic features of words with complex bases within Russian and German verb nests, centered around the base verbs *lyubit'* / *lieben* ('to love'). This research unveils the word-forming and semantic potential of these base verbs by analyzing their complex derivatives and comparing the composites derived from *lyubit'* and *lieben*. Empirical data were collected through continuous sampling, and the word formation analysis method was employed

to describe the formation processes of the units in question. Epidigmatic analysis was utilized to examine their semantic structures, complemented by quantitative assessments of frequency and distribution. The findings indicate that word composition is the predominant method of forming complex words in both languages' verb nests, with a notable prevalence of composite nouns that exhibit a subordinate relationship between bases and are monosemantic. The study also reveals that while fusion is a method of producing composites in Russian, in German, it is limited to compound words. Reduplication, as seen in Russian composites like *lyubish-ne-lyubish* ('love-not-love'), is absent in German. The study concludes, that the analyzed words are integral to the professional lexicon of psychologists, criminologists, biologists, botanists, and others. Beyond their terminological meanings, these complex lexemes encapsulate cultural concepts that mirror the mentalities of Russian and German speakers. Recognizing these concepts is crucial for effective communication across various fields, particularly in professional contexts.

**Keywords:** composites, word-formation nest, methods of formation, polysemy, sphere of functioning, semantic structure, derivatology, complex derivatives.

**How to cite this article:** Krupnova, N.A. (2024). Word Formation and Semantic Features of Composites in Verbal Word-Forming Nests With the Base Word 'Lyubit'/ 'Lieben' in Russian and German. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 82–98 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-82-98>

#### ***About the author:***

**Natalia A. Krupnova**, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of Foreign Languages and Cultures of Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Arzamas Branch (Arzamas, Russia). ORCID: 0000-0001-7029-1809.

***Received:*** February 20, 2024.

***Accepted:*** April, 8, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-99-120>

## THE STRUCTURE AND TYPOLOGY OF YEMSA RELATIVE CLAUSES: AN EMPIRICAL STUDY

**Mitike Asrat**

*Addis Ababa University  
(Ethiopia)  
mitikeasrat2727@gmail.com*

**Girma Mengistu**

*Addis Ababa University  
(Ethiopia)  
girma.mengistu@aau.edu.et*

**Endalew Assefa**

*Addis Ababa University  
(Ethiopia)  
endexye2006@gmail.com*

**Abstract.** This study explores the internal structure of relative clauses in Yemsa, an area yet to be examined in existing literature. The research aims to address this gap by answering the following questions: What is the internal structure of the Yemsa relative clause? What kind of relative clause types occur in Yemsa, and what morphological markers are involved in the relativization process? What are the strategies in relative clause formation? What are the relativized noun phrase (NP) positions in Yemsa? Empirical data were collected through the elicitation technique through informant interviews about the structure of relative clauses in Yemsa. A descriptive approach was employed for analysis, independent of any theoretical framework. The findings reveal that headed relative clauses in Yemsa are prenominal, allowing for the relativization of subject, direct object, indirect object, oblique, and possessor NPs. The relativization strategy for the subject, direct or indirect object, is pro in situ. The oblique NP position employs a gap strategy. The relativization of possessor NP has a possessive person suffix in the possessed noun. The indicative verb is relativized in its perfective and imperfective forms. The relative verbs do not have a relativizer. The headless relative clause appears without an overt nominal head. The relativized noun phrase can be a subject, an object, or an oblique noun phrase in the headless relative clause. The role of the noun phrase within the relative clause is recoverable from the agreement suffixes attached to the relative verb. The negative relative clause is formed through the suffixation of a negative morpheme. The negative morpheme neutralizes aspects and person markers. This study contributes syntactic data to the comparative syntactic analysis of Omotic languages, enhancing our understanding of this linguistic group.

**Keywords:** relativized NP, relativization strategy, prenominal relative clause, negative relative clause.

**How to cite this article:** Asrat, M., Mengistu, G., Assefa, E. (2024). The Structure and Typology of Yemsa Relative Clauses: an Empirical Study. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 99–120. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-99-120>

## 1. INTRODUCTION

Yemsa is an Omotic language that belongs to the Yem-Kefoid sub-group of the TN group languages (Bender, 2000; Azeb, 2017). The total population of Yem is 159,923 (CSA, 2007). The total population of the Yem ethnic group in their special district was 73,075. However, this figure indicates that more than half of the Yem live outside their homeland. The Yem ethnic group prefers to call themselves Yem or Yemma (Aklilu, 1992; Getachew, 2001; Derib, 2004; Zaugg-Correti, 2013). Yemsa is spoken by the Yem people in the southwestern part of Ethiopia, in the former SNNP (Southern Nations, Nationalities, and People's Region) and the present Central Ethiopia regional state, particularly in the Fofa area. This paper is aimed at providing a detailed description of the relative clause in Yemsa.

The Yem people have a very positive attitude towards their mother tongue, which they use at home, school, and the office (Aklilu et al., 2002). Yemsa has institutional value in schools and administrative offices in Yemsa Special District. On the other hand, it also serves as a media language on South FM radio and newspapers. The writing system of the language uses Latin script as orthography.

Grammatical descriptions have been produced for Yemsa in the past. However, the depth of the description of relative clauses is limited. For instance, Derib (2004) and Teshome (2007) describe the structure of noun phrases and simple verbal and nominal clauses in Yemsa in the light of Parameter and Principle Theory and the Minimalist Theory, respectively. However, they did not describe relative clauses in detail.

As a result, the description of the internal structure of relative clauses in an Omotic language of southwestern Ethiopia presents fertile ground for linguistic exploration. A detailed description focusing on the internal structure of the relative clause is not available. This gap exposes a crucial area of linguistic inquiry, considering the potential of such studies to illuminate the interconnection between morphology, syntax, and semantics in lesser-documented languages.

There is a research gap in the internal structure of the relative clause. The existing studies are phonological or morphological and predominantly catalog the phonological and basic morphosyntactic properties of Yemsa, with limited attention to relative clause structure. This oversight leaves a substantial knowledge gap in the relative clause of Yemsa, in the relativized NP features, the relativized NP positions, and the relativization strategies.

The aim of this study is to fill the identified gap by analysing the relative clauses in Yemsa. Through this examination, the study seeks to identify Yemsa's relative clause types, the relativized position, the relativized element, the relativization strategies, and syntactical features to describe its linguistic framework and contribute to the comparative studies of relative clauses in Afroasiatic languages. Specifically, the study seeks to analyse the relativized element and the relativization strategies of the relative clause, thereby contributing to a better understanding of its grammatical and syntactical facts. Through this examination, the research aims to fill a significant gap in the

existing literature by providing comprehensive data on the relative clause structure in Yemsa. This activity will enhance the knowledge of Yemsa's relative clause structure, offer comparative perspectives with other Afroasiatic languages, and contribute to broader discussions in linguistic typology.

The study addresses the following research questions: 1. What is the internal structure of the Yemsa relative clause? 2. What kinds of relative clauses occur in Yemsa, and what morphological markers are involved in the relativization? 3. What are the strategies used to form a relative clause and the relativized position? There are three properties of relative clauses (RC): dependency, a statement about the relativized noun phrase (NP), and modification of the head noun (HN) (Downing, 1978). However, the study focuses on the HN and the internal structure of the relative clauses.

The paper is organized into five sections, the first of which is an introductory section. Section two is concerned with a cross-linguistic overview of relative clauses. Section three introduces the method used in this study. Section four is devoted to a detailed description of relative clauses in Yemsa. Section five concludes the paper.

## 2. THEORETICAL BACKGROUND

The relative clause is a subordinate or embedded clause that modifies a head noun inside a noun phrase (Givón, 1993; Miller, 2002; Hermann, 2005; Dixon, 2009; Van Lier, 2009). Of which shares the same semantic pivot, or NP, with the matrix clause (De Vries 2001, 2002).

Cross-linguistically, there are different criteria to classify RCs in typology. In terms of the position of the head noun, RCs are classified into externally headed postnominal or prenominal, internally headed, double-headed, headless, correlative, adjoined, and mixed (Payne, 1997; De Vries, 2002; Herrmann, 2003; Dryer, 2005b; Andrews, 2007; Cinque, 2020). Externally-headed RCs classification into postnominal and prenominal is strongly related to the language's word order typology (Downing, 1978; Comrie, 1989; Payne, 1997). The OV (object-verb) and RelN languages are languages in which the object precedes the verb; the RC precedes the HN (Dryer, 2005c). Postnominal RCs are common in VO (verb-object) languages, while prenominal RCs are found almost exclusively in OV languages (Cinque, 2005). Cinque (2005) proposes the following word order-RC type relationship: a. If VO, then NRel; b. If rigid OV, then RelN. c. If non-rigid OV, then NRel or both NRel and RelN (Cinque, 2005). Cinque (2013) argues that the RC and the word order relationship can be generalized into two categories: a.  $VO \supset NRel$ ; b.  $RelN \supset OV$ .

RCs are classified as restrictive and non-restrictive relative clauses based on function (Comrie, 1989; Payne, 1997; Givón, 2001b; De Vries, 2002; Castillo, 2003; Hermann, 2005; Andrews, 2007). While the restrictive relative clause gives essential formation about the head noun, the non-restrictive relative clauses add information about an identified NP (Comrie, 1989; Fabb, 1990; Cinque, 2020). Restrictive relative clauses are considered more common than non-restrictive relative clauses (Givón, 1993). The restrictive relative clauses have some general features (Antinckl et al., 1979). The non-restrictive relative clauses provide non-specific information about NP (Huddleston, 1984; Quirk et al., 1985; Castillo, 2003). The non-restrictive relative clause can give some information about proper names, but the restrictive relative clause cannot (Del Gobbo, 2007). The RC headed by the proper names cannot be a restrictive relative clause; however, they are non-restrictive relative clauses (Castillo, 2003). Proper nouns and other naming expressions usually do not occur with a modifier since the name refers to a specific person, place, or institution (Biber et al., 1999). The non-restrictive relative clause differs from the restrictive relative clause in several ways, including differences concerning possible antecedents, scope, and relative elements (De

Vires, 2006). The non-restrictive relative clauses were separated from their HN by an intonational break or pause, indicated by a comma in written English (Givon, 1993).

The head noun appears in the surface structure, or a visible head noun occurs in the relative clause construction in headed relative clauses, whereas headless relative clauses lack an NP in the surface structure or are without a visible head noun (Andrews, 1975; Friedmann et al., 2009; De Vires, 2018). Caponigro (2020) lists the features of headless relative clauses. The NP rel is either a pronoun or a full NP; most languages have headless RCs in which the NP rel is a pronoun (Andrews, 1975). The headless RC can be in the subject position, direct object position, or dative object position (Van Riemsdijk, 2006). Locative and temporal-free relatives can occur, which share the distributional properties of both NPs and PPs (Bresnan & Grimshaw, 1978).

There are strategies to relativize NP elements of RC (Comrie, 1989; Payne, 1997; Comrie, 1998; Comrie & Kuteva, 2005). The strategies are the non-embedding strategy, the gap (zero) strategy, the anaphoric pronoun strategy, the relative pronoun strategy, the verb agreement strategy, the word-order strategy, the equi-case strategy, the verb-coding strategy, and the stranded case marking strategy (Givón, 2001b). However, the more common strategies are pronoun retention, relative pronouns, nonreduction, and gapping (Comrie, 1989; Payne, 1997). In the gapping strategy, the RC characterizes the absence of a marker or the lack of indication of the HN within the RC (Comrie, 1989; Payne, 1997).

The pronoun retention strategy is a personal pronoun in the restricting clause, which is co-referential with the HN (Comrie, 1989; Song, 2001). The use of the pronoun retention strategy is considered one of the factors affecting the degree of accessibility (Ariel 1990; 1999). The factors affecting the degree of accessibility are the distance between the head and the relativized NP, the restrictiveness of an RC, the complexity of a head noun, and the obligatoriness of a relativized NP (Ariel, 1999). The pro in situ strategy uses the agreement element. In pro in situ, an empty or phonetically unrealized category is identified or licensed by an agreement marker in the RC (Jaeggli, 1984; Andrews, 2007).

As Keenan and Comrie (1977) and Comrie and Keenan (1979) argue, the cross-linguistic distributions of resumptive pronouns and gaps in RCs differ. In resumptive pronouns, the pronoun is co-referential with the HN of the RC (Francis et al., 2015). The RC in many languages has resumptive pronouns, which are overt phonological realizations of gaps in the RC (Doron, 2011). Personal, possessive, demonstrative, existential (there), and adverbial (demonstrative) are examples of resumptive pronouns (Herrmann, 2003). Furthermore, different factors influence the use of the resumptive pronoun, such as definiteness and animacy (Prince, 1990). If a language uses resumptive pronouns in its accessibility hierarchy, it also uses them for all types to the right (Moravcsik, 2011).

There is an accessibility hierarchy in which some elements are more relativized than others. As Keenan and Comrie (1977) argue, different languages follow one universal hierarchy in relativization. They develop an outline of the accessibility hierarchy, as shown below.

subject > direct object > indirect object > oblique object > possessor > object of comparison

If a language allows relativization of the oblique object position, other positions to the left in the hierarchy, such as indirect and direct objects and subject NPs, can be relativized (Keenan & Comrie, 1977; Comrie & Keenan, 1979; Comrie, 1989). The zero-coded co-referent noun inside the RC occupies an indirect object role (Givon, 1993). A zero relativizer is an RC that omits a relativizer (Biber et al., 2002).

The possessive constructions have a possessee and possessor, where the possessor refers to

persons, third-person possessors, genitive agents, and possessor classes (Ulan, 1978). The possessor is represented by a noun, a pronoun, a separate word, and a morpheme attached to the possessed noun (Karvovskaya, 2018). As Aikhenvald (2013) argues, formal marking of possessive NPs includes simple juxtaposition, genitive case marking, marking on the possessor or possessee, or both, and an independent marker.

The most common sentence structure appears to be one in which the NP subject performs the action denoted by the verb (thus having the semantic role of an agent) (Kim and Sells, 2008). The indirect object's multiple semantic roles are goal, recipient, allative, and ablative (Givón, 2010a; Kim & Sells, 2008). An oblique phrase is an NP or an adpositional phrase (prepositional or postpositional) that serves as an adverbial modifier (adjunct) to the verb, such as source, goal, instruments, benefactives, and comitative (Dryer, 2005a). An instrument, a recipient, a beneficiary, a time, a place, a manner, or a variety of thematic roles are peripheral arguments (Dixon, 2010). The benefactive thematic role is the entity that benefits from the action (Kim & Sells, 2008). As Blake (2004a, 2004b) argues, case-marking strategies in a subordinate clause are (a) no change from the schema used in an independent clause, (b) a nonfinite predicate, and (c) nominalization. Most languages form a negative sentence from an affirmative sentence through the negative element (Bhat, 2004).

### 3. MATERIAL AND METHODS

The description of relative clauses uses the typology of Keenan and Comire (1977), Comire and Keenan (1979), Comire (1989), and Fabb (1990). The typologies corresponding to the objectives apply to the analyses. This consideration shows that a descriptive approach applies to the analyses. Wells (1963) argues that descriptive linguistics is a set of prescriptions for description. In addition, it is supplemented by the disclosure of the semantic and functional components of the relative clauses.

The informants were selected based on their language competence. All informants are native speakers of Yemsa. The data for this study were collected from the Saja and Fofa areas, where the native speakers of the language live. Four informants, Demeke Jenbere, Tekalegn Ayalew, Almaz Tesfaye, and Adanche Kebede, were used as key informants. Due to time and financial issues, the number of informants is four, whose speeches are the source of Yemsa's examples. In terms of age, Demeke is 42, Tekalegn is 60, Almaz is 40, and Adanche is 54. In terms of gender, two male and two female informants were consulted. All of them worked on supplying linguistic data and conducting discussion sessions.

The data were collected mainly through informant interviews using the elicitation technique about the internal structure of relative clauses in Yemsa based on sentences. The elicited sentences were uttered for the informants in Amharic. Then, the informants were requested to offer Yemsa equivalents for the sentences. The data were supplemented by texts. After this event, discussion sessions with the informants were held to clarify the data and minimize confusion.

The data were analysed qualitatively. The data were analysed based on observable facts to show how the language is used. The data were analysed using a descriptive approach to show the structure of the Yemsa relative clause. The data were carefully transcribed, annotated, segmented, analysed, translated, and interpreted. According to the data, the grammatical facts and regular patterns that occurred in the structures are described. Some shortcomings are unavoidable due to time limitations. The data were transcribed phonetically and phonemically through IPA (International

Phonetic Alphabet) symbols. When there is a difference between phonetic and phonemic forms, four-line glossing is used: (i) phonetic form; (ii) morphological form with morpheme-by-morpheme segmentation; (iii) morphological glossing; (iv) free translation.

## 4. RESULTS AND DISCUSSION

### 4.1. Subject relativization

Languages differ in terms of the position of the NP that they turn relativized. The subject NP is relativized in Yemsa. *ʔàsūu-s* ‘the woman’ is relativized, as in 1. The woman is the subject of the RC. In addition, the *-f* is an imperfective marker that appears with the person marker *-ē* ‘3MS’.

- 1        [kèj̥àasōn wàagèfà ʔàsūus míʔifà]  
           kèj̥àa-s-ōn                    wàagè-f-à                    ʔàsūu-s                    míʔ-f-à  
           house-DEF-ACC            buy-IPFV-3FS            woman-DEF            laugh-IPFV-3FS  
           ‘The woman who is to buy the house laughs.’

The RCs are typically classified depending on the syntactic function of the relativized HN inside the RC. For example, the RC appearing before the head noun that functions as the subject of the RC is termed subject relativization. Therefore, it occurs in 1 and 2 (a and b) because the HN inside the RC is the subject of the RC.

- (2)    a.        sàabòo-s-ōn                    ʔúf                    ʔàsùu-s                    kàssè-dīf-ē  
           milk-DEF-ACC                    drink.PFV.3MS                    man-DEF                    play-PROG-3MS  
           ‘The man who drank the milk is playing’  
       b.        [kòʔùusōn ʔòp’ kànàas t̥àp’it̥à wà]  
           kòʔùu-s-ōn                    ʔòp’                    kànàa-s                    t̥àp’it̥à                    wà  
           rat-DEF-ACC                    catch.PFV.3FS                    dog-DEF                    fast                    COP.PRES  
           ‘The dog who caught the rat is fast.’

Typologically, verb-final languages use prenominal RCs with RelNP deletion and sometimes verb-marking, but never any relative pronouns or movement of RelNP (Downing 1978). Yemsa is a verb-final language. As shown in 3 (a and b), the RCs appear before the HN. The RCs are prenominal. They are RelN  $\supset$  OV.

- (3)    a.        [nàgàdnī f̥òwònnò kūt̥ifē nàasā ʔàbà]  
           nàgàd-nī                    f̥òwònnò                    kūt̥-f-ē                    nàa-s-ā                    ʔàbà  
           business-on                    lot                    travel-IPFV-3MS                    boy-DEF-GEN                    father  
           [ʔèskàbàk d̥ʒimmàsī wà]  
           ʔèskàbàkd̥ʒimmà-sī                    wà  
           moment                    jimma-IN                    COP.PRES  
           ‘The boy’s father who travels a lot on business is in Jimma at the moment.’  
       b.        [kàamà ʔàssidīfē ʔàssinj̥àas mèʃnèt̥ibāasōn]  
           kàamà                    ʔàss-dīf-ē                    ʔàssinj̥aa-s                    mèʃnèt̥-bāa-s-ōn  
           language                    teach-PROG-3MS                    teacher-DEF                    lunch-3MS.POSS-DEF-ACC  
           [kàafèsī mée]

kàafè-sī                      mée  
 café-IN                      eat.PFV.3MS  
 ‘The teacher who is teaching language had eaten his lunch in the cafe.’

There is no relative pronoun in Ethiopian prenominal languages (Tong, 2012), but there are many other relativizers, linkers, complementizers, and zero relativizers (Tong, 2012). As shown in 3 (a and b), Yemsa is a prenominal language. No relativizer introduces the clause as an RC or zero relativizer. There is no relative pronoun, relativizer, or particle in the RCs of Yemsa. The agreement marker indicates the HNs in the RCS.

The imperfective and future relative verbs are inflected for the 3MS (3d person masculine singular) and 3FS (3d person feminine singular). In 4 (a and b), for example, *mèr-f-ē* ‘wins’ and *hàmà-nī-r* ‘will go’ inflect for 3MS and 3FS. *-ē* and *-nī* are person markers in relative verbs. They indicate an empty or pro element (NP rel) in each restricting clause.

- (4) a. [wòssàmaasōn mèrifē ?àsùu mí?ìdīfē]  
       wòssàma-s-ōn              mèr-f-ē                      ?àsùu-s              mí?-dīf-e  
       prize-DEF-ACC              win-IPFV-3MS              man-DEF              laugh-PROG-3MS  
       ‘The man who is to win the prize is laughing.’
- b. fòfà-kī              hà-m-à-nì              ?àsūu-s              màajàa-s-ōn              wàagè-dīf-ā  
       fofa-ALL              go-IRR-3FS              woman-DEF              cloth-DEF-ACC              buy-PROG-3FS  
       ‘The woman who will go to Fofa is buying the cloth.’

As shown in 4 (a and b), the relativized NPs are covert (empty) in the relative clauses. Hence, any overt lexical item does not occupy the position of the NP rel in relative clauses. The HNs *?àsùu-s* ‘the man’ and *?àsūu-s* ‘the woman’ are covert (empty) elements in the relative clauses.

The empty element is recoverable from the person markers of *-ē* 3MS and *-nī* 3FS, which are attached to the relative verbs in each relative clause. Hence, the person agreements *-ē* 3MS and *-nī* 3FS are co-referential with the HNs *?àsùu-s* ‘the man’ and *?àsūu-s* ‘the woman’ in 4 (a and b).

In the above examples, we do not find relative pronouns, overt pronouns, or full-fledged nouns in the relativized NP position. This indicates that those strategies do not apply to subject NP relativization. The subject NPs are covert or phonetically unrealized in the RCs. Hence, we find the inflectional morphemes (agreement markers) *-à* 3FS, *-ē* 3MS, and *-nī* 3FS in each RC. The inflectional morphemes are co-referential with the HNs. One could argue that subject NP relativization follows a pro in situ strategy because the agreement markers can represent the covert NP in the relative clause.

The RC modifies the subject, or the HN. As shown in the above examples, the RCs modify HNs. However, the HN can be modified by possessive construction, as in 5.

- (5) kèjāa-s-ōn              wàagè              náa-s-ā              ?if              hà-m  
       house-DEF-ACC              buy.PFV.3MS              boy-DEF-GEN              uncle              go.PFV.3MS  
       ‘The boy’s uncle who bought the house went.’

The RC modifies the possessive NP, which is the subject of the matrix clause. As shown in 5, the HN is modified by the genitive case. The possessive NP occurs between the HN and the RC.

The NP subject serves as the agent in the above examples. For instance, the semantic role of

the NP rel is an agent, as in 5. The HN *ʔif* ‘uncle’ is the agent of the relative verb. The nominative case is unmarked in the RCs. As a result, in the case-marking strategy in the subordinate clause, Yemsa belongs to group a, which is unchanged from the schema used in the independent clause.

## 4.2. Object relativization

A transitive verb has a direct object. A ditransitive verb has both direct and indirect objects. The RC can modify the object of the embedded construction. The relativization of direct and indirect objects depends on the nature of the verb. Under 4.2.1. and 4.2.2. subtitles, direct and indirect object relativizations are shown in Yemsa.

### 4.2.1. Direct object relativization

As shown in 6 (a and b), *ʔéetóo-s* ‘the lion’ and *fàntùu-s* ‘the sheep’ are direct objects of the RCs. Hence, the direct object is relativized. Direct object relativization is one type of non-subject relativization that modifies a nominal expression, which is the object in 6 (a and b).

- (6) a. [wòtàdèriis k’áwwèk wóriná ʔéetóos]  
 wòtàdèr-s k’áwwè-k wórí-ná ʔéetóo-s  
 solider-DEF gun-INST kill.PVF.3MS.Sj-3MS.Oj lion-DEF  
 [digàbàafà wà]  
 digàbàafà wà  
 brave COP.PRES  
 ‘The lion which the solider killed with a gun is brave.’
- b. [ʔéetóos kàbgìfēná fàntùus ʔàatè]  
 ʔéetóo-s kàbg-f-ē-ná fàntùu-s ʔàatè  
 lion-DEF chase-IPFV-3MS.Sj-3MS.Oj sheep-DEF escape.PFV.3MS  
 ‘The sheep which the lion chases escaped.’

The perfective and imperfective relative verbs contain object agreement markers *-ná* in *wóriná* ‘killed’ and *kàbgì-f-ē-ná* ‘chases’, as shown in 6 (a and b). The direct objects do not appear phonetically in the RCs. However, they are recoverable from the object agreement. The object agreement markings indicate the role of the HNs in the RCs. As a result, direct object relativized NP is represented by *-ná* in the RCs.

The relativized direct objects can be animate or inanimate, as shown in 7 (a and b). The *ʔéetóo-s* ‘the lion’ and *kèjàa-s* ‘the house’ are animate and inanimate nouns, respectively.

- (7) a. [wòtàdèriis ʔíjfiná ʔéetóos kítí]  
 wòtàdèr-s ʔíjfi-ná ʔéetóo-s kítí  
 solider-DEF hit.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj lion-DEF die.PFV.3MS  
 ‘The lion which the soldier hit died.’
- b. nàa-s kár-ná kòdàa-s ʔàkàmà wà  
 boy-DEF make.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj chair-DEF big COP.PRES  
 ‘The chair that the boy made is big.’

The direct object relativization strategy is compatible with a pro in situ. The covert or empty

element (pro) is recovered from the object agreement -ná. It is attached to the relative verbs in each RC. We can argue that the relativization strategy of the direct object is pro in situ, as in 6 (a and b) and 7 (a and b).

As in 6 (a) and 7 (a), the direct objects are patients of the relative verbs. The NP rel is the direct object of the relative verb. The NP rel is the subject of the main clause.

The word order of transitive verbs is SOV, as in 8 (a). The subject is placed in a clause-initial position. Hence, *wòtàdèrii-s* ‘the soldier’ is the subject of the main verb, whereas *ʔéetóo-s-ōn* ‘the lion’ is the object of the main verb. The object agreement marker is optional in the main verb form, as in 8(a), but not in the relative verb, as in 8(b). Therefore, an object marker is mandatory in the RC.

- (8) a. [wòtàdèriis ʔéetóosōn wórí]  
 wòtàdèr-s ʔéetóo-s-ōn wórí  
 solider-DEF lion-DEF-ACC kill.PVF.3MS  
 ‘The soldier killed the lion.’
- b. [wòtàdèriis k’àwwèk wóriná ʔéetóos]  
 wòtàdèr-s k’àwwè-k wórí-ná éetóo-s  
 solider-DEF gun-INST kill.PVF.3MS.Sj-3MS.Oj lion-DEF  
 [dìgàbàafà wà]  
 dìgàbàafà wà  
 brave COP.PRES  
 ‘The lion which the soldier killed with the gun is brave.’

The object agreement marker should always be present. If not, the whole sentence becomes ungrammatical. As shown in 9, the absence of the object marker makes the entire clause structure ungrammatical.

- (9)\* ʔàsúu-s wiisē fizóo-s ʔàkàmà wà  
 man-DEF steal.PFV.3MS goat.DEF big COP.PRES  
 ‘The goat which the man stole is big.’

#### 4.2.2. Indirect object relativization

The indirect object is relativized in Yemsa. The following examples show indirect object relativization:

- (10) a. [ʔàsūus màajà ʔĩmitènà nàwàas]  
 ʔàsūu-s màajà ʔĩm-tè-nà nàwàa-s  
 woman-DEF cloth give.PFV.3FS.Sj-APPL-3FS.Oj girl-DEF  
 [hàm]  
 hàmm  
 go.PFV.3FS  
 ‘The girl to whom the woman was given a cloth went.’
- b. [ʔàbàas bìsikilèt wàagètèná nàas]  
 ʔàbàa-s bìsikilèt wàagè-tè-ná nàa-s  
 father-DEF bicycle buy.PFV.3MS.Sj-APPL-3MS.Oj boy-DEF  
 [dànàsè]

dàràsè  
 dance.PFV.3MS  
 ‘The boy to whom the father bought a bicycle danced.’

The indirect object is relativized, as in 10 (a and b) *nàwàa-s* ‘the girl’ and *náa-s* ‘the boy’ are HNs of RCs. The relative verb suffixes *-tè*, which appears in indirect object relativization. The indirect object relativization is done through the suffix *-tè*.

As shown in 10 (a and b), the NPs in the RCs have an indirect object role. They are empty or covert in the RCs. Accordingly, overt lexical NP does not exist in RCs that correspond to HNs in RCs. The indirect NPs are covert in RCs.

As shown in 11 (b), the indirect object is relativized. The indirect object relativization is impossible without the applicative marker *-tè*. In the simple form, the main verb does not have the suffix *-te*, as in 11 (a), whereas the relative verb has the applicative marker *-tè*, as in 11 (b). Compare 11 (a) with 11 (b).

- (11) a. [wòtàdèriis ʔàsūusik dèebdàabèesin tíǰǰí]  
 wòtàdèr-s ʔàsūu-s-k dèebdàabèe-s-in tíǰǰí  
 solider-DEF woman-DEF-DAT letter-DEF-ACC write.PFV.3MS  
 ‘The soldier wrote the letter to the woman.’
- b. [wòtàdèriis dèebdàabèesin tíǰǰítèná ʔàsūus]  
 wòtàdèr-s dèebdàabèe-s-in tíǰǰí-tè-ná ʔàsūu-s  
 solider-DEF letter-DEF-ACC write.PFV.3MS.Sj-APPL-3MS.Oj woman-DEF  
 [tàsōnòn jóoní]  
 tàsōnòn jóo-ní  
 soon come.IRR-3MS  
 ‘The woman to whom the soldier wrote the letter will come soon.’

The NP rel is covert in RCs. It is possible to say that the morpheme *-tè* in the relative verb indicates the empty element (NP rel) in each relative clause. Regarding the strategy, indirect object relativization is like a subject, and direct object relativization is used pro in situ as a strategy.

### 4.3. Oblique relativization

The oblique complements are relativizable in Yemsa. The following discussion shows the relativization of the oblique complement. For the convenience of the discussion, the markers of source, instrumental, and benefactive thematic roles are discussed in the following paragraph.

The presence of instruments does not indicate the presence of a patient; it shows how the motion event is carried out, which is not a structurally or syntactically defined case but a semantically defined case that marks peripheral participants and adjuncts (Narrog, 2009). The instrumental case in the phrase *fàz-k* ‘by horse’, indicates how the action is carried out. It is marked by *-k*. There is an instrument, but not a patient. In the phrase *ʔàsūusik* ‘for the women’, the benefactive thematic role is indicated through *-k*.

The oblique NP is relativized. Hence, the relativized oblique NPs have instrumental, benefactive, malffective, locative, and temporal semantic roles. The following examples demonstrate instrumental case relativization:

- (12) a. [wòtàdèriis ʔéetóosōn wóriná k’àwwès]

- wòtàdèr-s      ?éetóo-s-ōn      wórí-ná      k'áwwè-s  
solider-DEF    lion-DEF-ACC    kill.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj    gun-DEF  
[?àkàmà wà]  
?àkàmà                      wà  
big                              COP.PRES  
‘The gun with which the soldier killed the lion is big.’
- b. [tàddèsè hám-ná fàzìs kítí]  
tàddèsè      hám-ná                      fàz-s      kítí  
tadesse      go.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj      horse-DEF      die.PFV.3FS  
‘The horse by which Tadesse went died.’

In 12 (a and b), the instrumental thematic role is an HN of RC. As a result, the oblique construction is relativized. The relativized NP is empty in the RCs. There is no instrumental case marker in *wòrì-ná* ‘killed’ and *hám-ná* ‘went’. Therefore, the instrumental case marker does not appear in the relative verbs. As a result, it uses gapping as a strategy. The HN of RCs is a non-animate noun, as in *k'áwwè-s* ‘the gun’ in 12 (a), or an animate noun, as in *fàz-s* ‘the horse’ in 12 (b).

The benefactive thematic role is relativized, as shown in 13 (a and b).

- (13) a. sèlèmòn      wàgà      ?īm-ná                      nàa-s      hám  
Solomon      money      give.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj      boy-DEF      go.PFV.3MS  
‘The boy to whom Solomon gave money went.’ (For the advantage of his)
- b. tàddèsè      bùlō-bàa-s-ōn                      bùlè-ná                      ?àsūu-s  
tadesse      farm-3FS.POSS-DEF-ACC      plough.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj      woman-DEF  
zàgà                      wà  
clever                      COP.PRES  
‘The woman for whom Tadesse ploughed the farm is clever.’ (For the benefit of her)

In 13 (a and b), the HNs of RCs are the oblique cases. The relativized NP is empty in each RC. There is no oblique case marking in the relative verb.

An NP with a malefactive thematic role can be relativized. The following example shows oblique relativization with a malefactive thematic role:

- (14) [wìisiis wàrk'èbàasōn wìisēnà nàwàas]  
wìis-s      wàrk'è-bàa-s-ōn                      wìisē-ná                      nàwàa-s  
thief-DEF    gold-3FS.POSS-DEF-ACC    steal.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj    girl-DEF  
[hám]  
hám  
go.PFV.3FS  
‘The girl from whom the thief stole a gold went.’ (For the disadvantage of her)

The malefactive thematic role appears in the HN of RC, as in 14. The relativized NP is empty in RC. There is no malefactive case marking on the relative verb in the RC.

An NP with a temporal thematic role can be relativized in Yemsa. Consider the following example:

- (15) [fāwō wùzāsikitònòn zàgná kòontònī]

ʃàwō wùzāa-s-kitò-nòn zàg-ná kòontòní  
 lot thing-DEF-PL-ACC do.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj birthday  
 [wònà ʔàaf-wà jóoní]  
 wònà ʔàa-fáwà jóo-ní  
 again NEG-be.there.3MS come.IRR-3MS  
 ‘The birthday on which we have done a lot of things will never come again.’

In (15), the oblique phrase *kòontòní* ‘the birth day’ is HN of RC. The NP rel is empty in RC, which is not recoverable from the relative verb structure.

As in 12 (a and b), 13 (a and b), 14, and 15, oblique case marking does not occur in the relative verb. The NP rel in each RC, i.e. the empty element or pro, is not recoverable from the case marker. One could argue that Yemsa’s relativization of oblique NP employs a gap strategy.

#### 4.4. Possessor relativization

The possessor NP can also be relativizable under the RC. As shown in 16, the possessive construction has a possessor, *ʔàsūu-s* ‘the woman’. On the other hand, *kán-bà* ‘her dog’, is a possessed noun.

(16) [wònnàwònnà kánbà ʃàagifàná ʔàsūus]  
 wònnàwònnà kán-bà ʃàag-f-à-nà ʔàsūu-s  
 all the time dog-3FS.POSS bark-IPFV-3FS.Sj-3FS.Oj woman-DEF  
 [nàwbàasnèen ʔànetū fèefà]  
 nàw-bàa-s-nèen ʔànetū fèe-f-à  
 daughter-3FS.POSS-DEF-COMIT together live-IPFV-3FS  
 ‘The woman whose dog barks all the time lives together with her daughter.’

As in 16, possessor relativization describes ownership relations.

As shown in 17 (a and b), the relationship between the possessor and the possessed noun is a kinship relation through blood and marriage, respectively.

(17) a. [ʔíntōbā mùuziisōn wàagèná nàas]  
 ʔíntō-bā mùuz-s-ōn wàagè-ná nàa-s  
 mother-3MS.POSS banana-DEF-ACC buy.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj boy-DEF  
 hàam  
 go.PFV.3MS  
 ‘The boy whose mother bought the banana went.’  
 b. móo-bā mànònòn tàné-ná ʔàsùu-s giràa  
 wife-3MS.POSS twin deliver.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj man-DEF happy  
 sìn  
 become.PFV.3MS  
 ‘The man whose wife delivered twins became happy.’

Nouns can be alienable or inalienable (Aikhenvald, 2013). As shown in 16, it describes own-

ership relations as alienably possessive, whereas, as shown in 17 (a and b), they describe kinship relations through blood and marriage as inalienably possessive, as indicated by the possessor relativization.

As shown in 16 and 17 (a and b), the possessor noun is the HN of RCs. The possessor nouns are *ʔàsūu-s* ‘the woman’, *náa-s* ‘the boy’, and *ʔàsūu-s* ‘the man’. Accordingly, the possessed nouns *kán-bà* ‘dog’, *ʔíntō-bā* ‘mother’, and *móo-bā* ‘wife’ appear in the relative clause, whose suffixes for possessive persons are *-bā* and *-bà*. As a result, the possessed noun is suffixed with a possessive person suffix. The possessive person suffix represents the possessor noun.

The possessor NP is covert (empty) in the relative clause. The possessive person suffixes appear in the possessed noun. Therefore, the possessive person suffixes appear overtly in the relative clause, as in 18 (a and b). These possessive person suffixes represent the possessor in the RC.

- (18) a. [ʔàrùnjàabā dèebdàabè tíʃíná]  
 ʔàrùnjàa-bā dèebdàabè tíʃí-ná  
 student-3MS.POSS letter write.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj  
 [ʔássinjàas zòmòtāa wà]  
 ʔássinjàa-s zòmò-tāa wà  
 teacher-DEF friend-1SG.POSS COP.PRES  
 ‘The teacher whose student wrote a letter is my friend.’
- b. [wàagibā wìisēná ʔàsùus ʔàkàmànōn]  
 wàag-bā wìisē-ná ʔàsùu-s ʔàkàmànōn  
 money-3MS.POSS steal.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj man-DEF very  
 [hāré]  
 hāré  
 angry.PFV.3MS  
 ‘The man whose money was stolen is very angry.’

As shown in 18 (a and b), the possessor is a person.

The possessor and the possessed are identified by the genitive case or by their respective phrase-internal orderings (Ultan, 1978). As shown in 19, the genitive marker attaches to the possessor noun. The phrase internal order is a possessor-possessed noun.

- (19) [gàbàkī hām nàasā ʔàbà fāntùu wàagè]  
 gàbà-kī hām nàa-s-ā ʔàbà fāntùu wàagè  
 market-ALL go.PFV.3MS boy-DEF-GEN father sheep buy.PFV.3MS  
 ‘The boy’s father who went to the market bought a sheep.’

As shown in 19, the possessive construction appears in the possessor noun. The genitive marker attaches to the possessor. As a result, it is compatible with b, which is the formal marking of possessive NP through the genitive case. Several features correlate with the SOV word order of Ethiopian languages; for instance, possessor (genitive) precedes the possessed (Crass & Meyer, 2008). As in 19, the possessor precedes the possessed. The occurrence of the genitive marker in a possessor noun shows that the genitive NP order is possessor-possessed.

As shown in 16, 17 (a and b), and 18 (a and b), the possessive person suffix occurs in the RCs.

As a result, possessive person suffixes are attached to the possessed noun. These possessive person suffixes are co-referential with the HNs: *ʔàsūu-s* ‘the woman’, *náa-s* ‘the boy’, *ʔàsùu-s* ‘the man’, and *ʔássinjàa-s* ‘the teacher’.

As shown in 17, 18 (a and b), and 19, possessive person suffixes are phonetically realized (overt) in RC. They are affixes to the possessed noun.

The possessor NP is represented in each RC by overt possessive person suffixes. For the convenience of the discussion, the following personal and possessive person suffixes are presented:

Table 1. Personal pronoun and Possessive person suffix of Yemsa adapted from Zaugg-Coretti (2013, p. 80-96)

Personal pronoun			Possessive person suffix	
Person	SG	PL	SG	PL
1	tá	innò	-nà(f) -tà(m)	-nì
2	ně	nittó	-nè	-ntī
2 END	nīfī		-ntī	
2 POL	nì	nīinò	-nì	
3FS	bār	bārikītō	-bà	-bā
3MS	bār	bāsākitō	-bā	-bá
3POL	bāas	bāassò	-bèsi	

As in 16, 17 (a and b), and 18 (a and b), the possessed noun is suffixed *-bā* ‘his’ and *-bà* ‘her’ as in *kán-bà* ‘dog’, *ʔintō-bā* ‘mother’, *móo-bā* ‘wife’, *ʔàr̀unjàa-bā* ‘student’, and *wàag-bā* ‘money’. The HNs *ʔàsūu-s* ‘the woman’, *náa-s* ‘the boy’, *ʔàsùu-s* ‘the man’, and *ʔássinjàa-s* ‘the teacher’ are possessors. The possessor NPs are represented by a possessive person suffix in each RC. Therefore, it is possible to claim that the relativization of possessor NP has a possessive person suffix in the possessed noun.

As shown in 20 (a and b), the RRCs give information about the HNs for identification. They modify the meaning of the head nominal. The HNs are identical to the NPs of the RRCs, which are missing in the RRCs.

- (20) a. k̀ejàa-s-ōn                      dání                      ʔàsùu-s                      kúní  
house-DEF-ACC                      find.PFV.3MS                      man-DEF                      sleep.PFV.3MS  
‘The man who found the house slept.’
- b. [nàwàasik dàabòo lósi ʔàsūs dii]  
nàwàa-s-k                      dàabòo                      lósi                      ʔàsūu-s                      dii  
child.-DEF-DAT                      bread                      bake.PFV.3FS                      woman-DEF                      sit.PFV.3FS  
‘The woman who baked bread to the child is sat.’

The modified noun is the subject in RRC (restrictive relative clause), and the predicate is the RC (Fabb, 1990). As shown in 20 (a and b), the HNs *ʔàsùu-s* ‘the man’ and *ʔàsūu-s* ‘the woman’ are subjects of RRC, whereas the RCs are a predicate of RRC.

As shown in 21 (a and b), the NRRCs (non-restrictive relative clauses) provide additional information about the HNs.

- (21) a. [m̀òobāasōn wórí tèkà ʔàf̀un tàatòtà wà]

- mòo-bāa-s-ōn                      wórí                      tèkà                      ʔàjùn                      tàatò-tà wà  
 wife-3MS.POSS-DEF-ACC      kill.PFV.3MS      teka                      still                      prison-in COP.PRES  
 ‘Teka, who killed his wife, is still in prison.’
- b. [nàwibèsí ʔàdisàabàkī hám ʔàbràhàm]  
 nàwbèsí                      ʔàdisàabà-kī                      hám                      ʔàbràhàm  
 son.POSS                      addis ababa-ALL                      go.PFV.3MS                      abraham  
 [fòfàsī fàafē]  
 fòfà-sī                      fàa-f-ē  
 fofa-IN                      live-IPFV-3MS  
 ‘Abraham, whose son went to Addis Ababa, lives in Fofa.’

As shown in 21 (a and b), the NRRCs provide additional information about the HNs, which are *tèka* ‘Teka’ and *ʔàbràhàm* ‘Abraham’. The HNs are proper nouns. The HN of the NRRCs cannot be specified any further. The NRRC does not limit the head because names refer to unique or specific individuals.

The headed RC occurs in Yemsa. On the other hand, the headless RC appears in Yemsa too. As shown in 22, the headless RC occurs, which lacks an overt HN.

- (22) [hàn wàalsì wòstèf-ē tà wòssùmìtèn]  
 hàn      wàalsì                      wòstè-f-ē                      tà                      wòssùmìtè-n  
 this      evening                      work-IPFV-3MS                      I                      reward.PFV-1SG  
 ‘I rewarded (the one) who is to work this evening.’

As shown in 22, the NP rel does not appear in the surface structure, which is a headless RC.

As in 23, the missing head is the subject NP, which is recoverable from the agreement suffixes and satisfies the requirements of the RC of the nominative case.

- (23) [fòfàkī hámifē tà dānfàn]  
 fòfà-kī                      hám-f-ē                      tà                      dān-f-àn  
 fofa-ALL                      go-IPFV-3MS                      I                      met-IPFV-1SG  
 ‘I met (the one) who goes to Fofa.’

The headless RC is a non-specific, deduced, or deleted HN recovered by the suffixing agreement markers of the subject or object affixing elements in the relative verb. As shown in 23, the headless RC is identified by the subject agreement marker, which attaches to the relative verb.

In headless RCs, a missing element can be an object NP. In the following examples, the missing NP is object NP:

- (24) [wòtādèriis wóríná tà ʔàrifàn]  
 wòtādèr-s                      wórí-ná                      tà                      ʔàri-f-àn  
 solider-DEF                      kill.PFV.3MS.Sj-3MS.Oj                      I                      know-IPFV-1SG  
 ‘I know what the soldier killed.’

The HN of the RC is not phonetically realized in the RC in 24; it is recoverable from the



lion-DEF-ACC kill-IRR-NEG i find.PFV-1SG  
 ‘I found (the one) who did not kill the lion.’

## 5. CONCLUSION

The headed, restrictive, and non-restrictive clauses are present in Yemsa as prenominal relative clauses. The agreement marker signifies the relativized empty noun phrase (NP) within the relative clause (RC), which appears without an overt relativizer. Both indicative perfective and imperfective verbs can be relativized. According to the Noun Phrase Accessibility Hierarchy developed by Keenan and Comrie (1977), this hierarchy is applicable to Yemsa, with NPs positioned to the left of the possessor. For example, subject, object (direct or indirect), and oblique positions can be relativized.

Based on the above discussion, in terms of strategy, the *pro in situ* is used for the subject and object (direct and indirect) NP positions, whereas it is used as a gap for the oblique positions. However, the relativization of possessor NP involves a possessive person suffix.

Headless RC occurs without an overt HN. The negative RC attached a negative morpheme, *-nój*. The aspect and agreement markers appear in the affirmative imperfective relative verb but not in the negative. Hence, there is a neutralization of morphemes.

Yemsa holds institutional value in schools and administrative offices within the Yemsa Special District. The use of relative clauses in Yemsa may influence professional communication among the Yemsa-speaking community, particularly in teaching and cultural studies. The article’s material is beneficial for teaching Yemsa to journalists, translators, and scholars engaged in cultural studies, and for incorporating the presented material into various types of professional communication. It reveals the corresponding mental structures of Yemsa native speakers, aligning with the fundamental purpose of linguistic studies: to understand the relationship between mind-language reciprocity and interaction.

This study contributes linguistic insights to the Yemsa language specifically, and to the Omotic language group more broadly. It also provides valuable syntactic data for researchers conducting comparative syntactic studies of Omotic languages. It is hoped that this work will inspire further linguistic research into lesser-studied languages. The results have contributed to the grammar book of Yemsa and the development of teaching materials for students at various educational levels. Additionally, it will serve as a resource for comparative typological studies of related languages and enhance the understanding of Yemsa’s linguistic structure. Further research on utterance and cleft constructions is recommended, as these topics remain unexplored. The findings related to relative clauses may prompt scientists to undertake comparative research in other Omotic languages.

### *Financial support:*

Addis Ababa University

### *Acknowledgements:*

Mitike Asrat thanks the informants who participated in the interview. This paper is dedicated to his mother, Fentaye Ahmed (Eteweyiwa), and his father, Asrat Demeke.

### *Conflict of interest:*

The authors state that there is no conflict of interest.

## REFERENCES

1. Aikhenvald, A. (2013). Possession and ownership: A cross-linguistic perspective. In A.Y. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (Eds.), *Possession and ownership: A cross-linguistic typology* (pp. 1-64). Oxford University Press.
2. Aklilu Yilma, Siebert, R., & Siebert, K. (2002). *Sociolinguistic Survey of the Omotic Languages Sheko and Yem*. Addis Ababa, SIL International. [https://www.sil.org/system/files/ reapdata/16/48/33/164833328674593963481648398525054132875/SILESR2002\\_053.pdf](https://www.sil.org/system/files/ reapdata/16/48/33/164833328674593963481648398525054132875/SILESR2002_053.pdf)
3. Aklilu Yilma. (1992). The linguistic etiquette of Yemsa. *Journal of Ethiopian Studies*, 25, 1-14. <https://www.jstor.org/stable/41966001>
4. Andrews, A.D. (1975). *Studies in the syntax of relative and comparative clauses* [Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology]. Massachusetts Institute of Technology. <http://www.ai.mit.edu/projects/dm/theses/andrews75.pdf>
5. Andrews, A.D. (2007). Relative clauses. In T. Shopen (Ed.), *Language typology and syntactic description, vol. 2* (pp. 206-236). Cambridge University Press.
6. Antinuccl, F., Duranti, A., & Gebert, L. (1979). Relative clause structure, relative clause perception, and the change from SOV to SVO\*. *Cognition*, 7, 145-176. <https://www.sscnet.ucla.edu/anthro/faculty/duranti/reprints/Durantietal1979Cognition.pdf>
7. Ariel, M. (1990). *Accessing noun-phrase antecedents*. Routledge: Taylor and Francis Group.
8. Ariel, M. (1999). Cognitive universals and linguistic conventions: The case of resumptive pronouns. *Studies in Language*, 23(2), 217-269.
9. Azeb Amha. (2017). The Omotic language family. In A. Y. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (Eds.), *The Cambridge handbook of linguistic typology* (pp. 815-853). Cambridge University Press.
10. Bender, M.L. (2000). *Comparative morphology of the Omotic languages*. Lincom Europa.
11. Bhat, D.N.S. (2004). Negation. In G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas, & W. Kesselheim (Eds.), *Morphology: An international handbook on inflection and word-formation, vol. 2* (pp. 1207-1212). Walter de Gruyter.
12. Biber, D., Conrad, S., & Leech, G. (2002). *Student grammar of spoken and written English*. Essex: Pearson Educations Limited.
13. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., & Finegan, E. (1999). *Longman grammar of spoken and written English*. Longman.
14. Blake, B.J. (2004a). *Case*. Cambridge University Press.
15. Blake, B.J. (2004b). Case. In G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas, & W. Kesselheim (Eds.), *Morphology: An international handbook on inflection and word-formation, vol. 2* (pp. 1037-1090). Walter de Gruyter.
16. Bresnan, J., & Grimshaw, J. (1978). The syntax of free relatives in English. *Linguistic Inquiry* 9(3), 331-391. <https://web.stanford.edu/~bresnan/bresnan.grimshaw.LI.1978.pdf>
17. Caponigro, I. (2004). The semantic contribution of wh-words and type shifts: Evidence from free relatives crosslinguistically. In R. Young (Ed.), *SALT XIV 3* (pp. 8-55). Cornell University. <https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/SALT/article/view/2906/2646>
18. Caponigro, I. (2020). Introducing headless relative clauses and the findings from Meso-

american languages. In I. Caponigro, H. Torrence, & R.Z. Maldonado (Eds.), *Headless Relative Clauses in Mesoamerican Languages* (pp. 1-50). Oxford University Press. [https://idiom.ucsd.edu/~ivano/Papers/2020\\_Caponigro\\_HeadlessRelativeClauses\\_Ch1\\_20-10-23.pdf](https://idiom.ucsd.edu/~ivano/Papers/2020_Caponigro_HeadlessRelativeClauses_Ch1_20-10-23.pdf)

19. Castillo, C. (2003). The difference between restrictive and non-restrictive relative clauses. *Atlantis* 25(2), 25-38. [https://www.atlantisjournal.org/old/Papers/25\\_2/025-038%20Castillo.pdf](https://www.atlantisjournal.org/old/Papers/25_2/025-038%20Castillo.pdf)

20. Central Statistical Agency of Ethiopia. (2007). *The 2007 Ethiopia Population and Housing Census*. CSA.

21. Cinque, G. (2020). *The syntax of relative clauses. A unified analysis*. Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108856195

22. Cinque, G. (2005). A note on verb/object order and head/relative clause order. *Working Papers in Linguistics*, 15, 49-104. University of Venice. <https://phaidra.cab.unipd.it/detail/o:458868>

23. Cinque, G. (2013). *Typological studies word order and relative clauses*. Routledge.

24. Comrie, B. (1989). *Language universals and linguistic typology*. University of Chicago Press.

25. Comrie, B. (1998). Rethinking the typology of relative clauses. *Language Design*, 1, 59-86. <http://grammar.ucsd.edu/courses/lign236/readings/Comrie.pdf>

26. Comrie, B., & Keenan, E.L. (1979). Noun phrase accessibility revisited. *Language*, 55(3), 649-664. <https://doi.org/10.2307/413321>

27. Comrie, B., & Kuteva, T. (2005). Relativization strategies. In M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, & B. Comrie (Eds.), *The world atlas of language structures* (pp. 494-499). Oxford University Press.

28. Crass, J., & Meyer, R. (2008). Ethiopia. In B. Heine & D. Nurse (Eds.), *Linguistic geography of Africa* (pp. 228-250). Cambridge University Press.

29. De Vries, M. (2001). Patterns of relative clauses. In T.v.d. Wouden & H. Broekhuis (Eds.), *Linguistics in the Netherlands*, 18(1) (pp. 231-243). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/avt.18.23vri>

30. De Vries, M. (2002). *The Syntax of relativization* [Doctoral dissertation, University of Amsterdam]. <https://www.let.rug.nl/dvries/pdf/proefschrift-mdevries.pdf>

31. De Vries, M. (2006). The syntax of appositive relativization: On specifying coordination, false free relatives, and promotion. *Linguistic Inquiry*, 37(2), 229-270. [https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/62651403/The\\_Syntax\\_of\\_Appositive\\_Relativization.pdf](https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/62651403/The_Syntax_of_Appositive_Relativization.pdf)

32. De Vries, M. (2018). *Relative clauses in syntax*. Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. doi:10.1093/acrefore/9780199384655.013.56

33. Del Gobbo, F. (2007). On the syntax and semantics of appositive relative clauses. In N. Dehé & Y. Kavalova (Eds.), *Parenticals* (pp. 173-202). John Benjamins Publishing Company.

34. Derib Ado. (2004). *The structure of noun phrase in Yem* [Unpublished master's thesis]. Addis Ababa University.

35. Dixon, R.M.W. (2009). The semantics of clause linking in typology perspective. In R.M.W. Dixon & A.Y. Aikhenvald (Eds.), *The semantics of clause linking. A cross-linguistic typology* (pp. 1-55). Oxford University Press.

36. Dixon, R.M.W. (2010). *Basic Linguistic Theory. Vol. 1*. Oxford University Press.

37. Doron, E. (2011). On the syntax and semantics of resumptive pronouns. In A. Rouveret (Ed.), *Resumptive pronouns at the interfaces* (pp. 289-318). John Benjamins Publishing Company.

38. Downing, B.T. (1978). Some universals of relative clause structure. In J.H. Greenberg,

C. Ferguson, & E.A. Moravcsik (Eds.), *Universals of human language. Vol. 4. Syntax* (pp. 375-418). Stanford University Press.

39. Dryer, M.S. (2005a). Order of object, oblique, and verb. In M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, & B. Comrie (Eds.), *The world atlas of language structures* (pp. 342-345). Oxford University Press.

40. Dryer, M.S. (2005b). Order of relative clause and noun. In M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, & B. Comrie (Eds.), *The world atlas of language structures* (pp. 366-369). Oxford University Press.

41. Dryer, M.S. (2005c). Relationship between the order of object and verb and the order of relative clause and noun. In M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, & B. Comrie (Eds.), *The world atlas of language structures* (pp. 390-393). Oxford University Press.

42. Fabb, N. (1990). The Difference between English restrictive and nonrestrictive relative clauses. *Journal of Linguistics*, 26(1), 57-77.

43. Francis, E.J., Lam, C., Zheng, C.C., Hitz, J., & Matthews, S. (2015). Resumptive pronouns, structural complexity, and the elusive distinction between grammar and performance: Evidence from Cantonese. *Lingua*, 126, 1-67. <http://dx.doi.org/10.1016%2Fj.lingua.2015.04.006>

44. Friedmann, N., Belletti, A., & Rizzi, L. (2009). Relativized relatives: Types of intervention in the acquisition of A-bar dependencies. *Lingua*, 119, 67-88. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2008.09.002>

45. Getachew Fulle. (2001). Yem. In D. Freeman & A. Pankhurst (Eds.), *Living on the edge: Marginalized minorities of craftworkers and hunters in Southern Ethiopia* (pp. 45-60). Addis Ababa University Press.

46. Givón, T. (1993). *English grammar: A function-based introduction*. John Benjamins Publishing Company.

47. Givón, T. (2001a). *Syntax: An Introduction, Vol. 1*. John Benjamins Publishing Company.

48. Givón, T. (2001b). *Syntax: An Introduction, Vol. 2*. John Benjamins Publishing Company.

49. Herrmann, T. (2003). *Relative clauses in dialects of English: a typological approach* [Doctoral dissertation]. Verlag nicht ermittelbar.

50. Herrmann, T. (2005). Relative clauses in English dialects of the British Isles. In E. C. Traugott & B. Kortmann (Eds.), *A comparative grammar of British English dialects agreement, gender, relative clauses* (pp. 21-105). De Gruyter Mouton.

51. Huddleston, R. (1984). *Introduction to the grammar of English*. Cambridge University Press.

52. Jaeggli, O. (1984). Subject extraction and the null subject parameter. *North East Linguistics Society*, 14(1), 132-153.

53. Karvovskaya, L. (2018). *The typology and formal semantics of adnominal possession*. LOT.

54. Keenan, E.L., & Comrie, B. (1977). Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry*, 8(1), 63-99.

55. Kim, J., & Sells, P. (2008). *English syntax: An introduction*. Center for the study of language and information.

56. Miller, J. (2002). *An introduction to English syntax*. Edinburgh University Press Ltd.

57. Moravcsik, E.A. (2011). Explaining language universals. In J.J. Song (Ed.), *The Oxford handbook of language typology* (pp. 69-89). [https://uwm.edu/linguistics/wp-content/uploads/sites/214/2018/02/Moravcsik\\_Explaining\\_Universals\\_2011.pdf](https://uwm.edu/linguistics/wp-content/uploads/sites/214/2018/02/Moravcsik_Explaining_Universals_2011.pdf)

58. Narrog, H. (2009). Varieties of instrumental. In A. Malchukov & A. Spencer (Eds.), *The*

*Oxford handbook of case* (pp. 593-600). Oxford University Press.

59. Payne, T.E. (1997). *Describing the morphosyntax: A guide for field linguistics*. Cambridge University Press.

60. Prince, E.F. (1990). Syntax and discourse: A look at resumptive pronouns. *Proceedings of the Sixteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 16, 482-497. doi:10.3765/bls.v16i0.1719

61. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). *A comprehensive grammar of the English language*. Longman Inc.

62. Song, J. J. (2001). *Linguistic typology: Morphology and syntax*. Pearson Education.

63. Teshome Belayneh. (2007). *The syntax of simple verbal and nominal clauses of Yem* [Unpublished master's thesis]. Addis Ababa University.

64. Tong, W. (2012). Prenominal relative clauses in Ethiopian languages: From inside and from outside. *Studies in African Linguistics*, 41(2), 213-252. <https://doi.org/10.32473/sal.v41i2>

65. Ultan, R. (1978). Toward a typology of substantival possession. In J. H. Greenberg, C. Ferguson, & E.A. Moravcsik. (Eds.), *Universals of human language. Vol. 4. Syntax* (pp. 11-44). Stanford University Press.

66. Van Lier, E.H. (2009). *Parts of speech and dependent clauses: A typological study*. LOT.

67. Van Riemsdijk, H. (2006). Free relatives. In M. Everaert & H.V. Riemsdijk (Eds.), *The Blackwell companion to syntax* (pp. 338-382). Blackwell Publishing Ltd.

68. Wells, R. (1963). Some neglected opportunities in descriptive linguistics. *Anthropological Linguistics*, 5(1), 38-49.

69. Zaugg-Coretti, S. (2013). The verbal system of Yemsa (Omotic language of Ethiopia) [Doctoral dissertation, University of Zurich]. Zurich Open Repository and Archive. <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/87425>

#### ***About the authors:***

**Mitike Asrat Demeke** is a PhD candidate at Addis Ababa University, Ethiopia. Mitike has authored one scientific publication and his research interests are focused on describing and documenting the morphology and syntax of the least-studied Ethiopian languages. ORCID: 0009-0000-4856-7514.

**Girma Mengistu Desta**, PhD, serves as an Assistant Professor of Linguistics in the Department of Linguistics and Philology at Addis Ababa University, Ethiopia. Girma has 14 scientific publications. Research interests encompass language description, language typology, phonology, and tonology.

**Endalew Assefa Temesgen**, PhD, holds the position of Associate Professor of Linguistics in the Department of Linguistics and Philology at Addis Ababa University, Ethiopia. Endalew is credited with 12 scientific publications and specializes in descriptive linguistics.

**Received:** March 27, 2024.

**Accepted:** May 22, 2024.

### Appendix A. List of symbols and abbreviations

<b>1, 2, 3</b>	1st, 2nd, 3rd person	<b>IRR</b>	Irrealis
<b>-</b>	Morpheme boundary	<b>M</b>	Masculine
<b>*</b>	Ungrammatical	<b>NEG</b>	Negative
<b>[ ]</b>	Phonetic representation	<b>NP</b>	Noun phrase
<b>ABL</b>	Ablative	<b>NRRC</b>	Nonrestrictive relative clause
<b>ACC</b>	Accusative	<b>Oj</b>	Object
<b>APPL</b>	Applicative	<b>PFV</b>	Perfective
<b>BEN</b>	Benefactive	<b>PL</b>	Plural
<b>COP</b>	Copula	<b>POSS</b>	Possessive
<b>DAT</b>	Dative	<b>PRES</b>	Present
<b>DEF</b>	Definite marker	<b>PROG</b>	Progressive
<b>F</b>	Feminine	<b>RC</b>	Relative clause
<b>FUT</b>	Future	<b>RRC</b>	Restrictive relative clause
<b>GEN</b>	Genitive	<b>SG</b>	Singular
<b>HN</b>	Head noun	<b>Sj</b>	Subject
<b>INST</b>	Instrumental	<b>SOV</b>	Subject-Object-Verb
<b>IPFV</b>	Imperfective	<b>SNNPRS</b>	Southern Nation, nationalities, and People's Regional State



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-121-138>

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМАНДНЫХ ДИСКУССИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ XXI ВЕКА В РАМКАХ КУРСА «ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ»

*А.С. Родоманченко*  
НИУ ВШЭ, МИСиС  
(Москва, Россия)  
[a.rodomanchenko@gmail.com](mailto:a.rodomanchenko@gmail.com)

*К.А. Вертлиб*  
НИУ ВШЭ  
(Москва, Россия)  
[kvertlib@hse.ru](mailto:kvertlib@hse.ru)

**Аннотация.** В условиях глобализации и цифровизации роль компетенций XXI века возрастает, в связи с чем появляется необходимость подбирать задания, которые формируют у учащихся навыки и умения, необходимые для адаптации к современным условиям. В статье рассматривается использование командных дискуссий: «пирамидок», нового типа командных дискуссий в методике преподавания английского языка, и дебатов – для формирования ключевых компетенций XXI века у студентов бакалавриата неязыковых программ. В исследовании также приводится сравнение терминов «компетенция», «навык», «умение» и «компетентность» и объясняется, почему зарубежной концепции «21st century skills» соответствует термин «компетенции XXI века». Цель исследования заключается в проверке потенциала командной дискуссии «пирамидки» для развития компетенций XXI века. Проведенный обзор литературы не дал ответа на вопрос об эффективности использования данного типа дискуссий, и авторами была выдвинута гипотеза о том, что «пирамидки» могут использоваться наравне с дебатами для развития таких компетенций XXI века, как творческий подход к решению задач, критическое мышление, коммуникативные и социальные умения и умение работать в команде. Для проверки гипотезы был проведен эксперимент среди студентов первого курса программы двух дипломов национального исследовательского университета Высшая Школа Экономики и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии» в рамках модуля «English for Political Studies». Участие студентов в «пирамидках» и дебатах оценивалось преподавателем по критериям, позволяющим оценить уровень сформированности компетенций XXI века. После участия в дискуссиях студентам было предложено пройти опрос, включающий позиции саморефлексии по шкале Ликерта, и поучаствовать в устном интервью. Результаты исследования показали, что участие в обеих дискуссиях позволило студентам сформировать компетенции XXI века. Учащиеся отметили, что оба типа командных дискуссий особенно эффективны в

развитии навыков критического мышления и помогают посмотреть на проблему с разных сторон. Студенты также отметили, что новая командная дискуссия «пирамидки» вызвала их непосредственный интерес.

**Ключевые слова:** групповые дискуссии, пирамидки, компетенции XXI века, дебаты, критическое мышление, командная работа, коммуникация.

**Для цитирования:** Родоманченко, А.С., Вертлиб, К.А. (2024). Использование командных дискуссий для развития компетенций XXI века в рамках курса «Политический английский». *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(2), 121–138. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-121-138>

## 1. ВВЕДЕНИЕ

Новые технологии и глобализация послужили причиной многих изменений в обществе. Данные изменения нашли свое отражение в системе образования, а именно в требованиях, которые предъявляются к учащимся и преподавателям образовательными стандартами. С приходом интернета изменился формат общения и работы людей, что в результате привело к изменениям в учебных планах и программах. В связи с этим в современном мире появилась необходимость пересмотреть подход к обучению и преподаванию. В современных условиях выпускникам необходимо не только показать знания в сфере своей профессии, но и умение сотрудничать, работать в команде, критически мыслить и находить нестандартный подход к решению проблемы. В начале XX века целью школьного образования было научить детей читать, писать и считать, что представляло собой основу грамотности (Black, 2009). В XXI веке с развитием новых технологий появились компетенции, которыми необходимо овладеть, чтобы быть успешным как на работе, так и в повседневной жизни. Согласно докладу комиссии по образованию ООН, школам и вузам рекомендуют формировать у учащихся «навыки, необходимые для взаимодействия с миром в качестве ответственных граждан», что стало приоритетным направлением в современной системе образования (Комиссия по образованию ООН, 2023, с.2). Поэтому в современном мире возрастает роль ключевых компетенций XXI века, к которым относят социальные умения, умение критически мыслить, мыслить нестандартно, а также умение работать в команде. В связи с этим в последнее время происходит обновление образовательных программ в соответствии с современными требованиями (ФГОС, 2020).

## 2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения таких компетенций, как коммуникативность, умение работать в команде, креативность и критическое мышление, в исследовательской литературе употребляется термин «навыки XXI века», который является переводом английского понятия «21st century skills». Авторам статьи перевод данного термина представляется неточным, так как в педагогике навык нацелен на автоматизированное воспроизводство освоенного материала без учета социокультурного аспекта, который так важен, когда мы говорим о современном мире и его реалиях (Огородников, Шимбирев, 1946, с. 396; Дмитриев, 1979, с. 27; Соловова, 2005, с. 21). На наш взгляд, термин, наиболее точно отражающий смысл концепции

«21st century skills», – компетенции XXI века. Согласно Д. Хаймсу (1972), компетенция, в том числе и коммуникативная, это совокупность речевых навыков и социокультурных знаний говорящего/слушающего в изменяющихся ситуациях и условиях речи. То есть данное определение подразумевает гибкость мышления в зависимости от контекста и/или ситуации и, тем самым, подчеркивает разницу с понятием «навык», который обозначает использование знаний без учета социокультурного аспекта. О. Ф. Коробова отмечает «многомерность» понятия «компетенция» и то, что компетенции подразумевают различные навыки (Коробова, 2010, с. 31). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отличие от термина «навыки XXI века», термин «компетенции XXI века» является более точным переводом понятия «21st century skills» (Partnership for 21st Century Learning).

Ключевые компетенции XXI века, выделяемые в зарубежной литературе, находят свое отражение в универсальных компетентностях и компетентностях новой грамотности, выделяемых в отечественной педагогике (Фруммин и др., 2018). Они включают в себя компетентности мышления, взаимодействия с собой и с окружающими.

Наиболее эффективными для развития компетенций XXI века считаются задания, направленные на получение знаний, которые учащиеся смогут применить на практике в будущем, а также те, которые учат студентов анализировать ситуацию и находить несколько способов решения проблемы. Так как в реальной жизни учащиеся часто сталкиваются с необходимостью работать в коллективе, такие задания выполняются в парах или небольших группах. Также в XXI веке очень важно не останавливаться на достигнутом в процессе образования и научиться получать знания самостоятельно, без помощи или при минимальном участии преподавателя (Fandiño Parra, 2013). Такие задания, как проектная работа в группах (Rotherham & Willingham, 2009), ролевые игры (Kangas, 2010.; Manalo, 2020), участие в групповых дискуссиях (Павлова и др., 2019; Соловова, 2005), в том числе круглый стол (Lewis-Kirkulei и др., 2021; Rodomanchenko, 2017) и дебаты (Kennedy, 2007; 2009), нацелены на формирование навыков критического мышления, развитие коммуникативных умений, командной работы, а также дают возможность учащимся найти творческий подход к решению проблем (Aristiawan & Hernan, 2021). В приведенной ниже таблице (см. Таблица 1) отмечены компетенции XXI века, развитию которых способствуют представленные задания.

Таблица 1. Компетенции XXI века и виды групповых дискуссий

Компетентность	Компетенции XXI века	Круглый стол	Проектная работа	Дебаты	Ролевые игры	Панельная дискуссия	Пирамидки**
Мышление	Критическое мышление (в том числе анализ и интерпретация данных и закономерностей, выделение главного и второстепенного)	V	V	V	V	V	V
	Творческий подход к решению проблемы (умение мыслить нестандартно; умение находить новые решения проблемы)	V	V	V	V	V	V
Взаимодействие с другими	Командная работа (в том числе умение работать совместно как в роли лидера, так и в роли участника команды)	V	V	V	V	V	V
	Социальные навыки (в том числе способность договариваться, аргументировать свою позицию и принимать чужую точку зрения)	V	V	V	V	V	V

Компетентность	Компетенции XXI века	Круглый стол	Проектная работа	Дебаты	Ролевые игры	Панельная дискуссия	Пирамидки**
Взаимодействие с собой	Самоорганизация и саморефлексия (в том числе, умение осознавать свои сильные и слабые стороны)	-	-	V	-	-	V
	Коммуникативные умения (в том числе, устно-речевые умения)*	V	V	V	V	V	V

\* не включены в универсальные компетентности

\*\* данные заполнены на основании проведенного авторами исследования

В проанализированной авторами научной литературе задание «дебаты» упоминается как эффективное упражнение, направленное на развитие навыков критического мышления и коммуникативных умений (Kennedy, 2007; Piirto, 2011; El Majidi et al., 2021). Такие же компетенции XXI века, как творческий подход к решению проблемы, командная работа и умение принимать чужую точку зрения уходят на второй план (El Majidi et al., 2021; Орешина, 2008; Aristiawan & Hernan, 2021).

Задание «пирамидки» как упражнение, направленное на развитие компетенций XXI века, в исследовательской литературе не представлено. В западной литературе подобный формат задания упоминается в описании практического опыта преподавателей как «discussion brackets» и используется для отработки базовых лексических тем (*team sports, indoor activities, school subjects*, и др.). Так, Стефани О. Юподхайя представляет данное задание как возможную альтернативу дебатам, которые уже доказали свою эффективность в развитии компетенций XXI века (American English, 2022). Так как в русскоязычной литературе не существует термина для данного типа задания, название было предложено авторами данной статьи. Авторы пришли к выводу, что дословный перевод «скобочная дискуссия» не отражает формат и суть задания в отличие от термина «пирамидки», который точно передает организационную структуру данного формата командной дискуссии.

Главная цель «пирамидок» – научить студентов анализировать поставленную перед ними проблему с разных точек зрения и убедительно представлять свою позицию по заданной теме. Развитию гибкости мышления способствует и оценка аргументации друг друга вне зависимости от личных предпочтений. Участие в дебатах также помогает учащимся рассмотреть глобальные проблемы под разными углами, учит распознавать логические ошибки в аргументации оппонентов, а командная работа помогает им сплотиться и объединить усилия для достижения общей цели.

Для получения более подробной информации об использовании «пирамидок» в преподавании английского языка и их потенциала для развития компетенций XXI века был произведен поиск исследовательской литературы по базам данных *Google Scholar*, *Elsevier* и *Researchgate*, по ключевым словам «discussion brackets», «ESP», «EFL». Данный поиск не дал релевантных результатов. Авторы также воспользовались возможностями нейросети *Perplexity AI*, работающей на основе больших языковых моделей. По запросу, включающему указанные выше ключевые слова, нейросеть нашла лишь две статьи, в которых упоминается необходимый нам термин. Однако, при тщательном чтении предложенных источников, термин «discussion brackets» найден не был.

Авторы переосмыслили подход, предложенный Стефани О. Юподхайя, и предлагают использовать данный тип дискуссий в рамках курса «Политический английский» для развития у студентов компетенций XXI века. Для проверки потенциала использования пирамидок для развития таких компетенций, как творческий подход к решению задач,

критическое мышление, коммуникативные и социальные умения и умение работать в команде, было проведено экспериментальное обучение среди студентов национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Гипотеза исследования формулируется следующим образом: командная дискуссия «пирамидки» может использоваться наравне с дебатами для развития таких компетенций XXI века, как творческий подход к решению задач, критическое мышление, коммуникативные и социальные умения и умение работать в команде.

### 3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составляют результаты, полученные в ходе экспериментального обучения, проведенного среди студентов первого курса программы двух дипломов НИУ ВШЭ и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии» в рамках курса «Политический английский»; опроса студентов, включающего позиции саморефлексии; и полуструктурированного интервью, которое позволило студентам поделиться своим мнением устно в открытой форме сразу после участия в дискуссиях.

В экспериментальном обучении приняли участие две группы студентов первого курса: 6 и 14 человек соответственно. Обучение проходило в два раунда с интервалом в один месяц. В первом раунде первой группе было предложено принять участие в «пирамидках», а второй группе – в дебатах. Во втором раунде группы менялись местами, и в «пирамидках» участвовало 14 человек, а в дебатах – 6.

В конце каждого раунда студентам было предложено пройти небольшой опрос, включающий в себя следующие позиции саморефлексии по шкале Ликерта, которые позволяют оценить развитие компетенций XXI века:

1. Данное задание научило меня мыслить нестандартно (творческий подход к решению проблемы);
2. Данное задание помогло мне находить новые решения проблемы (творческий подход к решению проблемы, критическое мышление);
3. Благодаря общению с одноклассниками я улучшил устно-речевые умения (социальные навыки, коммуникативные умения);
4. Благодаря работе и общению с одноклассниками мне удалось подобрать убедительные аргументы (командная работа, социальные навыки, критическое мышление);
5. Данное задание научило меня быть более открытым к новым идеям и принимать чужую точку зрения (командная работа, социальные навыки);
6. Данное задание помогло мне осознать мои сильные стороны (самоорганизация и саморефлексия).

В каждом из утверждений студентам было предложено отметить пункт, соответствующий их ожиданиям: «полностью согласен», «согласен», «и согласен, и не согласен», «не согласен», «полностью не согласен», «затрудняюсь ответить». Эффективность обоих типов заданий для развития компетенций XXI века оценивалась на основе саморефлексии студентов и оценки преподавателем вовлеченности студентов в дискуссию (командная работа, социальные навыки) и качества данных ответов по следующим критериям: высказывания логичны (коммуникативные умения), аргументы убедительны и подтверждают точку зрения говорящего (коммуникативные умения, критическое мышление), приведены примеры, которые иллюстрируют и подтверждают приведенные аргументы (критическое мышление, творческий подход к решению проблемы).

### 3.1. Организация дебатов

Согласно классификации М. В. Кларина (Кларин, 1995, с. 107), выделяют следующие типы дискуссий: круглый стол, заседание экспертной группы (панельная дискуссия), форум, симпозиум, дебаты, «аквариумное» обсуждение и судебное заседание. В рамках предмета «English for Political Studies» дебаты являются наиболее подходящим заданием из раздела дискуссий, так как позволяет студентам обсудить актуальные спорные вопросы и рассмотреть темы под разными углами. Кроме того, дебаты включают в себя основные черты большинства других видов дискуссий, а именно: постановка проблемы, работа в команде, а также аргументированное выступление, что также явилось ключевым моментом при выборе данного задания. Такие исследователи, как Р. Кеннеди, утверждают, что благодаря участию в дебатах студенты учатся более эффективно, так как активно участвуют в обсуждении, анализируют поставленную проблему, а также могут применить на практике полученные на занятиях знания (Kennedy, 2009). Ч. Бонвелл и Дж. Айсен отмечают, что участие в дебатах позволяет учащимся быть вовлеченным в процесс обучения, так как этот вид задания является для них интересным и увлекательным. Более того, дебаты помогают студентам сформировать необходимые в будущем навыки решения проблем (Bonwell & Eison, 1991).

Согласно стандартной процедуре проведения дебатов, две команды обсуждают провокационную тему. Учитывая полемический характер дебатов, одна команда приводит аргументы «за», а другая – аргументы «против» заявленного в теме утверждения. Выигрывает та команда, чья аргументация оказалась наиболее убедительной. Перед началом игры обеим командам дается время на подготовку. В каждом раунде обе команды имеют возможность аргументировать свою позицию, представив 3 аргумента в поддержку своего мнения. В конце каждая команда подводит итог, резюмируя свою позицию (Oros, 2007).

В рамках исследования студенты были поделены на три группы: «за», «против» и представители прессы. Это было сделано для того, чтобы дать возможность каждому студенту поучаствовать в дебатах и повысить интерес к привычному заданию. Дебаты классического формата используются в рамках других дисциплин и, по отзывам студентов, потеряли элемент новизны. Кроме того, при использовании данного формата роль преподавателя сводится к организации игры, повышая вовлеченность студентов, так как они сами выбирают победителя.

В канву курса дебаты встраивались за счет использования материалов УМК. Участники команд должны были представить 3 аргумента в пользу своего мнения и подкрепить их примерами, взятыми из статей, которые обсуждалась на занятиях, и из личного опыта. Чтобы формат задания «дебаты» максимально соответствовал формированию компетенций XXI века, было решено включить в процесс участия в дебатах представителей прессы – студентов, которые вели учет аргументов, выдвигаемых обеими командами, и задавали вопросы, которые могли бы натолкнуть представителей обеих команд на дальнейшие рассуждения. Также представители прессы выбирали победителей, основываясь на критериях, представленных в таблице ниже (см. Таблица 2). В качестве альтернативы представителям прессы или при использовании дебатов в больших группах (более 12 человек) в дебаты можно включить команду жюри. В рамках эксперимента выбор был сделан в пользу представителей прессы, так как это создает наиболее благоприятные условия

для полного вовлечения студентов в процесс обсуждения и участия в дебатах. Наличие судей может создать напряжение в работе студентов, что может негативно сказаться на их кооперации.

Таблица 2. «Дебаты»: критерии оценивания

Критерий	2 балла	1 балл	0 баллов
Аргумент логичен (коммуникативные умения)	Аргумент полностью логичен и доказывает высказанную точку зрения.	Аргумент не полностью логичен и/или нарушена последовательность мыслей. Аргумент не полностью доказывает высказанную точку зрения.	Аргумент не логичен и/или не последователен. Аргумент не доказывает высказанную точку зрения.
Аргумент убедителен (критическое мышление)	Аргумент основан на фактах, объясняет и доказывает позицию студента.	Аргумент частично основан на фактах и/или не полностью объясняет и доказывает позицию студента.	Аргумент не основан на фактах и/или не объясняет и не доказывает позицию студента.
Аргумент подкреплён примерами (критическое мышление, творческий подход к решению проблемы)	Аргумент подкреплён примерами, которые помогают его проиллюстрировать и раскрыть.	Приведенные примеры не полностью соответствуют аргументу и/или частично раскрывают его.	Примеры отсутствуют или не раскрывают аргумент.
Участие в командной работе (командная работа, социальные навыки)	Студент вовлечен в процесс обсуждения и вносит в него свой вклад.	Студент не полностью вовлечен в процесс обсуждения и/или не предлагает свои идеи по теме.	Студент не участвует в обсуждении и не предлагает никаких идей по теме.

Этап непосредственной подготовки в классе длился 10 минут. Так как тема была известна студентам до занятия, и они могли подготовиться к ней заранее, время в классе было необходимо для обсуждения аргументов в рабочих группах, поиска примеров в интернете, в статье из УМК или подбора из личного опыта. В это время представители прессы должны были также подобрать аргументы «за» и «против» и подумать над возможными вопросами. По истечении 10 минут представители команды «за» делали небольшое введение к дебатам и выдвигали свой первый аргумент в течение 2 минут. Выслушав аргумент команды «за», представители команды «против» совещались в течение одной минуты и предоставляли его опровержение. После этого команда «против» представляла свой аргумент в течение 2 минут. Процедура повторялась с последующими аргументами. После третьего аргумента обе команды подводили итог своей аргументации. В конце следовали вопросы представителей прессы: по два вопроса для каждой команды. После того как команды ответили на вопросы, у представителей прессы было две минуты, чтобы обсудить аргументы обеих команд, оценить их согласно критериям и определить победителя.

Вся процедура проведения дебатов заняла примерно 60 минут. После объявления победителя студентам было предложено поучаствовать в опросе и ответить на вопросы, которые бы позволили оценить эффективность данного задания.

### 3.2. Организация задания «пирамидки»

«Пирамидки» как командная дискуссия нацелены не только на развитие устно-речевых умений, но также помогают студентам сформировать компетенции XXI века. В ходе участия в «пирамидках», студентам предлагается рассмотреть проблему с разных сторон, оценить аргументы, представленные собеседниками-оппонентами, а также попробовать свои силы еще раз, если первая попытка оказалась неудачной. В рамках предмета «English for Political

Studies» задание «пирамидки» позволяет студентам обсудить политические проблемы, а также выслушать точку зрения своих одноклассников. Благодаря тому, что учащимся даны подсказки, изначально заложенные в формулировке темы, они чувствуют себя более уверенно и свободно. Кроме того, формат задания является для студентов новым, что также мотивирует их активно участвовать в процессе обсуждения (Jůvová et al., 2023, p. 19).

В рамках исследования студенты были разделены на три группы по 4 человека. Когда присутствовало количество студентов, не кратное четырем, то оставшиеся студенты выполняли роль судей в одной из групп.

Студентам были предложены 4 аргумента: А, В, С, и D – два из которых были в пользу заданной темы, а два других – против. Студенты должны были раскрыть предложенный аргумент в течение 1-2 минут, проиллюстрировав его подходящими примерами (см. Таблица 3).

Таблица 3. Задание «Пирамидки»

Тема: Do pros of humanitarian intervention outweigh its cons?				
Раунд 1: Исходные аргументы		Раунд 2: Аргументы, победившие в раунде 1		Аргумент-победитель
A	Yes, because it saves lives.	B	No, as it prolongs a conflict.	?
B	No, as it prolongs a conflict.	C	Yes, as it builds peace.	
C	Yes, as it builds peace.			
D	No, as humanitarian organizations are corrupt.			

Каждый студент получил свою роль А, В, С или D случайным методом, вытягивая карточку с буквой. В первой паре, у студентов А и В, аргумент А был в пользу предложенной темы, а аргумент В – против. Также было и в паре С и D, где С – аргумент «за», а D – аргумент «против». У каждого студента перед выступлением было всего две минуты на подготовку, так как тема была знакома, а аргументы были взяты из текста, который обсуждался на предыдущем занятии. В первом раунде участвовали студенты А и В. Пока студенты А и В готовились отвечать, студенты С и D изучали критерии, в соответствии с которыми они должны были оценить, чья аргументация наиболее убедительная. С критериями можно ознакомиться в таблице ниже (см. Таблица 4).

Таблица 4. «Пирамидки»: критерии оценивания задания

Критерий	2 балла	1 балл	0 баллов
Речь логична (коммуникативные умения)	Речь полностью логична: средства логической связи используются правильно, структурное оформление отвечает поставленной задаче.	Речь не полностью логична и/или средства логической связи используются не полностью правильно, структурное оформление не полностью отвечает поставленной задаче.	Речь не логична, средства логической связи не используются, структурное оформление не отвечает поставленной задаче.

Критерий	2 балла	1 балл	0 баллов
Речь убедительна (критическое мышление)	Говорящий приводит аргументы, основанные на фактах, которые объясняют и доказывают его позицию.	Говорящий приводит аргументы, которые частично основаны на фактах и/или не полностью объясняют и доказывают позицию человека.	Говорящий приводит аргументы, которые не основаны на фактах и/или не объясняют и не доказывают позицию человека.
Соответствие приведенных примеров теме обсуждения (критическое мышление, творческий подход к решению проблемы)	Говорящий приводит примеры, которые полностью соответствуют теме и раскрывают ее.	Говорящий приводит примеры, которые не полностью соответствуют теме и/или раскрывают ее не полностью.	Говорящий приводит примеры, которые не соответствуют теме и не раскрывают ее.

После того как студенты А и В представили свою аргументацию, студенты С и D совещались в течение 3 минут и выбирали наиболее убедительные аргументы, обосновывая свой ответ. Далее, процедура повторялась со студентами С и D (см. Таблица 3: Раунд 2), которые сначала также готовились в течение двух минут, потом каждый отвечал в течение 1-2 минут. Студенты А и В выбирали наиболее убедительную речь, исходя из предложенных критериев. Важно, что в данном задании выигрывает не отвечающий, а аргумент, который студент раскрывает с помощью примеров. Во втором раунде задания у студентов, чья речь оказалась менее убедительной, появляется второй шанс раскрыть аргумент, который выиграл, но используя другие примеры. У второй пары студентов также есть две минуты на подготовку и 1-2 минуты, чтобы представить свою речь. В это время не участвующие в презентации студенты оценивают речь говорящих по критериям, чтобы снова выбрать наиболее убедительную и логичную речь. Даже если во втором раунде оказываются два аргумента «за» или два аргумента «против», это не так важно, так как проверяется умение логично развивать мысли вне зависимости от точки зрения говорящего. Однако, нужно понимать, что это может запутать студентов, поэтому данный момент нужно проговорить заранее при постановке задачи во время объяснения инструкций.

Вся процедура проведения задания заняла примерно 55 минут. По окончании задания студентам также было предложено поучаствовать в опросе и ответить на вопросы, которые бы позволили оценить эффективность данного задания.

После проведения обоих типов занятий студентам было предложено написать небольшой текст по теме обсуждения, где они должны были выразить свое мнение по предложенной проблеме, привести три аргумента в пользу своего мнения и подкрепить их подходящими примерами. Структура текста соответствовала структуре устного ответа на занятии и строилась следующим образом: предложение, выражающее мнение студента, три аргумента в пользу своего мнения, каждый из которых проиллюстрирован примером. Все студенты справились с заданием успешно.

#### 4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно результатам опроса, оба типа задания получили положительный отклик от студентов (см. Рис.1).

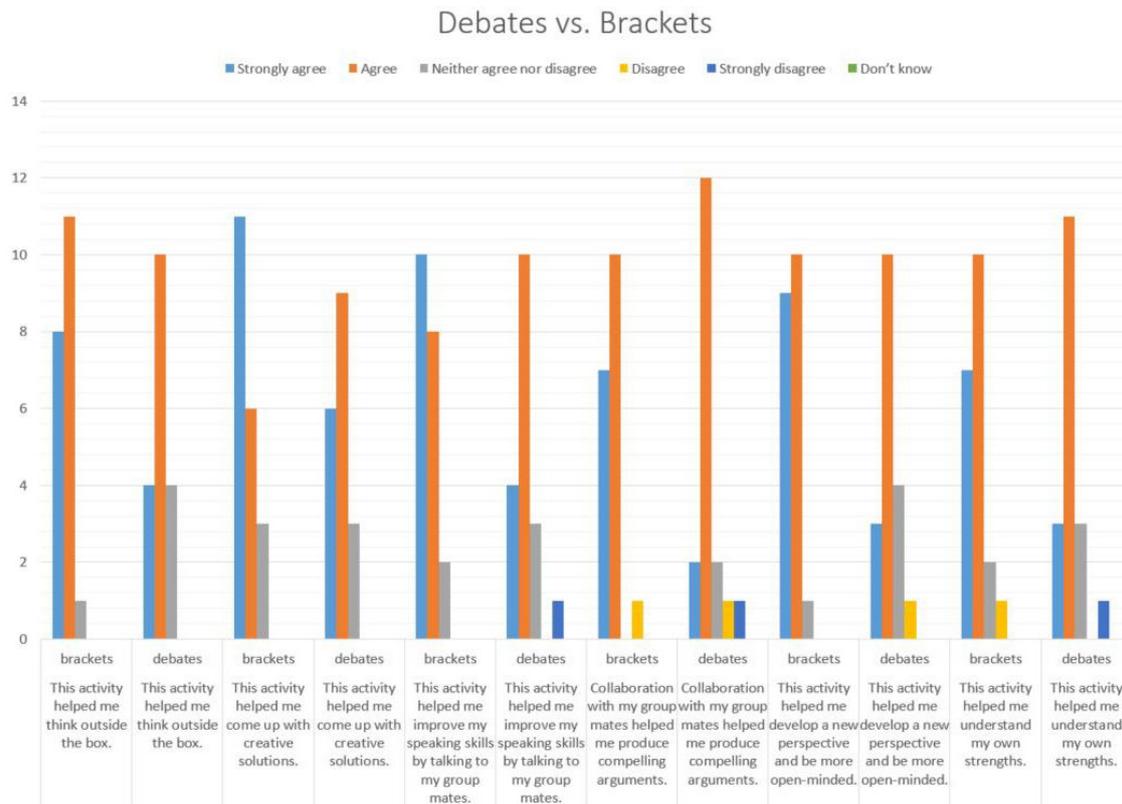


Рисунок 1. Результаты опроса

Более 80 % учащихся (17 студентов) (см. Рис.1) полагают, что задание «пирамидки» способствовало тому, что они находили новые решения поставленной проблемы, 19 студентов считают, что данное задание научило их мыслить нестандартно (95 %), и 17 студентов научились приводить убедительные аргументы (85%). Более 90% (18 студентов) учащихся отметили, что их устно-речевые умения улучшились в ходе выполнения задания, 10% студентов (2 студента) затруднились с выбором, так как не заметили особых улучшений, но не увидели и ухудшений и выбрали ответ «и согласен, и несогласен». Кроме того, 95% (19 студентов) учащихся считают, что «пирамидки» научили их принимать чужую точку зрения и смотреть на поставленную проблему под разными углами. Также данное задание помогло 85% (17 студентов) учащихся осознать свои сильные стороны. При опросе мнения студентов относительно «пирамидок», не было дано ни одного отрицательного ответа ни на один вопрос.

Анализ результатов задания «дебаты» показал, что количество студентов, которые считают, что данный тип задания помог им мыслить нестандартно, составляет примерно 70% (14 студентов). При этом участие как в дебатах, так и в «пирамидках», по мнению более 80% учащихся (15 студентов), помогло им находить новые решения проблем. Процент студентов, считающих, что их устно-речевые умения в ходе проведения дебатов

улучшились, достаточно высок и составляет примерно 80% (14 студентов), что на 10% ниже, чем при участии в «пирамидках». Что касается навыка приводить убедительные аргументы и командной работы, то более 70% (14 студентов) учащихся считают, что данный тип задания эффективен. Однако при этом 10% (2 студента) не согласны с этим, в числе которых 5%, которые полностью не согласны. При ответе на вопрос, помогло ли участие в дебатах студентам осознать их сильные стороны, 77% студентов ответили положительно, 17% не смогли определиться и ответили «и согласен, и не согласен», а 5% учащихся ответили «полностью не согласен».

Результаты интервью, проведенного в фокус-группе, показали, что студенты положительно отзываются об участии в обеих командных дискуссиях. После участия в дебатах студенты отмечают, что работа в команде помогла им с выстраиванием аргументации и подбором примеров. После «пирамидок» студенты в основном отмечали интересный формат данного задания, а также наличие подсказок, которые помогли им с подбором собственных аргументов.

Преимущества задания «дебаты» заключаются в том, что каждый студент активно вовлечен в урок, все участники работают в команде, а также развивают навыки критического мышления благодаря глубокому погружению в проблему, учатся формулировать аргументы и логично их развивать, чтобы выиграть. Кроме того, в рамках предмета «English for Political Studies» у студентов появляется возможность обсудить злободневные темы и выслушать точку зрения однокурсников. Дебаты способствуют тому, что студенты начинают проявлять больший интерес к предмету, а также мотивируют учащихся проводить исследования тех тем, которые заинтересовали их в большей мере.

Одним из ключевых недостатков дебатов является наличие команды проигравших, что негативно сказывается на настрое студентов. Кроме того, студенты активно используют интернет, пренебрегая информацией из статей, которые обсуждались в рамках предмета «English for Political Studies». Также, в случае если представители прессы не могут выбрать победителя или их выбор является пристрастным, требуется помощь преподавателя.

К преимуществам «пирамидок» относятся вовлеченность всех студентов в задание и их активное участие. Кроме того, многие студенты научились принимать чужую точку зрения и меняли свое мнение по предложенной проблеме, выслушав убедительную речь одноклассников.

Однако недостатки данного задания заключаются в том, что незнакомая и сложная процедура проведения задания путала студентов, и им требовался постоянный контроль и помощь преподавателя.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что и дебаты, и «пирамидки» способствуют развитию навыков критического мышления и помогают студентам оценить поставленную проблему с разных сторон. Что касается работы в команде, умения принимать другую точку зрения и социальных навыков, то задание «пирамидки» показало более высокие результаты по сравнению с дебатами.

Однако данное исследование имеет ряд ограничений. В экспериментальном обучении приняли участие 20 студентов первого курса, что недостаточно, чтобы сделать однозначный вывод о безусловной эффективности «пирамидок» для развития компетенций XXI века. В связи с этим представляется необходимым продолжить исследование данного типа командных дискуссий, чтобы получить больше данных для дальнейшего анализа. Также нужно учитывать тот факт, что эксперимент был проведен в ограниченных временных рамках. Так, ввиду того, что интервал между предложенными студентам дискуссиями

составлял один месяц, было сложно предсказать, сколько именно студентов придет на занятие и будет ли их число совпадать с первоначальным количеством. Более того, при участии в «пирамидках» количество студентов является определяющим для формата дискуссии, то есть если количество не кратно четырем, то задание требует модификации. Однако живой интерес студентов к заданию и его эффективность в развитии ключевых компетенций XXI века определяют необходимость продолжить исследование в данной области с целью выявления заданий, позволяющих учащимся максимально эффективно формировать и развивать компетенции XXI века.

## 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время термин «компетенции XXI века» вызывает интерес у ученых и исследователей по всему миру, что ведет к преобразованию учебных программ в соответствии с требованиями «4К» (коммуникация, командная работа, критическое мышление и креативность). В связи с этим, авторы статьи провели исследование, в котором сравнили потенциал использования командной дискуссии «пирамидки» наравне с дебатами для развития таких компетенций XXI века, как критическое мышление, творческий подход к решению проблем, командная работа, коммуникативные умения и социальные навыки. Согласно результатам исследования, гипотеза об эффективности проанализированных видов командной дискуссии в развитии компетенций XXI века подтвердилась, и было выявлено, что «пирамидки» позволяют студентам проработать не только указанные выше компетенции, но и помогают осознать свои слабые и сильные стороны, научиться анализировать и принимать чужую точку зрения.

### ***Конфликт интересов:***

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев А. Е. Теория и практика формирования умений и навыков в системе начального обучения (Автореферат дисс. ... д-ра пед. н.). Москва, 1979.
2. Доклад комиссии по образованию ООН от 22.11.2021 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2021/11/UNESCO.41.C.71r\\_221121.pdf](https://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2021/11/UNESCO.41.C.71r_221121.pdf) (дата обращения: 12.11.2023).
3. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта). Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995.
4. Коробова О. Ф. Содержание понятий «коммуникативная компетенция», «коммуникативные навыки» и «речевые навыки» в современной нормативной документации и научной литературе // Специальное образование. 2010. № 3. С. 29-41.
5. Мироненко Е. С. Компетенции XXI века vs образование XXI века // Вопросы территориального развития. 2019. № 2(47). С. 1-15.
6. Огородников И. Т., Шимбирев П. Н. Педагогика. М.: Учпедгиз, 1946.

7. Орешина Е. Е. Дебаты и форматы дебатов в теории и практике преподавания иностранного языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 328-332.
8. Павлова О. А., Горохова В. А., Литвинчук В. И. Панельная дискуссия как способ реализации интерактивных форм обучения в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 220-223.
9. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам (3-издание). Москва: Просвещение, 2005.
10. Фрумин И. Д., Добрякова М. С., Баранников К. А., Реморенко И. М. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования // Современная аналитика образования. 2018. № 2(19). С. 15-17.
11. ФГОС: основное общее образование [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 12.11.2023).
12. American English. AE Live 15.5 - Alternatives to Classroom Debate [Электронный ресурс]. YouTube, 3 November, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QQXuysqgn8k> (дата обращения: 12.11.2023).
13. Aristiawan D., Hernan H. EFL Teachers' Strategies in Implementing the 21st Century Skills Applied in 2013 Curriculum // PIONEER: Journal of Language and Literature. 2021. № 13(2). P. 227. doi: 10.36841/pioneer.v13i2.1278
14. Black R. W. English-language learners, fan communities, and 21st century skills. Journal of Adolescent & Adult Literacy. 2009. № 52(8). P. 688-697.
15. Bonwell C.C., Eison J. Active learning: Creating excitement in the classroom. ASHE-ERIC Higher Education Report. Washington DC: School of Education and Human Development, George Washington University, 1991.
16. El Majidi A., Janssen D., de Graaff R. The effects of in-class debates on argumentation skills in second language education // System. 2021. № 101(5). P. 102576. <https://doi.org/10.1016/j.system.2021.102576>
17. Fandiño Parra Y. J. 21st century skills and the English foreign language classroom: A call for more awareness in Colombia // GIST Education and Learning Research Journal. 2013. № 7. P. 190-208.
18. Hymes D. On Communicative Competence // J. B. Pride & J. Holmes (Eds.). Sociolinguistics. Selected readings. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269-293.
19. Jůvová A., Duda O., de Vos M., Stuit P., Velthuis C. European Teacher as the reflective practitioner: 21st Century Skills in Education. Palacký University Olomouc, 2023.
20. Kangas M. Creative and playful learning: Learning through game co-creation and games in a playful learning environment // Thinking skills and Creativity. 2010. № 5(1). P. 1-15. doi: 10.1016/j.tsc.2009.11.001
21. Kennedy R. In-class debates: Fertile ground for active learning and the cultivation of critical thinking and oral communication skills. International Journal of Teaching & Learning in Higher Education. 2007. № 19(2). P. 183-190.
22. Kennedy R.R. The Power of In-Class Debates // Active Learning in Higher Education. 2009. № 10(3). P. 225-236. doi:10.1177/1469787409343186

23. Lewis-Kipkulei P., Singleton J., Small Singleton T., Davis K. Increasing student engagement via a combined roundtable discussion and flipped classroom curriculum model in an OT and special education classroom // *Cogent Education*. 2021. № 8(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2021.1911284>
24. Manalo E. *Deeper Learning, Dialogic Learning, and Critical Thinking: Research-based Strategies for the Classroom*. London and New York: Routledge, 2020.
25. Oros A. Let's Debate: Active Learning Encourages Student Participation and Critical Thinking // *Journal of Political Science Education*. 2007. № 3(3). P. 293-311. doi:10.1080/15512160701558273
26. Partnership for 21st century learning. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.battelleforkids.org/networks/p21> (дата обращения: 12.11.2023).
27. Piirto J. *Creativity for 21st century skills*. Springer Science & Business Media, 2011.
28. Rodomanchenko A. Roundtable Discussion in Language Teaching: Assessing Subject Knowledge and Language Skills // *Journal of Language and Education*. 2017. № 3(4). P. 44-51. <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2017-3-4-44-51>
29. Rotherham A.J., Willingham D. 21st Century Skills: The Challenges Ahead // *Educational Leadership*. 2009. № 67. P. 16-21.
30. Sardone N.B., Devlin-Scherer R. Game-based learning to develop civic literacy and twenty-first century skills: Making judgments and decisions // *Citizenship Teaching & Learning*. 2013. № 8(3). P. 343-355. doi:10.1386/ctl.8.3.343\_1

## REFERENCES

1. American English. (2022, November 3). *AE Live 15.5 - Alternatives to Classroom Debate* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=QQxuysqgn8k>
2. Aristiawan, D., & Hernan, H. (2021). EFL Teachers' Strategies in Implementing the 21st Century Skills Applied in 2013 Curriculum. *Pioneer: Journal of Language and Literature*, 13(2), 227. doi: 10.36841/pioneer.v13i2.1278
3. Black, R.W. (2009, May). English-language learners, fan communities, and 21st century skills. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 52(8), 688-697.
4. Bonwell, C.C., & Eison, J. (1991). *Active learning: Creating excitement in the classroom*. ASHE-ERIC Higher Education Report. Washington DC: School of Education and Human Development, George Washington University.
5. Dmitriev, A.E. (1979). *Teoriya i praktika formirovaniya umenij i navykov v sisteme nachal'nogo obucheniya: avtoref. dis. d-ra ped. nauk. M. [Theory and practice of developing skills and abilities in the primary education system]* [Doctoral dissertation abstract]. Moscow (in Russian).
6. *Doklad komissii po obrazovaniyu OON ot 22.11.2021 [UN Commission Report on Education]*. (2021, November 22). [https://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2021/11/UNESCO.41.C.71r\\_221121.pdf](https://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2021/11/UNESCO.41.C.71r_221121.pdf) (in Russian).
7. El Majidi, A., Janssen, D., & de Graaff, R. (2021). The effects of in-class debates on argumentation skills in second language education. *System*, 101(5), 102576. <https://doi.org/10.1016/j.system.2021.102576>

8. Fandiño Parra, Y.J. (2013). 21st century skills and the English foreign language classroom: A call for more awareness in Colombia. *GIST Education and Learning Research Journal*, 7, 190-208.
9. FGOS: osnovnoe obshchee obrazovanie [Federal State Educational Standard: basic general education]. <https://fgos.ru/fgos/fgos-000/>
10. Frumin, I.D., Dobryakova, M.S., Barannikov, K.A., & Remorenko, I.M. (2018). Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu uchit' segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendenciyah transformacii shkol'nogo obrazovaniya [Universal competences and new literacy: what to teach today for success tomorrow. Preliminary findings of an international report on trends in the transformation of school education]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya [Modern education analytics]*, 2(19), 15-17 (in Russian).
11. Hymes, D. (1972). On Communicative Competence. In J.B. Pride & J. Holmes (Eds.), *Sociolinguistics. Selected readings* (pp. 269-293). Harmondsworth: Penguin.
12. Jůvová, A., Duda, O., de Vos, M., Stuit, P., & Velthuis, C. (2023). *European Teacher as the reflective practitioner: 21st Century Skills in Education*. Palacký University Olomouc.
13. Kangas, M. (2010). Creative and playful learning: Learning through game co-creation and games in a playful learning environment. *Thinking skills and Creativity*, 5(1), 1-15. doi: 10.1016/j.tsc.2009.11.001
14. Kennedy, R. (2007). In-class debates: Fertile ground for active learning and the cultivation of critical thinking and oral communication skills. *International Journal of Teaching & Learning in Higher Education*, 19(2), 183-190.
15. Kennedy, R.R. (2009). The Power of In-Class Debates. *Active Learning in Higher Education*, 10(3), 225-236. doi:10.1177/1469787409343186
16. Klarin, M.V. (1995). *Innovacii v mirovoj pedagogike: obuchenie na osnove issledovaniya, igry i diskussii. (Analiz zarubezhnogo opyta) [Innovations in global pedagogy: learning through inquiry, play and discussion. (Analysis of foreign experience)]*. Riga, NPC «Eksperiment» (in Russian).
17. Korobova, O.F. (2010). Soderzhanie ponyatij «kommunikativnaya kompetenciya», «kommunikativnye navyki» i «rechevye navyki» v sovremennoj normativnoj dokumentacii i nauchnoj literature [The concepts “communicative competence”, “communication skills” and “speech skills” in modern regulatory documentation and scientific literature]. *Special'noe obrazovanie [Special Education]*, 3, 29-41(in Russian).
18. Lewis-Kipkulei, P., Singleton, J., Small Singleton, T., & Davis, K. (2021). Increasing student engagement via a combined roundtable discussion and flipped classroom curriculum model in an OT and special education classroom. *Cogent Education*, 8(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2021.1911284>
19. Manalo, E. (2020). *Deeper Learning, Dialogic Learning, and Critical Thinking: Research-based Strategies for the Classroom*. London and New York: Routledge.
20. Mironenko, E.S. (2019). Kompetencii XXI veka vs obrazovanie XXI veka [21st century competencies vs 21st century education]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial development issues]*, 2(47), 1-15 (in Russian).
21. Ogorodnikov, I.T., Shimbirev, P.N. (1946). *Pedagogika [Pedagogy]*. Moscow: Uchpedgiz (in Russian).

22. Oreshina, E.E. (2008). Debaty i formaty debatov v teorii i praktike prepodavaniya inostrannogo yazyka [Debates and debate formats in the theory and practice of teaching a foreign language]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambov University Review. Series: Humanities]*, 5, 328-332 (in Russian).

23. Oros, A. (2007). Let's Debate: Active Learning Encourages Student Participation and Critical Thinking. *Journal of Political Science Education*, 3(3), 293-311. doi:10.1080/15512160701558273

24. Pavlova, O.A., Gorokhov, V.A., & Litvinchuk, V.I. (2019). Panel'naya diskussiya kak sposob realizacii interaktivnyh form obucheniya v vuze [Panel discussion as a way to implement interactive forms of learning at a university]. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]*, 8, 1(26), 220-223 (in Russian).

25. *Partnership for 21st century learning*. <https://www.battelleforkids.org/networks/p21>

26. Piirto, J. (2011). *Creativity for 21st century skills*. Springer Science & Business Media.

27. Rodomanchenko, A. (2017). Roundtable Discussion in Language Teaching: Assessing Subject Knowledge and Language Skills. *Journal of Language and Education*, 3(4), 44-51. <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2017-3-4-44-51>

28. Rotherham, A.J., & Willingham, D. (2009). 21st Century Skills: The Challenges Ahead. *Educational Leadership*, 67, 16-21.

29. Sardone, N.B., & Devlin-Scherer, R. (2013). Game-based learning to develop civic literacy and twenty-first century skills: Making judgments and decisions. *Citizenship Teaching & Learning*, 8(3), 343-355. doi:10.1386/ctl.8.3.343\_1

30. Solovova, E.N. (2005). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam (3 izdanie) [Methods of Teaching Foreign Languages (3d edition)]*. Moscow: Prosveshchenie (in Russian).

### **Информация об авторах:**

**Аида Сергеевна Родоманченко** – кандидат педагогических наук, доцент НИУ ВШЭ, доцент Университета МИСИС (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-6545-8256

**Ксения Андреевна Вертлиб** – преподаватель английского в НИУ ВШЭ (Москва, Россия). ORCID: 0009-0005-6522-8537

**Получено:** 26 декабря 2023 г.

**Принято к публикации:** 4 марта 2024 г.

## USING GROUP DISCUSSIONS TO HONE 21<sup>st</sup>-CENTURY SKILLS IN TEACHING POLITICAL ENGLISH

**Aida S. Rodomanchenko**

*HSE University, MISIS University  
(Moscow, Russia)  
a.rodomanchenko@gmail.com*

**Ksenia A. Vertlib**

*HSE University  
(Moscow, Russia)  
kvertlib@hse.ru*

**Abstract.** In the era of globalization and digitalization, the importance of 21<sup>st</sup>-century skills—such as communication, collaboration, creativity, and critical thinking—has significantly increased. To prepare students for contemporary challenges, educators must focus on tasks that develop these essential skills and competencies. This article explores the use of debates and ‘discussion brackets’—a novel group discussion format in EFL methodology—to foster 21<sup>st</sup>-century skills among undergraduates in non-linguistic programs. The authors conducted extensive research on the concept of 21<sup>st</sup>-century skills and examined how it aligns with the Russian concepts of “competences” and “skills.” The study aims to uncover the potential of discussion brackets in skill development. A review of the literature revealed scant information on the effectiveness of this discussion format, leading to the hypothesis that discussion brackets, alongside debates, could effectively develop key 21<sup>st</sup>-century competencies. An experiment was carried out with first-year students of the double degree program in Economics and Politics in Asia at the National Research University Higher School of Economics and Kyung Hee University, as part of an EFL course titled “English for Political Studies.” The teacher employed specific criteria to assess students’ engagement in discussion brackets and debates, evaluating their competency development. Subsequent to the activities, students completed a survey with self-reflection questions based on the Likert scale and participated in an oral interview. The results indicate that active participation in both tasks enabled students to enhance their mastery of 21<sup>st</sup>-century skills. Students reported improved critical thinking and the ability to think creatively. Furthermore, the introduction of discussion brackets sparked immediate interest and engagement among the students.

**Keywords:** group discussions, discussion brackets, 21<sup>st</sup>-century skills, debates, critical thinking, collaboration, communication.

**How to cite this article:** Rodomanchenko, A.S., Vertlib, K.A. (2024). Using Group Discussions to Hone 21<sup>st</sup>-Century Skills in Teaching Political English. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 121–138 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-121-138>

***About the authors:***

**Aida S. Rodomanchenko**, Cand. Sci. (Pedagogy), is an associate professor at Higher School of Economics (Moscow, Russia) and MISIS University (Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0001-6545-8256

**Ksenia A. Vertlib** is a lecturer at Higher School of Economics (Moscow, Russia).

ORCID: 0009-0005-6522-8537

***Received:*** December 26, 2023.

***Accepted:*** March 4, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-139-154>

## ОСВОЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ЭКОНОМИКИ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ СТУДЕНТАМИ

**О.Б. Андреева**

*МГИМО МИД России*

*(Москва, Россия)*

*[o.b.andreeva@inno.mgimo.ru](mailto:o.b.andreeva@inno.mgimo.ru)*

**Е.В. Пронина**

*МГИМО МИД России*

*(Москва, Россия)*

*[e.v.pronina@inno.mgimo.ru](mailto:e.v.pronina@inno.mgimo.ru)*

**Аннотация:** Данная статья поднимает вопрос овладения профессиональным дискурсом экономической сферы студентами, получающими степень бакалавра экономики. Рассматриваемый дискурс представляет собой не просто набор терминологических единиц, а комплексную изменчивую систему составляющих его структур, которые демонстрируют широкий диапазон жанровой, стилистической и прагматической принадлежности. Дискурс этой сферы является взаимодействием непосредственно самого знания, единиц языка и значения таковых, а в попытках понимания и объяснения экономических явлений агенты экономического дискурса применяют то многообразие форм, в которых концепции экономики становятся знанием, при этом освоение дискурса экономики происходит в условиях учебной среды. Цель исследования состояла в выявлении тех способов изучения вышеуказанного дискурса, которые могут быть эффективны для избравших экономику в качестве сферы будущей профессиональной деятельности. В качестве эмпирического материала в рамках данного исследования использовались примеры неcodифицированных единиц институционального дискурса экономики, а также примеры осуществления перевода онлайн-переводчиками в сопоставлении с переводом, осуществленным самими обучающимися. Перевод текстов экономического содержания на русский язык и редактирование текстов, перевод которых осуществлялся онлайн-переводчиками, реферирование экономических текстов, а также обсуждение последних были отмечены в качестве наиболее результативных способов возможного становления обучающихся в качестве агентов рассматриваемого нами дискурса, при этом данные способы обеспечивают полноценное построение, поддержание и дальнейшее развитие дискурсивных практик. В ходе исследования применялись такие методы как наблюдение и сравнение, логическое сопоставление, а также использовался метод компонентного анализа. Были сделаны выводы о потенциальном приоритете указанных способов при овладении профессиональным дискурсом экономики. Подобная работа способствует наилучшей трансформации освоенного знания в коммуника-

тивные практики, превращая дискурс экономической сферы в динамичный механизм воссоздания профессионального знания, при этом обеспечивается высокая степень вовлечения будущих агентов дискурса в сам процесс освоения.

**Ключевые слова:** экономический дискурс, институциональный дискурс, агент дискурса, дискурсивные стратегии, экономический перевод, метафора, реферирование текстов.

**Для цитирования:** Андреева, О.Б., Пронина, Е.В. (2024). Освоение англоязычного институционального дискурса экономики русскоязычными студентами. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(2), 139–154. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-139-154>

## 1. ВВЕДЕНИЕ

Невызывает сомнений то, что в современном стремительно развивающемся и меняющемся обществе как никогда раньше растет роль коммуникации, при этом последняя особенно важна именно в профессиональной деятельности человека. Отсюда продолжающийся уже несколько десятков лет интерес исследователей, экспертов и методистов к феномену институционального дискурса. Подчеркивается многогранность дискурса как такового: «одной стороной дискурс обращен к ситуации... другой своей стороной дискурс обращен к человеку» (Павлова, 2018, с. 5). Более того, «дискурсы, которые существуют в культурах и расположены в их пределах, участвуют в переосмыслении и переоценке тех же культур» (Montanari, 2012, p. 2).

В связи с этим эксперты справедливо полагают, что при изучении иностранного языка в целях последующего осуществления успешного профессионального общения «наиболее эффективным представляется освоение этого языка на функциональном уровне с учетом конкретной профессии, так как в профессиональном обучении наиболее четко проявляется тенденция приблизить процесс обучения к деятельности человека» (Алексеева, 2014, с. 6). Этим объясняется необходимость не только традиционного изучения лексических единиц и терминов, относящихся к той или иной профессиональной сфере, но и освоения всех без исключения компонентов институционального дискурса. Требуется и полномасштабное овладение конверсативными стратегиями, которые подразумевают комплекс разнопланового лингвистического поведения, используемого для того, чтобы структурировать содержание и сам процесс коммуникации. Параллельно с этим происходит и углубление дискурсивной компетенции. Под последней подразумевается «способность построения целостных, связных и логичных высказываний (дискурсов), что предполагает выбор лингвистических средств в зависимости от типа высказывания, ситуации общения, коммуникативных задач (Азимов, Щукин, 2009, с. 47). Следует отметить, что именно эта компетенция зачастую сформирована недостаточно, т.к. освоение иностранного языка как языка профессии происходит не в естественных условиях, а в условиях образовательной среды, в результате количество получаемой входящей информации в определенной степени ограничено.

Целью данного исследования стало выявление эффективных способов изучения англоязычного экономического дискурса будущими экономистами. Подобные способы, охватывая все виды речевой деятельности, дают возможность обучающимся осваивать составляющие институционального дискурса с максимальной отдачей и впоследствии стать полноправными агентами данного институционального дискурса. Поскольку в настоящее время повышается спрос на таких специалистов, важность подобного комплексного освоения

возрастает еще больше: на рынок труда будут выходить экономисты-профессионалы, обладающие способностью осмысленно формулировать и адресовать англоязычным коллегам высказывания в профессиональной сфере.

## 2. ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ЭКОНОМИКИ

Под институциональным дискурсом в широком смысле понимают «язык, используемый в рамках социального взаимодействия» (Ehrlich & Romaniuk, 2013, p. 23). Он охватывает социальное взаимодействие, происходящее в условиях, которые считаются «институциональными», т.е. относящимися к работе человека. Также постулируется, что данный вид дискурса есть «конвенциональное культурно-обусловленное нормативное речевое взаимодействие людей, возлагающих на себя социально-значимые роли для удовлетворения определенных потребностей общества» (Попова, 2015, с. 296). Исследователи придерживаются определения дискурса как «средства развития профессиональной идентичности индивида посредством освоения диапазона практик, соответствующих различным профессиональным ситуациям, с которыми индивид сталкивается» (Park & Shallert, 2019, p. 93). Указывается, что профессиональный дискурс есть «язык, который подлежит использованию широким диапазоном профессиональных областей или сфер, маркированных уникальным комплексом когнитивных потребностей, социальных условий и взаимоотношений с обществом в целом» (Domenec & Millot, 2021, p. 59). Не вызывает сомнений то, что в процессе коммуникации одних специалистов с другими конструируется само дисциплинарное знание, а специалисты в то же время реализовывают свою профессиональную идентичность в качестве агентов данного профессионального дискурса.

В современном обществе экономика является неотъемлемой частью жизни каждого человека. В силу этого экономический институциональный дискурс представляет собой обширный пласт дискурсивных единиц, формирующих данную систему. Этот финансово-экономический мир охватывает значительное количество явлений комплексного характера. Мы, вслед за Т.А. Евтушиной и Н.А. Ковальской, рассматриваем экономический институциональный дискурс как совокупность речевых актов с сфере экономики, отражающих реалии экономического мира, цель которых заключается в: 1) освещении событий в экономической жизни общества; 2) информировании о состоянии экономики; 3) формировании отношения к изменениям и побуждении к действиям; 4) создании экономических теорий; 5) исследовании направлений развития экономики и уровня жизни населения (Евтушина, Ковальская, 2014, с. 44). Институциональный дискурс экономики формирует основы деятельности как социальной практики в данной сфере: с его помощью происходит выражение компетенций, конструирование профессиональных ролей, и он же влияет непосредственно на личность индивида.

Сегодня для экономического дискурса характерны изменчивость и постоянные трансформации: возникновение новых понятий, кодифицирующих впервые появляющиеся экономические явления, и выход из обихода понятий, утративших свою значимость. Как пишут в этом отношении исследователи, «метафоры, эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие на неясность – конститuentы дискурса экономического кризиса» (Бушев, 2013, с. 18). Впрочем имеется и альтернативный взгляд на современные дискурсы различных сфер деятельности человека: так, ряд исследователей подчеркивает, что «разговорный язык, традиционно ограниченный частной

сферой коммуникации, все больше и больше находит свое применение в сфере публичной, при этом для достижения институциональных целей говорящие используют все более широкий диапазон «обычных» разговорных дискурсивных стратегий» (Freed & Ehrlich, 2010, p. 3).

Немаловажным также является тот факт, что дискурс экономики оказывает значительное влияние на все другие виды дискурсов, присутствуя в жизни каждого индивида. Являясь по сути своей открытым типом, данный институциональный дискурс также демонстрирует высокую рецептивность, активно воспринимая единицы остальных дискурсов.

Также отметим, что рассуждая о профессиональном дискурсе экономики как объекте потенциального освоения в рамках изучения английского языка в высших учебных заведениях, мы имеем в виду как внутренний институциональный дискурс, или коммуникацию между самими агентами, в нашем случае – экономистами-профессионалами, т.е. дискурс, предназначенный для передачи знания и взаимодействия между «носителями» дискурса различных уровней, так и внешний институциональный дискурс, который представляет собой общение между агентами и клиентами такового. Знание внутреннего и внешнего дискурса экономики формирует профессиональную дискурсивную компетенцию, при этом последняя является важным элементом речевого развития индивида в изучаемом иностранном языке, обеспечивая связанность, уместность и логичность речевых высказываний. Подчеркивается, что именно «согласованность и обоснованность представляют собой ядро дискурсивной компетенции, способствуя развитию рецептивных и продуктивных навыков обучающихся» (Lascu, 2022, p. 358).

Освоение обучаемыми дискурсивных стратегий, под которыми мы понимаем все без исключения лингвистические ресурсы, к которым прибегает говорящий для того, чтобы максимизировать эффективность своих вербальных и письменных высказываний, имея при этом определенные намерения, наилучшим образом может способствовать аккумулированию профессиональных навыков. На овладение последними оказывает значительное воздействие именно производимый обучаемыми отбор единиц институционального дискурса, которые находятся в процессе постоянного взаимодействия и трансформации. В результате усвоения таковых демонстрируется способность строить профессиональные отношения между агентами дискурса. Также отметим, что на сегодняшний день те, кто осваивает профессиональные дискурсы, имеют практически неограниченный доступ к самым разнообразным ресурсам, что для предыдущих поколений не было столь легкой задачей, учитывая географические или технологические барьеры. Тем не менее, преподаватели, осуществляющие обучение такого рода, сталкиваются с целым рядом проблем: с одновременно абсолютным и вариативным характером профессионального дискурса экономической сферы, а также широким диапазоном стилистических уровней, присущих данному профессиональному дискурсу.

### 3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Выбор нами методологической базы определялся целями и задачами данного исследования. В последнем были использованы такие общенаучные методы как наблюдение, сравнение, анализ и синтез. Наряду с этим авторами был применен описательный метод, при использовании которого центром внимания стали отдельные единицы профессионального дискурса. Ввиду того, что данный метод не дает полноценной картины дискурсивной среды, его применение сочеталось с методом компонентного анализа, в рамках

которого были интерпретированы содержательные составляющие профессионального экономического дискурса, а также сформулированы возможности освоения компонентов профессионального дискурса, обеспечивающие наиболее эффективные результаты коммуникационного процесса. Также сопоставлялись варианты возможного перевода, что обеспечивало знание коррелятивности элементов оригинального текста и осуществленного перевода с учетом факторов, которые оказывают влияние на переводческий процесс. Метод логического сопоставления помог выявить отличительные особенности профессионального англоязычного дискурса экономики.

Выбор источников эмпирического материала был обусловлен встречающимися в практике методически проблемными аспектами освоения англоязычного дискурса экономики, а именно многообразием видов лексических единиц, использующихся в его рамках, его метафоричностью, влиянием перевода, осуществляемого онлайн-переводчиками на освоение данного дискурса и рядом других аспектов.

#### 4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

С учетом сложности и многогранности институционального экономического дискурса, подлежащего изучению, его освоение должно быть определенным образом методически организовано, что тем самым дает возможность будущим профессионалам-экономистам стать полноправными агентами англоязычного институционального дискурса экономики.

Общеизвестно, что профессиональные процессы, процедуры и практики находят свое выражение в разветвленной и многоплановой системе дискурсивных практик, при этом последние одновременно и определяют, и отражают профессиональные роли, должности, знание и задачи в данный момент времени. Не вызывает сомнений тот факт, что профессии характеризуются узнаваемым «набором» лингвистических средств. Однако в то же время институциональный дискурс той или иной профессиональной области может быть полностью непонятен для тех, кто не является его агентами. Таким образом, признается потребность в полномасштабном освоении всего диапазона составляющих институционального дискурса: «помимо профессиональных знаний и опыта будущие профессионалы также должны быть осведомлены о данной потребности, в результате налицо необходимость в освоении лингвистического поведения, наилучшим образом подходящего той или иной профессии» (Garzone, 2017, p. 8). Как справедливо формулируют эту проблему исследователи, возникает задача «изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения» (Макаров, 2003, с. 4). Более того, профессия экономиста обычно причисляется к так называемым коммуникативным профессиям, где «речевая деятельность является одним из необходимых умений, по которому оценивают профессионализм представителей этой профессии» (Харченко, 2003, с. 9). Таким образом, обучение профессиональному англоязычному дискурсу экономики может рассматриваться нами как целенаправленное обучение восприятию, пониманию и последующему созданию сущностных фрагментов данного институционального дискурса, что в совокупности дает возможность полноценного осуществления профессиональной коммуникации. Также следует учитывать, что институциональный дискурс экономики обращен одновременно к нескольким отраслям экономики – это фондовый рынок, международная торговля, финансовый сектор и многое другое, что делает весьма значительным объем относящихся к той или иной отрасли лексических единиц, расширяет стилистический и синтаксический диапазон устных и письменных высказываний.

На наш взгляд, одним из самых эффективных инструментов освоения профессионального дискурса экономики является перевод с английского языка на русский текстов экономического характера, т.н. экономический перевод. Данные тексты демонстрируют тесную связь с экстралингвистическими явлениями экономического характера, в них мы можем увидеть самые разнообразные единицы данного дискурса. Демонстрируя специализированный характер, экономический перевод представляет собой перевод текстов, которые не являются художественными, а удовлетворяют коммуникативные потребности профессионалов академической или профессиональной среды. Зачастую термин «экономический перевод» используется в качестве термина-зонтика, охватывающего все формы переводческой практики в экономической сфере, будь то маркетинг, коммерция, банковская сфера или инвестиции. Экономический перевод на сегодняшний день представляет собой активно развивающуюся вместе с обществом сферу деятельности. Отметим, что лишь в очень редких случаях тексты, предназначенные для подобного рода перевода, характеризуются принадлежностью только к одному жанру. В рамках профессионального дискурса экономики им присуще многоплановое сочетание характеристик общего языка, научного языка, а также языка для специальных целей. Перевод этих текстов представляет собой не просто механическую замену слов одного языка эквивалентными словами другого языка, а дает возможность лично «пережить» весь диапазон экономических явлений, которые неизбежно наличествуют в текстах такого рода. Недаром на сегодняшний день процесс перевода трактуется в качестве формы межкультурного взаимодействия, и переводу подлежат не взятые сами по себе слова иностранного языка, а скорее цельные фрагменты дискурса, помещенные в культурный и социальный контекст, при этом перевод становится не просто неким лексическим барьером, который следует «преодолеть», а результатом сформировавшегося множества взаимосвязей между текстом, контекстом и иными факторами.

Экономический перевод подразумевает широкое стилевое разнообразие, начиная от годовых отчетов компаний, финансовых отчетов, уставов компаний, корпоративных страничек в интернете, научно-популярных статей в прессе, речей глав компаний и т.д.

Безусловно, в процессе перевода экономических текстов существенную роль играет знание терминологии соответствующей области: как пишут в этом отношении исследователи, «термины есть средство представления и передачи специализированного знания, экономические термины есть единицы экономического знания и «точки доступа» к структурам знания отрасли, которые интериоризируются, передаваясь интересубъективно в рамках дискурсивного сообщества» (Biel, 2013, p. 41). К тому же экономическая терминология в определенной степени является культурно-специфической в силу исторических и идеологических различий между экономическими системами. Однако помимо официальной терминологии, то есть терминов, которые зафиксированы в словарях (*interest rates – процентные ставки, market capitalization – капитализация рынка, par value – номинальная стоимость*) в рамках профессионального дискурса экономики мы встречаем такие некодифицированные лексические единицы как *to back up the truck* (дословно «подавать грузовик задним ходом», что означает покупать позиции акций на фондовом рынке в больших количествах) или *big uglies* (гадкие утята: имеются в виду давно существующие большие промышленные компании, чаще всего в крупных производственных отраслях) или *elephants* (слоны: крупные институциональные инвесторы, которые обладают масштабными ресурсами для изменения ситуации на рынке).

Приведем несколько примеров подобного употребления.

Таблица 1. Примеры некодифицированных лексических единиц институционального дискурса экономики

Некодифицированные лексические единицы дискурса	Перевод авторов
Here's my expert opinion: back up the truck on 10-year Treasury bonds (Hayes, 2022).	Вот мое экспертное мнение: заходи по-крупному (покупай много) десятилетних казначейских облигаций.
Big Uglys are simply no longer able to generate the same level of revenue and profitability as they once did (Livewell, 2022).	Гадкие утята уже больше не могут обеспечить ту доходность, которую имели раньше.
Beating the market by running with elephants (Kam, 2012).	Победить рынок, действуя заодно с крупными инвесторами рынка (название статьи).

Некодифицированные единицы институционального дискурса также являются неотъемлемой частью рассматриваемого нами профессионального дискурса. Ситуация также осложняется тем фактом, что большинство англоязычных исследователей включает в весьма широкую категорию «жаргон» (jargon) как кодифицированные терминологические единицы, так и то, что в русскоязычных исследовательских традициях называется «профессионализмами» и рассматривается отечественными лингвистами как нечто, находящееся за пределами официальной терминологии. Помимо этого, такого рода единицы потенциально могут становиться источником образования новых терминов, обеспечивая дальнейшее развитие терминологических систем, в нашем случае – терминосистемы экономики. И именно перевод текстов экономической направленности, т.е. экономический перевод, обеспечивает возможность успешного освоения всего разнообразия дискурсивных элементов, «предъявляя» обучаемым для поиска русскоязычных эквивалентов лексические единицы английской экономической терминологии из широчайшего диапазона жанровой принадлежности. Приведем примеры подобных единиц в экономических текстах, при переводе которых обучаемые надежно закрепляют в памяти данные единицы, что обеспечивает их дальнейшее активное использование в англоязычном профессиональном дискурсе.

Таблица 2. Примеры перевода некодифицированных лексических единиц экономической сферы

Некодифицированные единицы/ профессионализмы/ жаргонизмы экономической сферы	Перевод на русский язык
Being engaged in <b>bunching</b> this week, the brokers wished they had done it a week earlier.	Занимаясь объединением приказов на одну и ту же ценную бумагу с целью одновременного их исполнения на этой неделе, брокеры сожалели, что не сделали это неделей раньше.
<b>Green-chip companies</b> often enjoy the benefits in the form of encouragement from their governments.	Компании, занимающиеся зеленой энергетикой, зачастую получают преимущества в виде стимулирующих мер со стороны государства.
The recent banking crisis has <b>fueled concern</b> of a <b>credit crunch</b> and the resulting negative impact on households, businesses and the U.S. economy.	Недавно разразившийся банковский кризис может стать причиной потенциального кредитного кризиса, в результате чего могут пострадать американские домохозяйства, компании и темпы роста экономики страны.
These <b>pink-collar jobs</b> tend to be lower-paying jobs than the typical white-collar or blue-collar ones.	Уровень оплаты труда этих «розовых воротничков» обычно ниже по сравнению с белыми и синими («розовые воротнички» - женщины, работающие в традиционных «женских» профессиях (учителя, медсестры, продавцы).
This also included the latest requirement to the traders to <b>'clean their skirts'</b> .	Это включало также недавнее требование ко всем трейдерам «почистить свои юбки» (выражение означает задачу проверить все предыдущие обязательства или обременения по ценной бумаге).
The company did not add, however, any <b>'hamburgers'</b> to this portfolio.	Однако к портфелю акций не были добавлены «гамбургеры» (акции компании Мак Доналдс).

Помимо приведенных нами выше профессионализмов (их также называют терминоидами, жаргонизмами, единицами социолекта и т.п.), тексты, относящиеся к экономическому дискурсу, зачастую демонстрируют наличие значительного количества метафор, тропов, аллюзий, исторических и культурологических отсылок и т.п. Столь широкое использование метафорических конструкций в дискурсе экономики делает последний менее абстрактным, а также облегчает конкретизацию и объективизацию экономических концепций. Как подчеркивает Д. МакКлоски (D. McCloskey), метафору необходимо рассматривать в рамках экономики как средство, цель которого – «найти аргументы убеждения для адресата» (McCloskey, 1983, p. 501). Используемые в рамках институционального дискурса экономики метафоры возникали в качестве ответа, реакции на потребность придать языковую форму реалиям экономического характера. Профессиональный дискурс, будучи способом представлять аспекты существующей реальности того или иного института – происходящих в нем и соотносимых с ним процессов, связей, а также его структур, – в полной мере отражает это в используемых им единицах языка. Сегодня метафора в экономическом дискурсе рассматривается не в качестве языкового «украшения» порождаемого и воспроизводимого дискурса, а в качестве когнитивного приема, дающего возможность понимания одной области посредством другой области. Эксперты указывают, что «перевод может и должен быть ценным педагогическим и коммуникативным средством в целях освоения метафорических концепций теми, кто осваивает профессиональный дискурс» (Velasco-Sacristan, 2009, p. 90). Вслед за исследователями мы также считаем, что «предполагается, что метафоры должны облегчать понимание, а не препятствовать ему, значит, они могут быть использованы в качестве дидактического инструмента для упрощения того, что в ином случае было бы слишком сложным для понимания обучаемых» (Montanari, 2020, p. 4). Подчеркнем еще раз, что в процессе осуществления перевода обучаемые, сталкиваясь с метафорами, подлежащими переводу, получают дополнительную возможность лучше понять и запомнить используемые структуры: в процессе перевода их на русский язык возникает необходимость вовлечения предшествующего и уже освоенного знания, а также экстраполяции английского и русского языков.

Осуществление экономического перевода самими обучаемыми приобретает особую ценность и значимость для полномасштабного овладения экономическим дискурсом в сегодняшних условиях, характеризующихся повсеместным использованием технологий и вхождением искусственного интеллекта во все сферы нашей жизни, в силу чего и в образовательной среде, и в самой профессиональной сфере наблюдается активное применение онлайн-переводчиков для осуществления перевода с одного языка на другой. К примеру, *Google-Translate*, онлайн-переводчик, осуществляющий бесплатный и моментальный перевод, к тому же применяющий систему нейросетей, дает возможность быстрого перевода отдельных слов, выражений и текстов, порождаемых любым профессиональным дискурсом. Однако в рассматриваемой нами экономической сфере, как отмечают исследователи, «современные англоязычные тексты экономической направленности не представляют собой формальные, клишированные тексты, относящиеся к экономике, единственной особенностью которых является наличие экономических терминов» (Кирсанова, Польская, 2022, с. 89). Помимо многообразия лексических единиц, употребляемых агентами экономического дискурса, в обсуждаемых экономических текстах мы также сталкиваемся со значительным количеством метафор: ввиду того, что такого рода экономическая деятельность, как, например, международные финансы или торговля, характеризуется высокой степенью специализации и сложности, авторы текстов зачастую прибегают к помощи метафор

с целью облегчить понимание содержания излагаемого и повысить степень экспрессивности содержания. В силу этого перевод, осуществленный онлайн-переводчиками, может не в полной мере отражать выражаемые авторами мысли и понятия, «не ощущать» применяемой авторами игры слов, недостаточно точно истолковывать социокультурные составляющие порожденных экономистами текстов. Однако несмотря на это, мы отнюдь не исключаем возможности использования нашими обучаемыми подобных ресурсов: зачастую, нами специально ставятся подобного рода задачи, однако важным фактором является то, что при этом мы обязательно осуществляем последующее редактирование полученного перевода как раз с целью коррекции оттенков значений, модных слов и аллюзий, которые «ускользнули» от внимания искусственного интеллекта.

В Таблице 3 приведены примеры перевода отдельных предложений онлайн-ресурсами и соответствующего редактирования, осуществляемого нашими обучаемыми:

*Таблица 3.* Примеры перевода компонентов экономических текстов онлайн-переводчиком с последующим редактированием перевода обучаемыми.

Исходное предложение	Перевод, осуществленный онлайн-переводчиком	Вариант, отредактированный обучаемыми
City economists are concerned about this changing the tack.	Городские экономисты обеспокоены изменением курса	Экономисты из Лондонского Сити обеспокоены изменением стратегии.
Fed Cuts to weaken greenback?	Сокращения ФРС для ослабления доллара?	ФРС снижает процентную ставку в целях ослабления курса доллара?
How shrinkflation is playing havoc with economists' models.	Как термоусадочная инфляция разрушает модели экономистов.	Как шринкфляция (факт снижения производителем веса товара в упаковке с одновременным сохранением его цены) отрицательно сказывается на экономических моделях.
Economics and stock markets do not always match well.	Экономика и фондовые рынки не всегда хорошо совпадают.	Экономическая теория не всегда может объяснить динамику фондового рынка.
Bitcoin has not just been a trendsetter, causing a wave of crypto currencies built on decentralized platform network.	Биткойн не просто стал законодателем моды, вызвав волну криптовалют, построенных на децентрализованной сети платформ.	Биткойн стал не просто самой первой криптовалютой, которая начала данный тренд и способствовала появлению целого ряда других криптовалют на основе децентрализованной платформы.
With their broad product portfolios and intellectual presence being ready, heavyweights such as HP, IBM and Oracle are probably best placed to weather the storm.	Имея широкий портфель продуктов и готовое интеллектуальное присутствие, такие тяжеловесы как HP, IBM и Oracle вероятно лучше всего смогут выдержать шторм.	Обладая обширным ассортиментом продукции и интеллектуальным потенциалом, готовым к применению, такие крупные компании как HP, IBM и Oracle, возможно, способны справиться с неблагоприятной конъюнктурой лучше конкурентов.

Таблица демонстрирует явные переводческие «промахи» машинного перевода и необходимость обучения студентов его редактированию. Сопоставленный анализ двух вариантов перевода, а также самостоятельный поиск правильного варианта — эффективные средства овладения двуязычным институциональным дискурсом. Как справедливо подчеркивают в этом отношении эксперты, «решение переводческих проблем может стать тем родом занятий, который в наибольшей степени стимулирует интеллектуальную деятельность, активизирует освоение единиц изучаемого языка» (Кирсанова, Польская, 2022, с. 89). Работа по редактированию подобного материала может способствовать наилучшему освоению элементов профессионального дискурса, одновременно и развивая ряд когнитивных навыков высшего порядка, углубляя экстралингвистические знания тех, кто осваивает экономический дискурс, при этом, несомненно, повышая дискурсивную компетенцию.

Еще один не менее значимый инструмент овладения дискурсом профессии – реферирование статей экономической тематики. В сегодняшней ситуации, когда объемы поступающей информации превышают все мыслимые пределы, на передний план безусловно выходит потребность эффективной организации и структуризации получаемых нами данных. Именно по этой причине реферирование, под которым мы понимаем процесс логического суммирования основных идей и ключевых элементов отдельно взятого текста или документа, результатом чего становится воспроизведение его в краткой форме, играет чрезвычайно важную роль. Благодаря реферированию мы получаем возможность быстрого понимания сути содержащейся в тексте информации, при этом в процессе реферирования информация должным образом организуется, что облегчает создание нового знания и заключение выводов в определенной области. Как подчеркивает О. В. Наумова, «реферирование – это интеллектуальный творческий процесс, включающий смысловую компрессию письменных текстов, краткое и обобщенное изложение содержания материала в соответствии с поставленным заданием» (Наумова, 2018, с. 3). Не следует также забывать, что человек «обрабатывает» поступающую информацию наилучшим образом и именно вербально, а речь, особенно в рамках профессионального дискурса, делает мышление более конкретным и «видимым». При этом одновременно повышается интеллектуальная адаптивность, развиваются навыки синтеза информации и ее интегрирования.

Не вызывает сомнений то, что подобного рода деятельность способствует лучшему пониманию экономических концепций и тенденций в экономике, одновременно упорядочивая в представлении обучаемых те языковые единицы, которые находятся в языковом обиходе экономической сферы. Даже если будущие экономисты не собираются в дальнейшем использовать их все без исключения, становясь агентами профессионального дискурса экономики, тем не менее знакомство с ними дает им более четкую картину экономической жизни общества, динамики рынков и т.п.

Реферирование также дает возможность дальнейшего обсуждения тематики реферируемых материалов. Такой вид работы в рамках освоения профессионального дискурса может наилучшим образом способствовать углублению понимания экономических вопросов, проблем и понятий, задавать вопросы на определенную тему и получать на них ответы. Подобное целенаправленное обсуждение тематики такого рода вносит ощутимый вклад в создание психологической готовности к коммуникации и дает возможность сознательного осмысления материала.

Обсуждение заставляет обучаемых осмысливать и излагать в собственной форме информацию, содержащуюся в рассматриваемых нами текстах, тем самым приспособляя предъявляемый институциональный экономический дискурс к пониманию разноплановых экономических реалий. В рамках подобных обсуждений от обучаемых требуется умение давать четкие формулировки. Подобного рода деятельность дает возможность большей степени вовлеченности обучаемых, являясь своего рода обратной связью, демонстрирующей насколько точно был понят изучаемый материал. Аналитическое обсуждение экономических текстов является важнейшим дидактическим требованием для формирования навыков практического порождения и использования профессионального дискурса.

С методической точки зрения подобное обсуждение является применением метода предметно-языкового интегрированного обучения, объединяющего преподавание определенной дисциплины и иностранного языка. Результатом этого становится как

значительное расширение объема знаний об экономике у обучаемых, так и развитие и углубление лингвистических, дискурсивных и коммуникативных компетенций, наряду с когнитивными и мотивационными преимуществами подобного сочетания.

## 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный англоязычный институциональный дискурс экономической сферы охватывает чрезвычайно широкий диапазон единиц и структур самого разнообразного характера, объединяя в рамках профессионального общения и термины, и жаргонизмы, и некодифицированные единицы, наряду с метафорами, неологизмами и пр. Развитие компетенций в данном отношении требует четкого понимания лингвистических и дискурсивных условностей – характерных особенностей и практик, сформированных профессионалами данной области, которые находят свое отражение в разнообразии жанров, используемых в рассматриваемом нами дискурсе. Кроме того, необходима кропотливая работа по развитию дискурсивных стратегий, типичных именно для участников определенного институционального дискурса. Перед теми, кто осваивает профессию экономиста, одновременно с этим изучая английский язык в качестве языка профессии, стоит сложная, но решаемая задача изучения вышеуказанного материала, поскольку овладение таковым будет способствовать их собственному инкорпорированию в систему коммуникативного взаимодействия агентов англоязычного профессионального экономического дискурса. Осуществление перевода текстов экономической направленности, редактирование материалов, переведенных онлайн-переводчиками, реферирование экономических текстов, а также их обсуждение способствуют решению коммуникативных задач, возникающих перед будущими агентами данного профессионального дискурса, с учетом интерактивной природы осуществляемой ими языковой деятельности.

### *Конфликт интересов:*

Авторы заявляют об отсутствии какого-либо конфликта интересов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л.Е. Особенности обучения иностранным языкам в профессионально ориентированном контексте. Английский язык на гуманитарных факультетах: теория и практика: Сборник научных и научно-методических трудов / под ред. Г. А. Казимовой. М.: МАКС Пресс, 2014. Выпуск 7. С. 5-12.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009.
3. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс (Автореферат дисс. ... д-ра н.). Волгоград, 2009.
4. Бушев А.Б. Дискурс экономического кризиса // Дискурс-Пи. 2013. № 1-2 (11-12). С. 242-249.
5. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2014. № 6(335). С. 42-46.

6. Кирсанова Е.М., Польская С.С. Гугл-переводчик: с ним или без него? (на материале экономических текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (859). С. 59-64. doi: 10.52070/2542-2197\_2022\_4\_859\_59
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003.
8. Наумова О.В. Особенности обучения реферированию текстов на английском языке в процессе обучения аспирантов [Электронный ресурс] // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2018. Т. 2. URL: [https://iling-ran.ru/library/sborniki/for\\_lang/2010\\_02/15.pdf](https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/15.pdf) (дата обращения: 03.08.2023).
9. Павлова Н.Д. Дискурс: актуальные направления и перспективы психолингвистических исследований [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 16-26. URL: [https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper\\_36576931.pdf](https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_36576931.pdf) (дата обращения 01.04.2023).
10. Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социальная образовательная мысль. Сер. 7. 2015. № 6. С. 295- 301. doi: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-295-300>
11. Харченко Е.В. Варианты речевого поведения профессиональных коммуникаторов // Вопросы филологии. 2003. №1 (13). С. 13-17.
12. Domenec F., Millot P. What is professional in a professional magazine? Using corpus analysis to identify specializedness in professional discourse and culture // G. Jacobs & S. Decock (Eds.). Good Data in Business and Professional Discourse Research and Teaching. Communicating in Professions and Organizations. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 55-87. doi:10.1007/978-3-030-61757-8\_3
13. Ehrlich S., Romaniuk T. Discourse Analysis // R. Podesva & D. Sharma (Eds.). Research Methods in Linguistics. Cambridge Scholar Press, 2013. P. 21-29. doi:10.1017/CBO9781139013734.024
14. Freed A.F., Ehrlich S. Why do you ask: The function of questions in institutional discourse. Oxford University Press, 2010. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195306897.003.0001
15. Garzone G., Catenaccio P., Grego K., Doerr R. (Eds.). Specialized and professional discourse across media and genres. Milano, Italy: LedizioniLediPublishing, 2017.
16. Hayes A. Back up the truck: what it means, where it is used [Электронный ресурс] // Investopedia. 2022. URL: [https://www.investopedia.com/terms/b/backupthetruck.asp#:~:text=Back%20up%20the%20truck%20is,on%20that%](https://www.investopedia.com/terms/b/backupthetruck.asp#:~:text=Back%20up%20the%20truck%20is,on%20that%20) (дата обращения: 05.10.2023).
17. Kam K. Beating the market by running with elephants [Электронный ресурс] // Forbes: Money & Investing. May 1, 2012. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenkam/2012/05/01/beat-ing-the-market-by-running-with-elephants/?sh=52f193c659ca> (дата обращения: 14.01.2024).
18. Lanate K. Financial tips, guides and know-hows. Defining Big Uglies [Электронный ресурс] // Livewell: Finance. 2023. URL: <https://livewell.com/finance/big-uglies-definition/> (дата обращения: 26.12.2023).
19. Lascu T. Development of the discourse competences through literary texts // Hungarian Educational Research Journal. 2022. № 13(3). P. 358-365. doi: <http://doi.org/10.1556/063.2022.00137>
20. McCloskey D. The Rhetoric of Economics // Journal of Economic Literature. 1983. № XXI. P. 481-517.
21. Montanari F. Forms of Economic Discourse, the Crisis, and Financial Markets. Analysis and Research Perspectives. From Actor Network Theory to Semiotics [Электронный ресурс] // Sociologica. 2012. № 3. P. 1-18. URL: <https://www.researchgate.net/publication/308972382> (дата обращения 28.11.2023).

22. Park J.J., Shallert D.L. Talking, reading and writing like an educational psychologist: the role of discourse practices in graduate students' professional identity development // *Learning, Culture and Social Interaction*. 2019. Vol. 22. P. 91-99. doi: 10.1016/j.lcsi.2018.06.001

23. Velasco-Sacristan M. A translation approach to metaphor teaching in the LSP Classroom: Sample exercises from a business English syllabus. *Iberica*. 2009. № 17. P. 83-98.

## REFERENCES

1. Alekseeva, L.E. (2014). *Osobennosti obucheniya inostrannym yazykam v professionalno orientirovannom kontekste. Angliyskiy yazyk na gumanitarnykh fakultetakh: teoriya i praktika [Specifics of teaching foreign languages in a professionally-directed context. The English language in teaching humanities: theory and practice]*. Moscow: MAKS press (in Russian).

2. Azimov, E.G., & Shchukin, A.N. (2009). *Novyi slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New dictionary of methodology terms and concepts (theory and practice of language teaching)]*. Moscow: IKAR publishing house (in Russian).

3. Beilinson, L.S. (2009). *Professionalnyi diskurs [Professional discourse]*. Volgograd: VP Publishers (in Russian).

4. Bushev, A.B. (2013). *Diskurs ekonomicheskogo krizisa [The Discourse of the economic crisis]*. *Diskurs-Pi [Discourse-P]*, 1-2 (11-12), 242-249 (in Russian).

5. Evtushina, T.A., & Kovalskaya, N.A. (2014). *Ekonomicheskyy diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Economic discourse as an object of linguistic study]*. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 6(335), 42-46 (in Russian).

6. Kirsanova, E.M., & Polskaya, S.S. (2022). *Google-perevodchik: s nim ili bez nego? (na materiale ekonomicheskikh tekstov) [To Google Translate or not to Google Translate (using the examples from economic texts)]*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 4(859), 59-64 (in Russian). doi: 10.52070/2542-2197\_2022\_4\_859\_59

7. Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa [Discourse theory fundamentals]*. Moscow: Gnosis (in Russian).

8. Naumova, O.V. (2018). *Osobennosti obucheniya referirovaniyu tekstov na angliyskom yazyke v protsesse obucheniya aspirantov [Specifics of summarizing in English within the process of teaching postgraduate students]*. *Lingvistika i metody prepodavaniya inostrannykh yazykov [Linguistics and methods of teaching foreign languages]*, 2, 81-86 (in Russian). [https://ilingran.ru/library/sborniki/for\\_lang/2010\\_02/15.pdf](https://ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/15.pdf)

9. Pavlova, N.D. (2018). *Diskurs: aktualnyie napravleniya i perspektivy psikholingvisticheskikh issledovaniy [Discourse: topical lines and prospects of psycholinguistic research]*. *Psikhologicheskiy zhurnal [Psychological Journal]*, 39(6), 16-26 (in Russian). [https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper\\_36576931.pdf](https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_36576931.pdf)

10. Popova, T.P. (2015). *Kharakteristiki institutsionalnogo diskursa [Characteristics of institutional discourse]*. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl [Historical and social educational idea]*, 7(2), №6, 295-301 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-295-300>

11. Kharchenko, E.V. (2003). Varianty rechevogo povedeniya professionalnykh kommunikatorov [Variants of professional communicators' speech behaviors]. *Voprosy philologii [Philology issues]*, 1(13), 13-17 (in Russian).
12. Domenec, F., & Millot, P. (2021). What is professional in a professional magazine? Using corpus analysis to identify specializedness in professional discourse and culture. In G. Jacobs & S. Decock (Eds.), *Good Data in Business and Professional Discourse Research and Teaching. Communicating in Professions and Organisations* (pp. 55-87). Palgrave Macmillan, Cham. doi:10.1007/978-3-030-61757-8\_3
13. Ehrlich, S., & Romaniuk, T. (2013). Discourse Analysis. In R. Podesva & D. Sharma (Eds.), *Research Methods in Linguistics* (pp. 21-29). Cambridge Scholar Press. doi:10.1017/CBO9781139013734.024
14. Freed, A.F., & Ehrlich, S. (Eds.). (2010). *Why do you ask: The function of questions in institutional discourse*. Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195306897.003.0001
15. Garzone, G., Catenaccio, P., Grego, K., & Doerr, R. (2017). *Specialized and professional discourse across media and genres*. Milano, Italy: LedizioniLediPublishing.
16. Hayes, A. (2022). *Back up the truck: what it means, where it is used*. Investopedia. <https://www.investopedia.com/terms/b/backupthetruck.asp#:~:text=Back%20up%20the%20truck%20is,on%20that%>
17. Kam, K. (2012, May 1). *Beating the market by running with elephants*. Forbes: Money & Investing. <https://www.forbes.com/sites/kenkam/2012/05/01/beating-the-market-by-running-with-elephants/?sh=52f193c659ca>
18. Lanate, K. (2023). *Financial tips, guides and know-hows. Defining Big Uglies*. Livewell: Finance. <https://livewell.com/finance/big-uglies-definition/>
19. Lascu, T. (2022). Development of the discourse competences through literary texts. *Hungarian Educational Research Journal*, 13(3), 358-365. <http://doi.org/10.1556/063.2022.00137>
20. McCloskey, D. (1983). The Rhetoric of Economics. *Journal of Economic Literature*, XXI, 481-517.
21. Montanari, F. (2012). Forms of Economic Discourse, the Crisis, and Financial Markets. Analysis and Research Perspectives. From Actor Network Theory to Semiotics. *Sociologica*, 3, 1-18. <https://www.researchgate.net/publication/308972382>
24. Park, J.J., & Shallert, D.L. (2019). Talking, reading and writing like an educational psychologist: the role of discourse practices in graduate students' professional identity development. *Learning, Culture and Social Interaction*, 22, 91-99. doi: 10.1016/j.lcsi.2018.06.001
22. Velasco-Sacristan, M. (2009). A translation approach to metaphor teaching in the LSP Classroom: Sample exercises from a business English syllabus. *Iberica*, 17, 83-98.

#### **Информация об авторах:**

**Андреева Ольга Борисовна** – старший преподаватель кафедры английского языка №5 МГИМО МИД России (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-2799-4693.

**Пронина Елена Вячеславовна** – старший преподаватель кафедры английского языка №5 МГИМО МИД России (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-1281-2703.

**Получено:** 16 декабря 2023 г.

**Принято к публикации:** 29 марта 2024 г.

# MASTERING ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE: STRATEGIES FOR RUSSIAN-SPEAKING ECONOMICS STUDENTS

*Olga B. Andreeva*

*MGIMO University*

*(Moscow, Russia)*

*o.b.andreeva@inno.mgimo.ru*

*Elena V. Pronina*

*MGIMO University*

*(Moscow, Russia)*

*e.v.pronina@inno.mgimo.ru*

**Abstract:** The article addresses the challenge of acquiring professional economic discourse among students pursuing a bachelor's degree in economics. This institutional economic discourse is not merely a collection of terminological units but a complex and evolving system that exhibits a broad spectrum of genre, stylistic, and pragmatic relevance. The discourse in the economic field represents the interconnections of knowledge, various language units, and their meanings. In efforts to comprehend and elucidate economic phenomena, its practitioners employ diverse forms through which economic concepts are transformed into knowledge within an educational context. The study aims to identify effective methods for studying English-language economic discourse for students who have chosen economics as their future career. The authors utilize examples of non-codified language units from economic discourse and compared online machine-translated examples with translations produced by learners as empirical material for this research. Translating economic texts from English to Russian, editing texts translated by online translators, summarizing in English, and engaging in follow-up discussions emerged as the most effective strategies for learners to establish themselves as agents of economic discourse. These techniques ensure the comprehensive establishment, maintenance, and advancement of discourse practices. The study employs observation and analysis, logical juxtaposition, and the component analysis method. The authors conclude that the aforementioned methods for acquiring economic discourse should be given priority. This approach significantly enhances the effectiveness of converting acquired knowledge into communicative practices, transforming the discourse of the economic sphere into a dynamic tool for recreating professional expertise, with a high level of involvement from potential discourse agents in the acquisition process.

**Keywords:** economic discourse, institutional discourse, discourse agent, discursive strategies, economic translation, metaphor, text summarizing.

**How to cite this article:** Andreeva, O.B., Pronina, E.V. (2024). Mastering English Economic Discourse: Strategies For Russian-Speaking Economics Students. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 139–154 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-139-154>

***About the authors:***

**Olga B. Andreeva** is a senior lecturer in the Department of the English language #5 at MGIMO University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-2799-4693.

**Elena V. Pronina** is a senior lecturer in the Department of the English language #5 at MGIMO University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-1281-2703.

***Received:*** December 16, 2023.

***Accepted:*** March 29, 2024.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-155-160>

## Обзор круглого стола, посвященного роли нейролингвистических исследований в иноязычном образовании (Москва, МГИМО МИД России, 20.04.2024)

*В.М. Глушак*

*МГИМО МИД России*

*(Москва, Россия)*

*glushakvm@mail.ru*

**Аннотация.** В статье приводится обзор основных докладов, прозвучавших на заседании Круглого стола по проблемам нейролингвистических исследований в сфере языкового образования, организованного в рамках V Межвузовской научно-практической конференции «Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе» (МГИМО МИД России, Москва, Россия).

**Ключевые слова:** нейролингвистика, языковое образование, нейронауки, нейропедагогика, методология нейролингвистического исследования.

**Для цитирования:** Глушак, В.М. (2024). Обзор круглого стола, посвященного роли нейролингвистических исследований в иноязычном образовании (Москва, МГИМО МИД России, 20.04.2024). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(2), 155–160. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-155-160>

В рамках V Межвузовской научно-практической конференции «Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе», состоявшейся 19-20 апреля 2024 года на площадке кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений, был организован круглый стол, посвященный нейролингвистическим проблемам в языковом образовании. В работе круглого стола приняли участие исследователи Центра нейролингвистических исследований когнитивного потенциала (МГИМО МИД России) и Центра когнитивных исследований и нейронаук (Томский государственный университет).

Руководители обоих научных центров, участвовавших в работе круглого стола, представили профиль своих исследовательских площадок. Директор Центра когнитивных исследований и нейронаук к.филол.н. М.А. Толстова (Томск) отметила, что ее исследовательский центр входит в сеть, насчитывающую 17 нейроработаторий в 10 городах, и своей целью определяет разработку новой модели прогнозирования поведения человека, основанной на нейроданных его поведения. В качестве основных показателей

исследователи рассматривают когнитивную нагрузку, внимание, запоминаемость, интерес, эмоциональную вовлеченность. Еще одним направлением исследовательской деятельности Центра когнитивных исследований и нейронаук является разработка модели оценки качества образовательного контента на основе объективных данных нейротехнологий. Исследователи планируют создать базу данных об особенностях восприятия и когнитивной обработки образовательного контента, получить новые знания о различных факторах, влияющих на восприятие образовательного материала, а также выработать набор метрик, которые позволяют оценить эффективность его восприятия.

Руководитель Центра нейролингвистических исследований когнитивного потенциала д.филол.н. Е.М. Позднякова (Москва) представила основные направления деятельности этого подразделения МГИМО МИД России, связанные с исследованием механизмов порождения и восприятия речи на родном и иностранных языках в комплексе поведенческих факторов в социокультурной среде с использованием современных методов нейровизуализации. В качестве отдельных направлений исследования Е.М. Позднякова назвала сбор экспериментальных данных о работе мозга в процессе освоения иностранных языков, изучение пластичности мозга академических билингов и мультилингов, в частности, особенностей формирования речевой компетенции в зависимости от условий освоения языка. Кроме того, исследовательский коллектив Центра нейролингвистических исследований когнитивного потенциала занимается когнитивным моделированием процессов понимания и порождения высказывания в профессиональной коммуникации специалистов-международников.

Предваряя научную дискуссию, модератор круглого стола к.филол.н. Н.А. Чес (Москва) отметила, что на сегодняшний день лингвистика представляет собой некую точку конвергенции целого ряда отдельных научных дисциплин, и любой исследователь, который вступает на поле нейролингвистики, неизменно сталкивается с тремя серьезными проблемами. Во-первых, это - оформление методологического фундамента, что необходимо для формулировки частных гипотез, для разработки дизайна проводимых экспериментов. Второй вызов, с которым сталкиваются нейролингвисты, касается установления условий валидности результатов эксперимента, которые в последствии сформируют необходимый эмпирический фундамент и позволят, с одной стороны, верифицировать, скорректировать, отвергнуть или дополнить выдвинутые ранее гипотезы. С другой стороны, результаты экспериментов должны обеспечить выход исследования в практическую плоскость, например, в сферу преподавания иностранных языков. Третий важный дискуссионный момент определяется тем фактом, что нейролингвистика представляет собой очень обширное исследовательское пространство, и, соответственно, каждый исследовательский центр сталкивается с определением своей ниши в широком спектре нейролингвистических исследований. Высказанные дискуссионные моменты, характеризующие современное состояние нейролингвистики, были предложены для обсуждения на круглом столе.

Выбор эффективной методики проведения нейролингвистического эксперимента - самый ответственный этап любого исследования. На этом аспекте заострил свое внимание д.филол.н. В.М. Глушак (Москва), назвав основные проблемы. Во-первых, это - целеполагание и достижение результатов эксперимента, зависящие от качественного и количественного состава испытуемых, их мотивирования к добросовестному участию в эксперименте, а также их соответствия техническим условиям эксперимента. Другим важным моментом в связи с все более возрастающим интересом к проведению экспериментальных исследований в коллаборации с другими научными центрами и лабораториями является эффективное

распределение этапов и задач эксперимента между ними. Также актуальным является определение оснований проведения эксперимента, потому что нейролингвистика — это междисциплинарная наука, в которой объектом исследования может выступать феномен, традиционно относящийся к той или иной дисциплине. Применительно к профессиональной педагогической деятельности можно задать вопрос, что должно быть первичным в нейролингвистических экспериментах — лингвистические объекты или педагогическая или психологическая проблема, очевидность которой проявилась в результате взаимодействия обучающихся с обучающимися.

В связи с процедурой проведения эксперимента к.филол.н. М.А. Толстова (Томск) указала на важность наличия в команде исследователей квалифицированного аналитика. Впрочем, работа аналитика может сильно пострадать, если будет выдвинута нечеткая гипотеза и разработаны размытые исследовательские вопросы. Еще одним нерешенным вопросом, постоянно возникающим на различных дискуссионных платформах, является необходимое число респондентов для достижения достаточной валидности проводимого нейролингвистического исследования. Центр когнитивных исследований и нейронаук (ТГУ) ориентируется на участие минимального количества испытуемых в 20 человек на одну переменную в своих экспериментах. Например, если исследуется зависимость объекта от пола, то на каждый пол требуется не менее 20 испытуемых.

Д.филол.н. И.В. Тубалова (Томск) обратила особое внимание на тщательное проведение статистического анализа полученных данных. Это является не только объективным показателем валидности полученных знаний, но и выступает обязательным условием опубликования результатов исследования в авторитетных научных изданиях. Некоторые возможности статистической обработки уже содержатся в программном обеспечении инструментов проведения эксперимента, но, тем не менее, существует потребность в разработке дополнительных моделей проведения статистического анализа результатов. На настоящий момент положение дел выглядит таким образом, что лишь немногие члены исследовательского коллектива владеют знаниями статистической обработки, поэтому перед всеми учеными поставлена задача овладеть этими знаниями в необходимом объеме.

Затрагивая вопрос о первичности фундаментального или прикладного характера нейролингвистического исследования, к.пед.н. О.Е. Богданова (Томск) отметила сложность принятия однозначного решения, поскольку в силу своей профессии преподаватели, которые в основной своей массе проводят нейролингвистические исследования, ищут ответы на вопрос, как они могут трансформировать свою образовательную практику, подкрепив это научным обоснованием. Целесообразно, чтобы в нейролингвистических исследованиях происходила глубокая интеграция фундаментальных и прикладных аспектов.

Возможному учету педагогического аспекта в нейролингвистических исследованиях посвятила свое выступление к.пед.н. Т.Б. Сидорова (Москва). Дело в том, что успешный образовательный процесс не в последнюю очередь зависит от вовлеченности обучающихся, которая характеризуется сознательным, избирательным, сфокусированным вниманием к определенной учебной задаче в контексте всех учебных задач, предлагаемых в учебном процессе. Нейрофизиологические исследования вовлеченности в систему языковой подготовки обусловлены, по мнению Т.Б. Сидоровой, несколькими факторами. Во-первых, такие исследования способны носить рамочный характер, поскольку вовлеченность на уровне высшей школы носит не ситуативный, а более глубокий, устойчивый, индивидуализированный характер, что может стать важным сравнительным параметром при проектировании комплексных, многоуровневых исследований в нейролингвистике

и нейродидактике. Во-вторых, наработанный международным научным сообществом инструментарий в области нейрофизиологии вовлеченности, например, «индекс вовлеченности» (ЭЭГ), «когнитивная нагрузка», «активное внимание» и многое другое, способны выступить серьезной научной базой для собственных исследований.

На перспективность междисциплинарных исследований указал и к.филол.н. М.О. Матвеев (Москва) на примере исследования формирования образов сознания при помощи вербальных и невербальных компонентов текста с привлечением научного инструментария лингвистики, психологии, нейронауки и педагогики. В первую очередь, стоит обратить внимание на характеристики самого текста. Вербальные компоненты, такие как лексика, синтаксис и стиль, играют важную роль в создании ментальных образов. Использование метафор, символов и аллегорий способствует формированию ярких визуальных и эмоциональных представлений у читателя. Невербальные компоненты, включая типографику, графические элементы, схемы и диаграммы, усиливают восприятие и помогают лучше усваивать информацию. С психологической точки зрения, восприятие текста связано с процессами памяти и воображения. При чтении активируются зрительные и слуховые ассоциации, а также эмоциональные реакции, что помогает формировать ментальные образы. Важно учитывать, что эти процессы зависят от индивидуальных особенностей читателя и его предыдущего опыта. Применение нейролингвистических методов открывает новые возможности для понимания нейронных коррелятов сознания. Современные технологии, такие как функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI) и электроэнцефалография (EEG), позволяют изучать изменения и процессы в мозге при взаимодействии с текстом.

К.биол.н. Н.Ю. Симаков (Москва) отметил перспективность изучения нейротизма в процессе освоения иностранных языков. Некоторые проведенные им исследования показывают, что повышенный уровень нейротизма, определяемый при помощи комбинации методов во время выполнения испытуемым тестового задания, а также замера индекса 2D:4D, дающего представления о пренатальном уровне стероидных гормонов и тестостерона, в частности, является фактором, коррелирующим с успешным освоением L2 и абсорбции иноязычной культуры. Исследователь сделал предположение, что это имеет прямую зависимость от уровня эмпатических переживаний и, соответственно, рассматривается как одно из возможных объяснений того факта, что среди студентов, более успешно справляющихся с языковыми программами, наблюдается значительное в процентном соотношении преобладание женщин над мужчинами.

В работе Круглого стола приняла участие доцент Е.В. Глушко (МГИМО, Одинцово), представившая группу разработчиков русскоязычного глоссария нейролингвистических терминов, руководит которой д.филол.н. В.А. Иконникова (МГИМО, Одинцово). Возникновение и развитие новых терминологий и терминосистем является сложным процессом, лингвистическое изучение которого предполагает рассмотрение вопросов этимологии исконных и заимствованных единиц, продуктивных словообразовательных моделей терминообразования, развития и лексикографической фиксации семантики терминов, парадигматических и системных отношений между единицами специальной лексики. Начатая в 2023 году работа по созданию глоссария будет продолжена в области дефиниционного анализа, установления иерархических отношений и репрезентации терминологических единиц на цифровой платформе терминов. Конечной целью данной работы является формирование русскоязычного глоссария терминов нейролингвистики.

В ходе обсуждения на круглом столе было предложено рассмотреть вопрос о сотрудничестве авторов глоссария нейролингвистических терминов, разрабатываемого представителями ФЛМК МГИМО, и рабочей группы ТГУ в области отбора и анализа нейролингвистических терминов, обозначающих понятия методики преподавания иностранных языков. Впрочем, и по остальным озвученным проблемам и перспективам проведения исследований у представителей нейролингвистических центров МГИМО И ТГУ обнаружились точки соприкосновения. В заключительной части круглого стола с обеих сторон прозвучали предложения об организации научного сотрудничества и проведении совместных экспериментов.

***Информация об авторе:***

**Глушак Василий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия)

***Получено:*** 26 апреля 2024 г.

***Принято к публикации:*** 1 июня 2024 г.

**EXPLORING THE IMPACT OF NEUROLINGUISTIC  
RESEARCH ON FOREIGN LANGUAGE EDUCATION:  
INSIGHTS FROM THE MGIMO UNIVERSITY  
ROUND TABLE EVENT  
(MOSCOW, APRIL 20, 2024)**

***Vasily M. Glushak***  
*MGIMO University*  
*(Moscow, Russia)*  
*glushakvm@mail.ru*

**Abstract.** The article provides an overview of the main reports presented at the round table on neurolinguistic research issues in the field of language education, organized within the framework of the 5<sup>th</sup> Inter-University Scientific and Practical Conference “Traditions and Innovations in Foreign Language Teaching in Non-Linguistic Universities” (MGIMO University, Moscow, Russia).

**Keywords:** neurolinguistics, language education, neuroscience, neurodidactics, methodology of neurolinguistic research.

**How to cite this article:** Glushak, V.M. (2024). Exploring the Impact of Neurolinguistic Research on Foreign Language Education: Insights from the MGIMO University Round Table Event (Moscow, April 20, 2024). *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 155–160 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-155-160>

***About the author:***

**Vasily M. Glushak**, Dr. Sci. (Philology), is a professor in the Department of the German Language at MGIMO University (Moscow, Russia).

***Received:*** April 26, 2024.

***Accepted:*** June 1, 2024.